

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО Science. Culture. Society

№ 2 / 2024

Том 30

DOI: 10.19181/nko.2024.30.2

EDN: QHTCJY

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издаётся с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в перечень ВАК (К2). Включён в Российский индекс научного цитирования
(РИНЦ).

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва
2024

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН).

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, чл.-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Буланова Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и государственного управления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, РГГУ.

Гуселтов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет

Дудина Виктория Ивановна, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, профессор, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (Казахстан).

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Константинова Лариса Владимировна, доктор социологических наук, профессор, РЭУ им. Г.В.

Плеханова.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, доцент, РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор, РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; Финансовый университет при Правительстве РФ.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, доцент, Воронежский филиал РАНХиГС.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, ИДИ ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladmir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marina B. Bulanova, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS; RSUH.

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Galina S. Denisova, Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University

Victoria I. Dudina, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Miroљub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirova, Doctor of Sociology, Professor, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan).

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University; North-Western Institute of Management – Branch of RANEPА.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPА.

Larisa V. Konstantinova, Doctor of Sociology, Professor, Plekhanov Russian University of Economics.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPА.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPА.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Financial University under the Government of the Russian Federation.

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPА Voronezh branch.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franc E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

К читателю	8
----------------------	---

УПРАВЛЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Василенко Л. А.

Метаморфозы цифровой многосубъектности: регулятивы мягкого управления vs программированного общества	10
---	----

Богданов В. С.

Гибридные системы управления: от осмысления онтологических аспектов к концептуализации феномена	25
--	----

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРАХ ОБРАЗОВАНИЯ И ТРУДА

Ковалев В. В., Дятлов А. В.

Субъектность академического сообщества в условиях менеджеристского управления	37
--	----

Боронина Л. Н., Ольховикова С. В., Балясов А. А.

Организационно-управленческий контекст развития проектного обучения в высшей школе	52
---	----

Кеммет Е. В.

Управление профессиональной социализацией женщин в сфере инженерно-технического труда: вызовы и пути решения	70
---	----

СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Карпова А. Ю.

Проактивная система предотвращения инцидентов скулшутинга: что имеет значение?	83
---	----

Певная М. В., Минченко Д. В., Початкова Е. И.

Управляемость молодежного медиаволонтерства: характеристики активности и организационные условия	99
---	----

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Шилова В. А.

Управленческий стиль как индикатор характера взаимодействия региональных органов власти и населения	116
--	-----

Шаповалова И. С.

Опыт проведения человекомерной экспертизы инновационных проектов.	133
--	-----

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ

Демьяненко В. И.

К вопросу о переосмыслении концептуальных оснований управления
как социального явления 146

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Сащенко Н. П.

Риски социальных изменений: политическая проекция
(по материалам научного симпозиума) 161

ПОЗДРАВЛЕНИЯ И ЮБИЛЕИ

От редакции

Геннадию Васильевичу Осипову – 95 лет! 164

От редакции

Вилену Николаевичу Иванову – 90 лет! 167

CONTENT

OPENING ADDRESS

To the reader	8
-------------------------	---

MANAGEMENT IN A DIGITAL TRANSFORMATION

<i>Vasilenko, L. A.</i> Metamorphoses of digital multi-subjectivity: the regulatives of soft governance vs a programmed society	10
<i>Bogdanov, V. S.</i> Hybrid control systems: from ontological reflection to conceptualization of the phenomenon.	25

CURRENT PROBLEMS OF MANAGEMENT IN THE FIELDS OF EDUCATION AND LABOR

<i>Kovalev, V. V., Diatlov, A. V.</i> Subjectivity of the academic community in the conditions of managerialist management	37
<i>Boronina, L. N., Olkhovikova, S. V., Baliasov, A. A.</i> Organizational and managerial context of project-based learning development in higher school	52
<i>Kemmet, E. V.</i> Managing professional socialization of women in engineering and technical work: challenges and solutions	70

MODERN MECHANISMS FOR THE IMPLEMENTATION OF YOUTH POLICY

<i>Karpova, A. Yu.</i> A proactive schoolshooting incident prevention system: what matters?	83
<i>Pevnaya, M. V., Minchenko, D. V., Pochatkova, E. I.</i> Manageability of youth media volunteering: characteristics of activity and organizational conditions	99

PROMISING METHODS AND TOOLS OF REGIONAL MANAGEMENT

<i>Shilova, V. A.</i> Managerial style as an indicator of the nature of interaction between regional authorities and the population	116
<i>Shapovalova, I. S.</i> Experience in conducting human-dimensional examination of innovative projects	133

A NEW PERSPECTIVE ON MANAGEMENT PROBLEM RESEARCH

Demyanenko, V. I.

On the issue of rethinking the conceptual foundations of management
as a social phenomenon 146

ACADEMIC EVENTS

Sashchenko, N. P.

Risks of social change: political projection
(based on the proceedings of a scientific symposium) 161

GREETINGS AND ANNIVERSARIES

Editorial note

Gennady V. Osipov –95! 164

Editorial note

Vilen N. Ivanov – 90! 167

К ЧИТАТЕЛЮ

Номер посвящён современным проблемам управления в российском обществе. В центре внимания заявленной проблематики стоят проблемы управляемости, вопросы организации и самоорганизации, выявление и изучение явных и латентных, спонтанных и организованных процессов. Перед управлением поставлены сложные комплексные задачи, касающиеся разработки адекватных текущим условиям механизмов, создания новых и переосмысления используемых методов и средств, способствующих выработке эффективных и продуктивных управленческих решений, а также оценка их социальных последствий. Поскольку общественные процессы в мире постоянно усложняются, отдельного внимания заслуживает разработка и апробация социальных технологий как инструмента перевода научного знания в управленческую практику.

Современный этап развития отечественной управленческой мысли характеризуется поворотом к индивиду и изучению человекообразных систем. Всё чаще в основу исследований закладывается принцип антропоцентризма и социокультурных особенностей развития общества. Возрастает интерес к социальному субъекту, акцентируется внимание на индивиду как акторе, способном проявлять свою субъектность и вступать во взаимодействие с другим субъектами социального развития. Актуализируется проблематика перехода от технократических к социогуманитарным принципам управления, построенным на устойчивом механизме социально ориентированной обратной связи. В последнее время исследовательская оптика сфокусирована на изучении феномена управления в условиях цифровой трансформации российского общества и включении в процесс разработки и принятия управленческих решений искусственного интеллекта.

Подобранные нами для тематического выпуска статьи затрагивают ряд важных и актуальных вопросов. Один из них касается использования регулятивных механизмов в условиях цифровизации и гибридизации общества. Не остаётся без внимания изучение управления в научно-образовательной деятельности, в сфере организации трудовых отношений и развитии регионов. Происходит переосмысление текущих и разработка новых исследовательских подходов. Отдельное внимание уделено анализу новых управленческих механизмов работы с молодёжью и девиантными группами, рассматриваются гендерные отношения, представлены возможности для расширения волонтёрского движения. Ключевой особенностью номера является исследование проблем управления в двух плоскостях: теоретико-методологическом (постановка вопросов, формулирование новых проблем) и научно-исследовательском (анализ результатов эмпирических исследований).

Основной посыл предлагаемого вниманию читателя номера заключается в организации дискуссионной площадки для учёных, изучающих современные явления и тенденции в области управления. Несмотря на различия в исследо-

вательских подходах все они соглашаются с мнением, что в современных условиях, характеризующихся социальной нестабильностью, высокой турбулентностью общественных процессов, появлением новых вызовов и угроз, проблемы управления и управляемости социальными процессами не только сохранили свою актуальность, но и получили новый импульс своего развития. Это, несомненно, находит отражение в современной повестке дня и представленных в выпуске научных публикациях.

*Редактор тематического выпуска,
А. А. Мерзляков*

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.2.1](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.1)
EDN [PBXVRT](https://edn.nko.ru/PBXVRT)
УДК 316.422

Л. А. Василенко¹
¹ РАНХиГС. Москва, Россия

МЕТАМОРФОЗЫ ЦИФРОВОЙ МНОГОСУБЪЕКТНОСТИ: РЕГУЛЯТИВЫ МЯГКОГО УПРАВЛЕНИЯ VS ПРОГРАММИРОВАННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Статья посвящена актуальной и спорной теме – спонтанному формированию регулятивов управления поведением субъектов в виртуальном мире в условиях цифровой трансформации и гибридного социального пространства и влиянию этих процессов на социальный порядок. Разнообразие субъектов (многообразие) представлено как традиционными субъектами социума в виртуальном пространстве (представители органов власти, граждане и их объединения, включённые в цифровые коммуникации), превращённой виртуальной реальностью актора с высоким уровнем анонимности, так и техносубъектами (изделиями со встроенными алгоритмами искусственного интеллекта (чат-ботами, нейросетями, цифровыми двойниками и т.п.), проявляющими некоторые элементы субъектности (возможности влияния на поведение участников коммуникации, обладания техносубъектами социальным телом (по А. В. Тихонову). Мягкое управление рассматривается как демократический стиль субъект-субъектного управления через воздействие на культуру, сознание, поведение с передачей участникам необходимых полномочий и применения неформальных методов коммуникаций. Если регулятивы программированного общества имеют высокие риски латентной манипуляции со стороны органов власти или анонимных претендентов на власть, то регулятивы мягкого управления имеют двойственную основу (установление законов, правил и инструкций для всех типов субъектов, регулятивы согласования интересов партнёров в партисипативных взаимодействиях, развитие резистентной реакции на манипулятивные влияния, технико-технологические услуги в экосистемах и цифровых платформах), но в том числе и регулятивы латентного и манипулятивного характера. Сделан вывод о необходимости включения всех указанных аспектов в проблематику научной дисциплины «Социология управления».

Ключевые слова: многообразие, мягкое управление, программированное общество, регулятивы, цифровая трансформация, социальное тело, искусственный интеллект, техносубъекты, виртуальное пространство, гибридность, социальный порядок

Для цитирования: Василенко Л. А. Метаморфозы цифровой многообразие: регулятивы мягкого управления vs программированного общества // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 2. С. 10–24. DOI [10.19181/nko.2024.30.2.1](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.1). EDN [PBXVRT](https://edn.nko.ru/PBXVRT).

Введение. Современный мир в долгом эволюционном процессе от первых регуляторов трудовой деятельности до современных цифровых механизмов управления сложными процессами с применением искусственного интеллекта, способными действовать автономно, столкнулся с феноменом «множественной субъектности», гибридной социальностью социального пространства [1; 2] с участием техносубъектов [3], применяемых в автономном формате [5, с. 10–29], представляющих собой социальные конструкты со встроенными алгоритмами искусствен-

ного интеллекта, базирующихся «на высокоуровневом копировании отдельных аспектов функционирования человеческого интеллекта» [6]. Так, GPT-4 прошёл тестирование школьной службой Scholastic Testing Service и «вошёл в 1% лучших по творческим возможностям среди 2718 участников¹. Участниками тестирования выступили студенты колледжей и взрослые, которые прошли тест с помощью школьной службы тестирования. По исследованию ВЦИОМ «Нейросети и человек: начало пути», россияне с нейросетями пока знакомы слабо, но уверены, что человека они заменить не смогут². Но могут ли техносубъекты влиять на изменение социального порядка и выступать субъектами управления в социуме? К ответам на данные вопросы мир подходит постепенно. С переходом к постиндустриальной парадигме общество столкнулось с необходимостью применения разнообразных регулятивных конструктов, что требует разработки дополнительных подходов к построению теоретических оснований социологии управления.

Гипотеза и методы исследования. В современных условиях цифровой трансформации мир столкнулся с гибридным социальным пространством, в котором граждане могут выступать как партнёры органов власти, всё более проявляя свойства субъектности. Люди взаимодействуют с изделиями со встроенными алгоритмами искусственного интеллекта (техносубъектами) реализующими некоторые когнитивные функции человека, которые, не являясь субъектами управления, могут оказывать влияние на поведение социальных акторов, обуславливая проявление элементов субъектности в изменении социального порядка. Рабочая гипотеза о том, что феномены многосубъектности и стихийно складывающихся регулятивов управляемости носят рискогенный характер и требуют пересмотра теоретических оснований социологии управления. Для достижения цели исследования поставлены следующие задачи, которые обусловили логику и структуру статьи.

1. Уточнить особенности проявления субъектной индивидуальности конструктов (изделий) со встроенным искусственным интеллектом и некоторых возможностей регулятивов управляемости в сетевой социальной системе.
2. Проанализировать превращённую виртуальную реальность как форму проявления анонимной многосубъектности в гибридном социуме.
3. Исследовать феномен программируемого общества применительно к современному гибриднему социальному пространству.
4. Осуществить поиск используемых форматов регулятивов «мягкого управления» в условиях многосубъектности.

Методологической основой исследования послужили теоретико-методологические аспекты социологии Т. Парсонса [7]; подходы к исследованию техносубъектов профессора В. Игнатъева [3; 4]; автономности использования технологических устройств с применением искусственного интеллекта академика В. Лекторского [5, с. 10–29], парадоксы и противоречия ИИ [6]; феномен социального тела как «совокупности реальных прямых и косвенных связей индиви-

¹ Нейросеть GPT-4 обошла людей уже и в креативности – результаты теста шокируют // Metro. 18.09.2023. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/nejroset-gpt-4-oboshla-ljudej-uzhe-i-v-kreativnosti-rezultaty-testa-shokirujut-18-09-2023> (дата обращения: 15.04.2024).

² Нейросети и человек: начало пути // ВЦИОМ. 05.04.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/neiroseti-i-chelovek-nachalo-puti> (дата обращения: 15.04.2024).

да с другими людьми» (А. В. Тихонов) [8]; субъектная парадигма управления В. Лепского [9]; социологических подходов к измерению социального капитала [10]; результаты социологического эксперимента, проведённого швейцарскими учёными Института биомедицинской этики и истории медицины Цюрихского университета Джованни Спитале, Николой Биллер-Андорно и Федерико Джермани (выборка 697 респондентов из Соединённого Королевства, Австралии, Канады, Соединённых Штатов и Ирландии в возрасте от 42 до 76 лет) [11], а также социологического исследования согласования интересов социального партнёрства О. Антоновой [12].

Представленная гипотеза и разнообразие форматов регулятивов управляемости носят поисковый характер и требуют дополнительной организации академических исследований.

Субъектная индивидуальность изделий с искусственным интеллектом (псевдосубъектом, техносубъектом, не-Человеком, нейросетью). Академик В. Лекторский, рассматривая автономность использования технологических устройств с применением искусственного интеллекта, подчёркивает, что последние: «научились советовать человеку и даже диктовать» некоторые форматы поведения на основе анализа данных [5, с. 10–29]. Если действие человека предполагает самостоятельный выбор и осознание последующей ответственности, то в случае воздействия техносубъекта (например, нейросети) возникает вопрос «кто отвечает за действия искусственного интеллекта: разработчик, владелец или сама система»³. И каким должен быть регулятивный механизм в развивающейся сложной социальной системе, в которой функционируют и взаимодействуют субъекты различного типа.

Возможно ли рассматривать псевдосубъекта в качестве полноценного субъекта или рассматривать как алгоритм, сконструированную технологию, имитирующую некоторые когнитивные функции человека, реализующую функцию посредника между человеком и информационно-сетевой средой, и тогда неминуемо его участие в управленческих взаимодействиях?

В качестве иллюстрации приведём пример эксперимента, проведённого учёными Института биомедицинской этики и истории медицины Цюрихского университета Дж. Спитале, Н. Биллер-Андорно и Ф. Джермани [11], в котором приняли участие 697 респондентов из Соединённого Королевства, Австралии, Канады, Соединённых Штатов и Ирландии в возрасте от 42 до 76 лет. Большинство из них имеют степень бакалавра или выше, в основном по общественным, гуманитарным, естественным или медицинским наукам. Цель исследования состояла в определении, как искусственный интеллект влияет на оценку информации человеком, могут ли респонденты отличить дезинформацию от правдивой информации в твитах социальной сети Twitter и определить, был ли твит написан человеком или сгенерирован GPT-3. В результате было доказано, что как точная, так и ложная информация, сгенерированная GPT-3, признается правдивой чаще, чем твиты людей (рис 1), т.е. нейросеть может оказывать значимое влияние на сознание человека и тем самым может обусловить последующий формат его поведения.

³ Скибина О. Академик РАН В. А. Лекторский – об автономности искусственного интеллекта, свободе выбора и ответственности // Научная Россия. 23.11.2021. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/akademik-ran-valektorskij-ob-iskusstvennom-razume-i-novyh-ugrozah> (дата обращения: 05.02.2024).

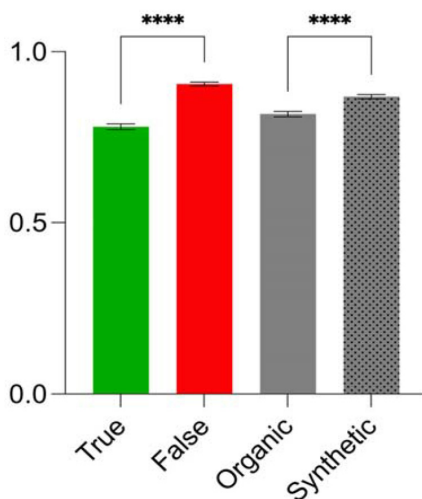

Рисунок 1. Твиты с дезинформацией (красные полосы) чаще распознаются правильно, чем точные твиты (зеленые полосы). Синтетические твиты (пунктирные серые полосы) чаще распознаются правильно, чем обычные твиты (серые полосы). Показатель распознавания дезинформации (или TF-балл, диапазон от 0 до 1) – это средний балл для всех 697 респондентов (или 1,100% правильных ответов; 0,0%); обычный однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), множественные сравнения по тесту Тьюки, $n = 697$; $P < 0,01$ и $****P < 0,0001$. Столбцы ошибок = SEM.**

Источник: Spitale G., Biller-Andorno N., Germani F. AI model GPT-3 (dis)informs us better than humans // Science Advances. 2023. Vol. 9, No. 26. DOI 10.1126/sciadv.adh1850 [11].

Возникает своеобразная управленческая триада неадминистративного посреднического влияния, которая обладает латентными характеристиками и зачастую весьма результативна по последствиям как положительного, так и негативного характера. Что за феномен в таких процессах выступает деятельностной управленческой сущностью в коммуникационной среде, обладает ли такой сложный организм тихоновским «социальным телом», поскольку «любая человеческая деятельность не только состоит из субъекта активности, предмета и используемых средств, но и осуществляется путём прямого и косвенного участия в ней других людей, совокупность которых и образует её социальное «тело», рассматриваемое как «совокупность реальных прямых и косвенных связей индивида с другими людьми, меняющаяся в течение жизни... Через взаимопроникновение и взаимодействие социальных тел каждый человек участвует в формировании социального порядка, а социальное тело в свою очередь как совокупность «значимых других» участвует в формировании его личности» [8, с. 204–205]. Из этого следует, что любой процесс взаимодействия влияет на обе участвующие стороны. И тогда возникает проблема, какую роль, какую функцию в механизме управления может выполнять техносубъект. Насколько корректно обсуждать устойчивость социальных связей и отношений в случае обращения актора к нейросети, поскольку техносубъект может выступать посредником между участниками, один из которых обретает неявные социальные связи и отношения и действует через интенции.

Возможен ли в данном случае вывод В. Гейзенберга о стирании различия между взаимодействующими участниками, например, между «субъектом и познаваемым объектом» [13, с. 5]?

Во-первых, желательно уточнить сущностные особенности субъекта с естественным интеллектом [13]:

- понимание субъекта как самосознающего материального существа предполагает, что сам субъект и его деятельность поняты в их социально-культурной и исторической обусловленности, а его предметно-практическая и познавательная деятельность опосредована отношением к другим субъектам;
- человеческое познание как высшая форма отражения действительности предполагает не только сознательное отношение субъекта к объекту, но и сознательное отношение субъекта к самому себе;
- процесс познания сопровождается «сознанием места индивидуального субъекта в системе пространственно-временных отношений объективного мира с учётом способов и норм познавательной деятельности», универсальной культуры.

Во-вторых, сегодня можно говорить о роли новых типов «предметов-посредников» В. Лекторского – псевдосубъектов, их участии в новом типе реальности (виртуальной). И они – эти посредники – могут значимо влиять как на индивидов, так и на социальные группы.

В-третьих, следуя акторно-сетевой теории Латура, можно обсуждать некие феномены, называемые им актантами, представляющими собой материальные объекты, выступающие в трех качествах: «как невидимые и надёжные инструменты, как детерминирующая инфраструктура и как проекция» [14, с. 237]. «В качестве инструментов они передают социальную интенцию, которая проходит через них, без всякого на них влияния. В роли элементов инфраструктуры они образуют материальный фундамент, на котором затем надстраивается социальный мир знаков и репрезентаций. Как проекции они могут только служить предметом утончённой игры в описаниях» [15, с. 105]. Таким образом, Латур распространил сеть отношений на материальные объекты, как некоторую составную часть сети действий и взаимодействий.

В-четвертых, рассматривая особенности таких искусственно созданных изделий с применением искусственного интеллекта вне организационных систем управления, например, нейросетей как саморазвивающихся акторов, называемых Владимиром Лепским АКТЭЛами [9, с. 93], отметим, что они лишены материальных свойств (плотности, протяжённости и формы) и не могут оставлять во взаимодействиях материальные следы, у них нет органов чувств и для них проблематично сознание сущности вкуса и запаха. Кроме того, мы рассматриваем преимущественно такие изделия, которые наделены свойствами самообучения, т.е. они динамично самосовершенствуются, из чего следует, что во взаимодействии с другими они тоже могут меняться. В рамках субъектной парадигмы управления В. Лепского для обеспечения разнообразных взаимодействий субъектов естественного интеллекта с образованиями искусственного интеллекта (псевдосубъектами), в организационных системах управления последние могут корректно применяться для чётко поставленных целей и могут наделяться вполне определёнными свойствами (псевдохарактеристиками), такими как целеустремлённость, рефлексивность, коммуникативность, социальность и способность к развитию [9, с. 93]. Означает ли это обладание ими «социальным телом», для которого свойственно аккумулировать социальные связи и формировать отношения с другими?

В-пятых, что касается способности к развитию, то она заложена в алгоритме самообучения. Характеристика социальности тесно связана с культурой. Подход 4E Cognition частично расширяет возможности встраивания социокультурных аспектов и контекста в конструирование человеко-машинных интеллектуальных коммуникаций, так как компонент «Embedded» (вписанное в среду) может включать в алгоритмы особенности коммуникационной среды, компонент «Enacted» (связанный с действием) может учитывать суть, характер и направленность действий участников, а «Extended» (расширенное) относится к непосредственно к индивиду и к использованию им в познавательной деятельности предметного разнообразия. Для более полной реализации характеристики «социальность» не хватает типовых моделей поведения применительно к различным ситуациям в условиях действия социальных институтов, что в человеческом обществе формируется в процессах социализации. И некоторые паттерны поведения обнаруживаются у нейросетей, при этом отметим, что в проводимых экспериментах автором статьи выявлены различия в паттернах поведения. Технологии воспитания псевдосубъектов пока не разработаны и официально не требуются, а именно это может сформировать индивидуальные особенности на чётко определённой ценностной основе. Развитие компонента «социальность» дополнительно требует в коммуникативных взаимодействиях учёта контекста, но это возможно формализовать только частично. Основанием такого вывода можно считать весьма претензионную «культурную когнитивную нейронауку» П. П. Горяева, отталкивающуюся от того, что мозг человека – биоартефакт, имеющий не только биологическое происхождение, но и социокультурное. Одним из фактов, в какой-то мере подтверждающих природные основания реализации свободы воли кроются в феномене природных оснований, названном П. П. Горяевым омоминичностью: «мудрость генома, говорящая, что даже чисто логический анализ таблицы генетического кода, а она принята как догма, уже приводит к очевидной мысли, что кодирование аминокислот в белках не однозначно для половины кодонов», названных омонимами и выражающаяся тем, что «один из кодонов-омонимов (UUU) кодировал одновременно две разные аминокислоты – фенилаланин и лейцин, чего быть не должно». Горяев объясняет это «ментальной (смысловой) природой обнаруженного несоответствия», т.е. «рибосомы, как квантовые нанобиокомпьютеры, читающие копии генов – информационные РНК (мРНК), учитывают и “понимают” контексты (смыслы) всей длинной молекулы информационной РНК и придают точный единичный смысл кодонам омонимам». Этот феномен, по мнению П. Горяева, является природным основанием свободы воли человека [16].

Таким образом, мы не можем полноценно представить человеческие действия и функционирование социальных институтов как набор алгоритмизируемых правил. Как, например, показывают когнитивные исследования, уже восприятие не есть просто действие по правилам, а является извлечением такой информации из окружающего мира, характер которой часто нельзя предугадать [17]. Это же относится и к способности к развитию. То, что выражает сущностные сугубо человеческие качества, которые «не есть действия по технологизируемым правилам: свободный выбор, понимание другого, признание, взаимная помощь, сострадание, самопожертвование. Моральные предписания (возлюби ближнего, относись к другому не как к средству) не указывают правила их выполнения» [18, с. 17].

Возникает вопрос ещё более важный для социологии управления. О чьих целях в целеполагании идёт речь? Кто ставит эти цели и как осуществляется

процесс коррекции этих целей в случае, если псевдосубъект в процессе самообучения будет способен менять свои цели (такие случаи уже наблюдались [4]). В отдельных случаях псевдосубъект наделяется способностью поиска решения без заданного алгоритма. «Генеративные модели способны обеспечить осмысленный диалог, составление рефератов, дипломных работ и диссертаций; сдачу экзаменов, сочинение музыки и театральные сценарии с визуальным и звуковым сопровождением; имитацию художественного полотна; и делать многие другие вещи, ранее выполняемые творческими людьми. Однако... эти интеллектуальные системы используют лишь то, что сформулировал и представил человек. Ничего нового от себя они не продуцируют» [6, с. 166]. А. Ващенко аргументирует постоянное совершенствование программ реализации искусственного интеллекта: «Программа может пойти по пути, который человек не способен предусмотреть... Даже простые задачи “обучения с подкреплением” алгоритмов машинного обучения знаменуют новый этап в разработке программ: это интеракционное кообучение, когда машина работает в связке с людьми и каждый член оппозиции непредставим вне другого члена. Без синтеза естественного и искусственного интеллектов невозможен чат-GPT» [6, с. 165]. Но главный вопрос целеполагания выражен достаточно чётко академиком В. Лекторским: «постановка цели зависит от принимаемых человеком ценностей», которые «лежат в основе той или иной культуры и определяют характер социальных институтов» [18, с. 17]. И решение этого вопроса проблематично, что и связано с наличием императивов культуры.

Превращённая виртуальная реальность. Кроме изделий с искусственным интеллектом, в современной реальности имеется ещё один не очень понятный и мало исследованный наукой феномен – превращённая реальность, которая, по С. А. Смирнову, представляет собой «продолжение естественно-искусственного процесса изменения деятельности человека, воплощённой в её превращённой форме, форму жизни в виде цифровой копии исходного оригинала, несамостоятельную, т.е. зависимую от исходной, родовой формы реальности, но отчуждённый от неё, живущий в специально созданной виртуальной среде по своим законам» [19 с. 21]. Она выражена в знаково-символическом формате (тексты, знаки, символы, цифры, образы...). В этом плане превращённая форма представляет один из вариантов индивидуальности опосредованного субъекта, замещающая реальность, но эта реальность существует как иррациональный (парадоксальный) способ бытия [20, с. 30], как виртуальная дигитальность (virtual digitalism), т.е. «реальные цифровые объекты», которые участвуют в различных событиях, их «виртуальные переживания обладают такой же ценностью, как и не виртуальные» [21, с. 309–310]. Данный способ реализует желание субъекта публично предстать в выбранной роли как превращённая виртуальная реальность, поскольку данное воплощение в реальной социальной практике либо невозможно, либо субъект не желает публично предстать в выбранном им качестве и пользуется таким способом анонимно. И этот анонимный субъект, участвуя в управленческих взаимодействиях, имеет большую степень свободы, чем традиционный субъект. И здесь, как и в случае с техносубъектом, возникает феномен взаимодействия латентного характера, которое также может влиять на изменение социального порядка.

Виртуальная дигитальность как отчуждённое воплощение реальности «может быть настолько же ценным, что и существование в исходном, физическом

и социальном мире, в превращённой форме», его цифровой аватар может быть «любим, уважаем, он там герой, его принимают и славят», либо «все социальные ограничения здесь сняты. Он не берет ни перед кем никаких социальных и нравственных обязательств», либо «сама событийность становится виртуальной, кажущейся индивиду более полной, разнообразной, богатой и более значимой для него, нежели исходная социальная реальность» [19, с. 32]. Чтобы вернуться из отчуждённого состояния, «человек должен совершить распределение, что невозможно в виртуальном мире, но возможно уже в новой социально-цифровой реальности, в которой виртуальная реальность выступает не иллюзией и не формой ухода от себя, а новым ресурсом развития [19, с. 37], но и не только, возможно включение такого феномена в механизмы и управления. Теоретическим основанием описываемого феномена выступает гибридность современного цифрового общества [1]. Превращённую форму виртуальной реальности субъект может использовать как ресурс для разных благих и деструктивных целей – собственного развития, публичного представления каких-то черт своей индивидуальности, манипулятивного воздействия на поведение других субъектов, выполнения различных коммуникативных ролей, в том числе и, по мнению С. Смирнова, «замещения неудавшегося социального способа бытия цифровым заменителем» [19, с. 34]. Но цели эти всё же выбирает сам оригинал, то есть человек, обладающий сознанием и культурой. И тогда социология управления может включать данные вопросы в предмет своего изучения.

Программированное общество. Ещё один феномен, который значимо влияет на качество социальных регуляторов – программированное общество. Особенность постиндустриального общества по А. Турену состоит в том, что инвестиции в нем вкладываются на уровне целей производства для изменения организации труда. Эти изменения осуществляются через разработку и внедрение инноваций и связанной с ними реорганизацией функционирования производственной системы и, главное, культуры управления. Переход к постиндустриальному обществу осуществляется, когда инвестиции производят в большей степени не материальные блага и даже не «услуги», а блага символические, способные изменить ценности, потребности, представления.

Отметим важный тезис Алена Турана для данной темы: индустриальное общество изменяло средства производства, постиндустриальное изменяет цели производства, то есть оно не может иметь причиной технологию, «каким бы не было экономическое значение последней». Соглашаясь частично с автором, всё же подчеркнём, что технология выступает значимым фактором и создаёт условия для порождения множества феноменов, главный из которых заключён в том, что «вся совокупность экономической системы составляет объект интервенции общества в отношении самого себя». И эта динамическая изменчивость выступает базисом системных трансформаций. В частности, мы имеем в виду феномен, именуемый А. Туреном, программированным обществом как результат его «способности создавать модели управления и производства, организации, распределения и потребления», а «не продукта естественных законов или культурной специфичности» [22, с. 86].

Данные выводы А. Турана сделаны в конце прошлого века. Что же изменилось сегодня? Почему мы с явным опасением говорим о программированном обществе применительно к нашей тематике? Дело в том, что его особенностью становятся условия «для вовлечения в управляемые системы коллективной орга-

низации индивидов, которые оказываются участниками всё более интенсивных обменов и расширенных сетевых коммуникаций», имея высокий потенциал воздействия как на окружающих, так и на самих себя. А сегодня в эти же процессы включаются техносубъекты как посредники между участниками коммуникаций и их латентными владельцами. Ещё один важный аспект состоит в том, что социокультурные новации реализуются в тесном сопряжении с мобильностью «создания новых правящих групп» и элит [22], а сам процесс сопровождается эффектом «централизации аппаратов управления», охватывающих не только производство, но и практически все области жизнедеятельности, обозначая феномен, названный А. Туреном «индустриализацией информации, потребления, здоровья, научных исследований и даже общего обучения» [22, с. 86].

Туреновское программированное общество включает в себя социально-экономический потенциал возникновения «центров решения и управления, способных производить не только системы средств, но сами цели общественной деятельности», предоставляя более широкие шансы индивидам, но и повышая риски латентной «манипуляции со стороны абсолютной власти» или других анонимных претендентов на власть. «Человек считал, что с помощью ИИ он будет управлять миром и глобальным процессом эволюции (т.е. мнил себя Богом: Homo Deus). На самом деле он становится управляемым с помощью этого интеллекта, таким образом превращаясь из Бога в раба, – искусственный интеллект лучше знает за него, что ему нужно» [18, с. 8]. Одним из вариантов решения данной проблемы выступает нормативное закрепление ответственности за последствия. Можно согласиться с А. Степановой, что «Из всех предлагаемых сегодня учёными концепций, самой убедительной, хорошо обоснованной и научно выверенной видится юридическая фикция “электронного лица”, применяемая не ко всем роботам в целом, но к так называемым “разумным” роботам, способным самообучаться на основе собственного опыта, взаимодействуя с окружающим миром» [23, с. 95]. Но этого недостаточно...

Регулятивы «мягкого управления» в условиях многосубъектности. Концептуально «мягкое управление» в гибридном социуме может применяться в как в социальном, так и в государственном управлении. Оно, с одной стороны, предполагает децентрализацию, использование демократического стиля руководства, стимулирование самостоятельной деятельности взаимодействующих акторов не командами и принуждением, а через воздействие на их культуру, сознание и поведение, применение неформальных методов взаимодействия между сотрудниками и передачу им необходимых полномочий, сопровождаемых постоянным переобучением и адаптацией к изменениям, а также направленность управленческих процессов на достижение целей.

Однако в условиях многосубъектности в гибридной среде влияние на сознание участвующих акторов может оказаться разнонаправленным в связи с наличием разных целей и интересов у субъектов, вступающих во взаимодействия. Результат может принимать как позитивный, так и негативный характер для социальной системы. Рассмотрим возможные регулятивные механизмы, используемые в «мягком управлении» в условиях гибридного социума.

1. Установление законов, правил и инструкций, которыми руководствуются все участники. Так, Т. Парсонс пишет, что введение нормы или правила в социальное действие может стать потенциальным источником социальной напряжённости и даже конфликта, если вызывает неприятие какого-то участника [7,

с. 480]. Возникающими проблемами здесь выступает неравенство в требованиях исполнения установленных регуляторов к различным участникам или установление правил в интересах одних социальных общностей без учёта интересов других иногда по причине неопределённости, непонимание своих в момент установления закона или правила. Всё это является потенциальным источником социальной напряжённости и конфликтов. Проблема «непредставленности интересов» связана часто либо с позицией органа власти, которая игнорирует интересы той или иной социальной группы, либо обусловлена отсутствием в регулятивном механизме компонента их выявления. Непрозрачность действий участников субъект-субъектных взаимодействий, вызванных либо латентным характером интересов какой-либо социальной группы, либо недостаточной её развитости, либо непубличным характером алгоритмов техносубъектов. Непрозрачность алгоритма техносубъекта не означает намеренное желание его создателей построить некорректное взаимодействие. Важно понять, в чьих интересах оно осуществляется, т.е. какую выгоду извлекает владелец техносубъекта.

2. Граждане всё активнее участвуют в процессе принятия решений. Они могут высказывать своё мнение через онлайн-платформы или участвовать в публичных слушаниях. Регулирование согласованности действий партнёров или их интересов специфично в условиях партисипативного характера участия взаимодействующих сторон. Проблемы возникают в случае несогласованности целей участников, плохо организованного сотрудничества и взаимодействия, социального неравенства партнёров, их низкой общественной активности и интереса к совместному решению проблем, маленького объёма социального капитала. Поэтому предметом социологии управления является теоретическое обоснование регулятива согласования интересов участников партисипативного взаимодействия. Органы власти всё больше стремятся работать вместе с другими заинтересованными сторонами (например, некоммерческими организациями, бизнесом) для достижения общих целей. Сетевой подход позволяет использовать ресурсы и знания всех участников для создания более эффективных решений. Использование цифровых технологий сетевого управления также требует регулятивного инструмента и развития качества резистентности участников к нежелательным управленческим взаимодействиям в гибридном коммуникативном пространстве [24].

3. Применительно к условиям гибридного социума можно отметить проблему прозрачности взаимодействия в условиях субъект-субъектных отношений. Решение данной проблемы в интеграции гибридного социального пространства через построение органами власти цифровых экосистем, платформ обратной связи, инкорпорированию в них целеориентированных сервисов и социальных сетей, включая сервисы типа «Активный гражданин», общение с экспертами, с гражданами, сервисы для организации обсуждения и совместного принятия социально значимых решений, сбора данных обратной связи для проведения аналитических процедур, построения прогнозов. Все они должны быть настроены на принципы открытости и прозрачности управления, включать этический компонент и обязательную взаимную идентификацию участников при использовании коммуникативных технологий.

Вместо заключения: методы социологического исследования в многосубъектном цифровом социальном пространстве. Один из самых проблемных вопросов в социологии управления – потребность в пересмотре спектра методов

социологических исследований, которые возможно использовать для анализа регулятивов «мягкого управления» в условиях многосубъектности. И здесь мы сталкиваемся с тем, что традиционные теоретические обоснования социологических измерений становятся проблематичными. Это связано, во-первых, с тем, что появились многие феномены социальности, которых ранее не было. Одна из них – виртуальная реальность в новой цифровой инфраструктуре, которая обусловила расширение жизненной среды человека за счёт цифрового социального пространства. Если реального субъекта можно проинтервьюировать, то с виртуальным субъектом это сделать трудно, т.е. данные придётся собирать другим (цифровым) способом, но корректно ли их тогда трактовать социологически, т.н. субъективными особенностями социальных акторов? Ещё сложнее анкетный опрос субъекта, имеющего своего аватара в условиях превращённой реальности. Двойственность (или тройственность) его сознания, разных ролевых проявлений поведения в реальном и виртуальном пространствах проявится в ответах на вопросы анкеты. Будет ли социологическая интерпретация результатов корректной, если в физическом пространстве субъект выступает в роли менеджера, а в виртуальном имеет двух аватаров – воинственного и «крутого» участника мужского сообщества и нежного владельца болонки в обществе собаководов?

Третья проблема – цифровые формы умного контроля и обратной связи в социологии управления. Мы видим необходимость перехода от цифрового регулирования к умному управлению, основанному на участии, партнёрстве, координации, организации горизонтальных связей и отношений между преобразующей силой сверху и спонтанной самоорганизацией снизу [25]. Субъектами власти здесь выступают как органы власти, так и бизнес-структуры, граждане и их объединения. Необходима «разработка новых инфо-коммуникативных инструментов для изучения социальных взаимодействий, деятельности и её смыслового содержания в спонтанных каналах коммуникации» между всеми субъектами управления, которые «насыщены реальными интенциями, эмоциями, образами, символическими значениями и другими языковыми особенностями [26, с. 12].

В-четвертых, в условиях цифрового общества возникает вопрос верифицированности методов сбора эмпирических данных и их анализа. Можем ли мы доверить сбор данных искусственному интеллекту? Так, в практике проведения исследований в Счётной палате вместо выборочного анализа документов применили искусственный интеллект с использованием языка Python и проанализировали всю огромную совокупность разнородных документов, подлежащих проверке (большие данные). Если ранее требовалось рассчитать объем отбора документов для ручной проверки и построения инструментария репрезентативного опроса авторов проверяемых документов, чтобы выявить тенденции и объем возможных нарушений, то после применения искусственного интеллекта число респондентов в интервью значительно уменьшилось, так как опрашивать понадобилось только авторов, в документах которых были какие-то несоответствия. Остальных участников опрашивать уже не имело смысла, так как они проблем не продуцировали. Может ли такой комплекс применённых методов относиться к социологическим? Традиционные социологи скорее всего ответят отрицательно, так как число респондентов явно меньше, чем принятые в социологии объёмы выборки, да и реальная анкета глубинного интервью значительно сократилась, т.е. данных субъективного характера в результате стало

меньше. Аналитики при этом аргументируют свою правоту тем, что применение искусственного интеллекта позволяет повысить эффективность аналитики (контрольно-аналитического мероприятия) за счёт полной проверки всех (а не выборочных) данных, а также организации опроса не статистического, а точечного, т.е. только по выявленным проблемным областям документов. В случае отрицательного ответа, не означает ли данный феномен сокращения предметного поля социологии в процессах управления?

Принципиальная позиция в разрешении данной методологической проблемы между аналитиками и традиционными социологами обусловлена причиной отказа от нахождения компромиссов [23], а также различием в профессиональных компетенциях обеих сторон. Главное, что социология управления как наука должна изменяться вместе с трансформирующимся социумом.

Библиографический список

1. Василенко Л. А., Мещерякова Н. Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // *Философия науки и техники*. 2023. Т. 28, № 1. С. 48–65. DOI [10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65). EDN [USPLIV](https://www.edn.ru/USPLIV).
2. Dushkin R. V., Andronov M. G. The Hybrid design for artificial intelligence systems // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2021. Vol. 1250. P. 164–170. DOI [10.1007/978-3-030-55180-3_13](https://doi.org/10.1007/978-3-030-55180-3_13). EDN [PPZSSP](https://www.edn.ru/PPZSSP).
3. Игнатев В. И. И грядет «другой» актор... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // *Социология науки и технологий*. 2019. Т. 10, № 1. С. 64–78. DOI [10.24411/2079-0910-2019-10005](https://doi.org/10.24411/2079-0910-2019-10005). EDN [XPCHXJ](https://www.edn.ru/XPCHXJ).
4. Игнатев В. И. Проблема техносубъекта: о субъектности «сущностей-конструкторов» // *Идеи и идеалы*. 2021. Т. 13, № 1-1. С. 130–150. DOI [10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150). EDN [PKVLEZ](https://www.edn.ru/PKVLEZ).
5. Человек и системы искусственного интеллекта / В. А. Лекторский, С. Н. Васильев, В. Л. Макаров [и др.]. СПб : Изд-во «Юридический центр», 2022. 328 с. ISBN 978-5-94201-835-1. EDN [XSBHXY](https://www.edn.ru/XSBHXY).
6. Алексеев А. Ю., Ващенко А. А., Зайкова А. С. Парадоксы и противоречия искусственного интеллекта: 90 лет первой теореме К. Гёделя о неполноте и 60 лет аргументу Дж. Лукаса // *Философия науки и техники*. 2023. Т. 28, № 2. С. 156–169. DOI [10.21146/2413-9084-2023-28-2-156-169](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-2-156-169). EDN [GZNHZC](https://www.edn.ru/GZNHZC).
7. Parsons T. *The Structure of Social Action*. New York : Free Press, 1937.
8. Тихонов А. В. *Социология управления*. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Канон+, 2007. 472 с. ISBN 978-5-88373-153-1. EDN [TVIOWP](https://www.edn.ru/TVIOWP).
9. Лепский В. Е. Искусственный интеллект в субъектных парадигмах управления // *Философские науки*. 2021. Т. 64, № 1. С. 88–101. DOI [10.30727/0235-1188-2021-64-1-88-101](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-1-88-101). EDN [CPXOVH](https://www.edn.ru/CPXOVH).
10. Frane A., Borut R. Social capital as a useful scientific metaphor // *Advances in sociological knowledge* / Ed. by N. Genov. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. P. 183–204. DOI [10.1007/978-3-663-09215-5_8](https://doi.org/10.1007/978-3-663-09215-5_8).
11. Spitale G., Biller-Andorno N., Germani F. AI model GPT-3 (dis)informs us better than humans // *Science Advances*. 2023. Vol. 9, No. 26. DOI [10.1126/sciadv.adh1850](https://doi.org/10.1126/sciadv.adh1850). EDN [PZNIJ](https://www.edn.ru/PZNIJ).
12. Антонова О. А. Механизм согласования интересов субъектов социального партнерства как условие роста человеческого капитала (часть 1) // *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. 2023. Т. 21, № 4. С. 5–14. DOI [10.24147/1812-3988.2023.21\(4\).5-14](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21(4).5-14). EDN [KIJSXZ](https://www.edn.ru/KIJSXZ).
13. Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М. : Наука, 1980. 358 с.
14. Latour B. On interobjectivity // *Mind, culture, and activity*. 1996. Vol. 3, № 4. P. 228–245. DOI [10.1207/s15327884mca0304_2](https://doi.org/10.1207/s15327884mca0304_2).
15. Вахитайн В. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «поток» в акторно-сетевой теории // *Социологическое обозрение*. 2005. Т. 4, № 1. С. 94–115. EDN [SZTFJN](https://www.edn.ru/SZTFJN).
16. Гаряев П. П. Код Бога. Лингвистико-волновая генетика. М. : Концептуал, 2018. 112 с. ISBN 978-5-906867-38-4.

17. *Гибсон Дж.* Экологический подход к зрительному восприятию / Пер. с англ. Т. М. Сокольской; Общ. ред. и вступ. А. Д. Логвиненко. М. : Прогресс, 1988. 464 с. ISBN 5-01-001049-6.
18. Искусственный интеллект в исследованиях сознания и общественной жизни (к 70-летию статьи А. Тьюринга «Вычислительные машины и разум»): материалы круглого стола / В. А. Лекторский, Е. А. Алексеева, Н. Н. Емельянова [и др.] // *Философия науки и техники*. 2022. Т. 27, № 1. С. 5–33. DOI [10.21146/2413-9084-2022-27-1-5-33](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-1-5-33). EDN [URJТОМ](https://www.edn.ru/URJТОМ).
19. *Смирнов С. А.* Виртуальная реальность как превращенная форма // *Философский журнал*. 2023. Т. 16, № 1. С. 21–38. DOI [10.21146/2072-0726-2023-16-1-21-38](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2023-16-1-21-38). EDN [STMCVL](https://www.edn.ru/STMCVL).
20. *Римский В. П., Калинина Г. И.* Самополагание науки и превращенные формы знания // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 2012. № 20(139). С. 28–39. EDN [RMUEUB](https://www.edn.ru/RMUEUB).
21. *Chalmers D. J.* Reality+: Virtual worlds and the problems of philosophy. New York : W.W. Norton & Co, 2022. 505 p. ISBN 978-0241320716.
22. *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии / Пер. фр. Е. А. Самарской. М. : Научный мир, 1998. 204 с. ISBN 5-89176-042-8.
23. *Степанова А. Е.* Прогрессивные идеи искусственного разума в контексте современного права России // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2023. № 1(150). С. 89–95. DOI [10.24412/2227-7315-2023-1-89-95](https://doi.org/10.24412/2227-7315-2023-1-89-95). EDN [UVTWXP](https://www.edn.ru/UVTWXP).
24. *Шамыкина В. М.* Управленческие взаимодействия в социоинформационной блогосфере : дис... канд. социол. наук : 22.00.08 / Шамыкина Виктория Михайловна. М., 2012. 141 с. EDN [QFXNYN](https://www.edn.ru/QFXNYN).
25. *Тихонов А. В., Богданов В. С.* От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // *Социологические исследования*. 2020. № 1. С. 74–81. DOI [10.31857/S013216250008325-0](https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0). EDN [VSDAAV](https://www.edn.ru/VSDAAV).
26. *Василенко Л. А.* Цифровой прорыв: достаточно ли умным в цифровом государстве будет публичное управление и насколько умны элита и граждане // *Цифровая социология*. 2021. Т. 4, № 3. С. 6–15. DOI [10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15). EDN [HDGNUP](https://www.edn.ru/HDGNUP).

Поступила: 18.04.2024. Принята: 21.05.2024.

Сведения об авторе:

Василенко Людмила Александровна, доктор социологических наук, профессор, профессор Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва, Россия.

vasilenkola@mail.ru

Author ID РИНЦ: [285654](https://elibrary.ru/285654); ORCID: [0000-0002-0468-8194](https://orcid.org/0000-0002-0468-8194)

L. A. Vasilenko¹

¹ RANEPА. Moscow, Russia

METAMORPHOSES OF DIGITAL MULTI-SUBJECTIVITY: THE REGULATIVES OF SOFT GOVERNANCE VS A PROGRAMMED SOCIETY

Abstract. The article is devoted to an urgent and controversial topic – the spontaneous formation of regulators for managing the behavior of subjects in the virtual world in the context of digital transformation and hybrid social space and the impact of these processes on the social order. The diversity of subjects (multi-subjects) is represented both by traditional subjects of society in the virtual space

(representatives of government bodies, citizens and their associations included in digital communications), The diversity of subjects (multi-subjects) is represented both by traditional subjects of society in the virtual space (representatives of government bodies, citizens and their associations included in digital communications), the transformed form virtual reality, that is the actor of virtual reality with a high level of anonymity; and by techno-subjects (products with built-in artificial intelligence algorithms (chatbots, neural networks, digital twins, etc.) showing some elements of subjectivity (the possibility of influencing the behavior of communication participants, the possession of technosubjects by a social body (according to V. Tikhonov). Soft governance is considered as a democratic style of subject-subject management through influencing culture, con-sciousness, behavior with the transfer of necessary powers to participants and the use of informal communication methods. The regulatives of programmed society have high risks of blatant manipulation by authorities or anonymous power contenders. The regulatives of Soft governance have a dual basis: the establishment of laws, rules and instructions for all types of subjects, regulations for coordinating the interests of partners in participatory interactions, the development of a resistant reaction to manipulative influences, technical and technological services in ecosystems and digital platforms. But soft governance regulatives have signs of a latent and manipulative nature also. It is concluded that it is necessary to include all these aspects in the problems of the scientific discipline "Sociology of Management".

Keywords: multi-subjectivity, soft governance, programmed society, regulatives, digital transformation, social body, artificial intelligence, techno-subjects, virtual space, hybridity, social order

For citation: Vasilenko L. A. Metamorphoses of digital multi-subjectivity: the regulatives of soft governance vs a programmed society. *Science. Culture. Society*. 2024;30(2):10–24. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.1>

References

1. Vasilenko L. A., Meshcheryakova N. N. Digital hybridity: innovative reality or utopia? *Philosophy of Science and Technology*. 2023;28(1):48–65. (In Russ.). DOI [10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-1-48-65).
2. Dushkin R. V., Andronov M. G. The Hybrid design for artificial intelligence systems. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 2021;1250:164–170. DOI [10.1007/978-3-030-55180-3_13](https://doi.org/10.1007/978-3-030-55180-3_13).
3. Ignatyev V. I. And the "Other" actor is coming... The formation of tehnosubject in the context of the movement to technological singularity. *Sociology of Science and Technology*. 2019;10(1):64–78. (In Russ.). DOI [10.24411/2079-0910-2019-10005](https://doi.org/10.24411/2079-0910-2019-10005).
4. Ignatyev V. I. Problem of the techno-subject: on the subjectivity of "entity-constructors". *Ideas and Ideals*. 2021;13(1-1):130–150. (In Russ.). DOI [10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-130-150).
5. Lektorsky V. A., Vasiliev S. N., Makarov V. L. [et al.]. Man and artificial intelligence systems. St. Petersburg: "Yuridicheskii tsentr" Publ.; 2022. (In Russ.). ISBN 978-5-94201-835-1.
6. Alekseev A. Yu., Vashchenko A. A., Zaykova A. S. Paradoxes and contradictions of artificial intelligence: 90 years of K. Gödel's first incompleteness theorem and 60 years of J. Lucas's argument. *Philosophy of Science and Technology*. 2023;28(2):156–169. (In Russ.). DOI [10.21146/2413-9084-2023-28-2-156-169](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2023-28-2-156-169).
7. Parsons T. The structure of social action. New York: Free Press; 1937.
8. Tikhonov A. V. Sociology of management. 2nd ed., suppl. and revised. Moscow: Canon+; 2007. (In Russ.). ISBN 978-5-88373-153-1.
9. Lepskiy V. E. Artificial intelligence in subject-oriented control paradigms. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2021;64(1):88–101. (In Russ.). DOI [10.30727/0235-1188-2021-64-1-88-101](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-1-88-101).
10. Frane A., Borut R. Social capital as a useful scientific metaphor. In: Genov N. (ed.) *Advances in sociological knowledge*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; 2004. P. 183–204. DOI [10.1007/978-3-663-09215-5_8](https://doi.org/10.1007/978-3-663-09215-5_8).
11. Spitale G., Biller-Andorno N., Germani F. AI model GPT-3 (dis)informs us better than humans. *Science Advances*. 2023;9(26). DOI [10.1126/sciadv.adh1850](https://doi.org/10.1126/sciadv.adh1850).
12. Antonova O. A. Mechanism for agreeing the interests of social partnership subjects as a condition for the growth of human capital (part 1). *Herald of Omsk University. Series "Economics"*. 2023;21(4):5–14. (In Russ.). DOI [10.24147/1812-3988.2023.21\(4\).5-14](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2023.21(4).5-14).
13. Lektorsky V. A. Subject. Object. Cognition. Moscow: Nauka; 1980. (In Russ.).
14. Latour B. On interobjectivity. *Mind, culture, and activity*. 1996;3(4):228–245. DOI [10.1207/s15327884mca0304_2](https://doi.org/10.1207/s15327884mca0304_2).

15. Vakhshstayn V. The return of material: “spaces”, “networks”, “flows” in actor-network theory. *Sociological Review*. 2005;4(1):94–115. (In Russ.).
16. Garyaev P. P. God’s code, linguistic-wave genetics. Moscow: Kontseptual; 2018. (In Russ.). ISBN 978-5-906867-38-4.
17. Gibson J. The ecological approach to visual perception. Moscow: Progress; 1988. (In Russ.). ISBN 5-01-001049-6.
18. Lektorsky V. A., Alekseeva E. A., Emelyanova N. N. Artificial intelligence in the research of consciousness and in social life (in honor of 70-years anniversary of A. Turing’s paper “Computing Machinery and Intelligence” (papers of the “round table”). *Philosophy of Science and Technology*. 2022;27(1):5–33. (In Russ.). DOI [10.21146/2413-9084-2022-27-1-5-33](https://doi.org/10.21146/2413-9084-2022-27-1-5-33).
19. Smirnov S. A. Virtual reality as a transformed form. *The Philosophy Journal*. 2023;16(1):21–38. (In Russ.). DOI [10.21146/2072-0726-2023-16-1-21-38](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2023-16-1-21-38).
20. Rimskiy V. P., Kalinina G. I. Self-estimation of science and converted forms of knowledge. *Belgorod State University scientific bulletin. Philosophy, sociology, law*. 2012;(20):28–39. (In Russ.).
21. Chalmers D. J. Reality+: Virtual worlds and the problems of philosophy. New York: W.W. Norton & Co; 2022. ISBN 978-0241320716.
22. Touraine A. Le Retour De L’Acteur. Essai de sociologie. Moscow: Nauchnyi mir; 1998. (In Russ.). ISBN 5-89176-042-8.
23. Stepanova A. E Progressive ideas of artificial intelligence in the context of contemporary Russian law. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2023;(1):89–95. (In Russ.). DOI [10.24412/2227-7315-2023-1-89-95](https://doi.org/10.24412/2227-7315-2023-1-89-95).
24. Shamykina V. M. Managerial interactions in the socioinformational blogosphere. Candidate Degree Thesis. Moscow; 2012. (In Russ.).
25. Tikhonov A. V., Bogdanov V. S. From “clever regulation” to “clever management”: Social problem of digitalization of feedbacks. *Sociological Studies*. 2020;(1):74–81. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250008325-0](https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0).
26. Vasilenko L. A. Digital breakthrough: will public administration be smart enough in a digital state and how smart are the elite and citizens. *Digital sociology*. 2021;4(3):6–15. (In Russ.). DOI [10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-3-6-15).

Received: 18.04.2024. Accepted: 21.05.2024.

Information about the author:

Liudmila A. Vasilenko, Doctor of Sociology, Professor,
Professor at the Institute of Public Service and Administration, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration. Moscow, Russia.

vasilenkola@mail.ru

ORCID: [0000-0002-0468-8194](https://orcid.org/0000-0002-0468-8194)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.2.2](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.2)
EDN [OVHICZ](https://edn.org/0VHICZ)
УДК 316.77

В. С. Богданов¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ГИБРИДНЫЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ: ОТ ОСМЫСЛЕНИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ФЕНОМЕНА

Аннотация. По мере расширения практик использования цифровых средств в различных сферах жизнедеятельности и на уровнях обеспечения её регуляции всё более актуальным становится рассмотрение вопроса о характере и последствиях гибридизации социальных и цифровых отношений, результаты которой сегодня прослеживаются на всех уровнях социального управления: на социетальном (взаимодействие государства и общества), организационном (менеджеральном, отраслевом), локальном (территориальное и межличностное взаимодействие). В этом контексте возникает дуальная перспектива гибридизации: технократическая (унификация, модернизация и контроль сверху) и социально-контекстуальная (учёт потребностей и интересов снизу, развитие с учётом жизненных стратегий). С позиции технократической перспективы гибридизацию можно рассматривать как идеализированный продукт (объект) эволюции искусственных регулятивных систем, как воплощение идеальной формы, структуры алгоритмизации человеческой деятельности, и идти по разворачивающемуся пути технократизации общественной жизни. Однако необходимо актуализировать социально-контекстуальную перспективу на основе знаний социальных наук, т.к. уже сегодня мы наблюдаем сбои в процессах цифровой трансформации территорий и в работе гибридных систем управления, назначение и функциональность которых скорее настроены на построение и воспроизводство технократических принципов организации управления, что порождает императивы и детерминацию гибридных объектов над гибридизирующимися субъектами управления, снижает чувствительность к спонтанным процессам социально-сетевого группообразования. Последний феномен предлагается рассматривать и изучать как механизм запуска формирования (локализации) гибридных систем управления в рамках теоретического конструкта социологии управления под названием «социокультурное тело решения проблем».

Ключевые слова: социология управления, гибридные системы управления, цифровизация, разнообразие последствий гибридизации, цифровая унификация, искусственные регулятивные системы

Для цитирования: Богданов В. С. Гибридные системы управления: от осмысления онтологических аспектов к концептуализации феномена // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 2. С. 25–36. DOI [10.19181/nko.2024.30.2.2](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.2). EDN [OVHICZ](https://edn.org/0VHICZ).

Введение. Прежде чем перейти к обоснованию концептуализации нового феномена гибридных систем управления в предметном и проблемном полях социологии управления, необходимо выделить онтологические аспекты цифровизации социального управления, а именно те разнообразные социальные практики, а также процессы институционализации сращивания социальных и цифровых отношений, в которых выкристаллизовываются и взаимодействуют гибридизирующиеся субъекты и объекты. Первые, как интернализирующие через собственный опыт и связи с внешним миром, а вторые, как возникающие на этом фоне объекты/системы «третьей природы» [1, с. 33]. В предложенной

постановке вопроса целесообразным представляется рассмотрение эволюции искусственных регулятивных систем, которые на переходном этапе к разным состояниям зрелости цифрового общества [2] становятся базисом для создания и воспроизводства гибридных систем управления.

От простой алгоритмизации человеческой деятельности до сложных регулятивных систем с применением искусственного интеллекта. Обращаясь к вопросу создания и развития искусственных регулятивных систем, следует сказать, что они прошли свою эволюцию от простых алгоритмов организации жизнедеятельности и технических достижений до селекции аппаратно-программных комплексов и технологий (имитирующих когнитивные функции и человеческое поведение, принятие решений) и выхода на разработку нейросетей, применения симбиотического искусственного интеллекта в естественных и искусственных средах (экспертные, рекомендательные системы). Такая эволюция обусловлена дуализмом совершенствования статичности и динамики организации общества на основе принципов рационализации и рутинизации способов человеческой деятельности [3; 4; 5; 6], а именно, с одной стороны, поддержанием его целостности (порядка), а с другой – диалектикой общественного развития: от воспроизводства простых форм групповой организации (племени) до зарождения техногенной цивилизации [7] и становления сетевого/цифрового общества [8].

Процедуры рационализации и рутинизации подразумевают непрерывную трансформацию различных видов деятельности в новые формы и образцы поведения, социальные отношения и практики, в том числе регулятивного характера [7; 9]. Т.е. социальные индивиды постоянно делают выбор в сторону алгоритмизации своей деятельности, построенной на рациональной (разумной) основе и требующей постоянного упорядочивания (управления).

Простые (интуитивные) алгоритмы, воспроизводимые на основе размышлений и опыта для осуществления, упорядочивания повседневной деятельности, появляются в организованных группах (племенах) в неолитическую революцию, примерно 10 тыс. лет до н.э., во время перехода человечества от присваивающего хозяйства (собирательство, охота) к производящему (земледелие, животноводство). Первые упоминания об искусственных регулятивных системах для решения рациональных задач человечества просматриваются в художественных образах мифологии Древней Греции. Это подтверждают результаты исследования историка из Стэнфордского университета Адриена Мэра, указывающие на то, что уже в греческой мифологии было предсказано появление искусственного интеллекта, роботизированных систем и других современных технологий¹.

Формальные (формализованные) алгоритмы, воспроизводимые на основе знаний и методов научных дисциплин, продуцируются в момент масштабного перехода от способов ручного труда к машиностроению и новым формам производства, произошедшего в западных странах в XVIII–XIX веках. На этом этапе промышленной революции развитие науки и техники/технологий сыграли ключевую роль, а именно стали появляться новые методы и инструменты производства, позволившие значительно увеличить эффективность и производи-

¹ *Передельский Д.* В древнегреческих мифах нашли описание роботов // Российская газета. 11.10.2018 г. URL: <https://rg.ru/2018/10/11/opisanie-robotov.html> (дата обращения: 25.04.2024).

тельность труда, качество управления организациями и предприятиями. Тогда же происходит становление управленческой мысли, в частности, начинается осмысление и конфигурирование производственной практики, отношений за счёт методов наблюдений и вычислений, направленных на оптимизацию ручного труда и повышение производительности предприятий [10].

На развитие искусственных регулятивных систем в XX веке повлияли такие социально-исторические процессы и явления, как научно-технический прогресс и революция, в том числе и компьютерная, определившие в итоге детерминацию (императив) техники/технологий как приоритетной подсистемы в социотехнических системах [11]. Сегодня такая детерминация влияет на характер и содержание разработок современных цифровых платформ и технологий принятия решения, задавая технократические принципы управления. Однако указанные выше явления и процессы стали также основанием и для появления новых феноменов («революция менеджеров» и др.), конструирования социальных практик и объектов, внедрения новых форм регулирования социально-хозяйственных отношений на государственном уровне (реформы Ф. Рузвельта, плановая экономика СССР), становления специальных отраслевых дисциплин (политико-управленческие науки Г. Лассуэла, социология управления и организаций – Н. И. Лапин, А. И. Пригожин, А. В. Тихонов, В. В. Щербина, Ж. Т. Тощенко, Т. М. Дридзе и др.), приведших в свою очередь к востребованности разработки методологии социального проектирования, прогнозирования и планирования, повышению значимости предикативной аналитики и автоматизации процессов управления. Процедуры разработки и принятия решений при помощи автоматизированных технологий на производстве на уровне корпораций и государственных структур определили дальнейшую пенетрацию и сращивание социальных и цифровых отношений. Так, в XX веке началась разработка комбинированных алгоритмов, представляющих комплекс формализованных алгоритмов, интегрированных в различные процессы автоматизации управления, технологии решения многомерных задач (вычисления, моделирование, конструирование), исследования линейных и нелинейных динамических систем в живой и неживой природе (организм, социальная организация, общество и т.п.). В практике социального управления подобные алгоритмы (интеллектуальные программы, нейросети и т.д.) решают скорее задачи технократического управления (например, цифровая унификация в Китае на основе критериев социального рейтинга, осуществляемого алгоритмами искусственного интеллекта), выполняются роботами и интеллектуальными программами (самообучающиеся интеллектуальные системы), что, конечно же, требует специальной социогуманитарной экспертизы, разработки социокультурных параметров и механизмов регуляции.

В рамках различных научных дисциплин (психология, нейрофизиология, философия и др.) продолжается дискуссия о возможности создания супер-сложных регулятивных систем на основе сильного искусственного интеллекта (Artificial General Intelligence, Strong AI) [12; 13; 14], обладающего возможностями полноценной имитации когнитивной деятельности человека и осознания себя как отдельной личности, что подразумевает: понимание собственных мыслей, принятие самостоятельных решений, непосредственное влияние на изменения и конструирование социальной реальности. Начало этой дискуссии приходится на момент легитимации феномена искусственного интеллекта в сфере общественных отношений, что способствовало появлению в

1950-х годах когнитологии, занимающейся междисциплинарным научным изучением разума и его процессов в связи с преобразованием информации, а именно на основе знаний лингвистики, психологии, нейробиологии, философии, информатики/искусственного интеллекта, антропологии. В 1963 году для продвижения идей и инноваций в этом направлении профессором Джоном Маккарти² была создана Стэнфордская лаборатория искусственного интеллекта (SAIL), которая до сих пор остаётся центром передового опыта в области междисциплинарных исследований искусственного интеллекта, пионером в процессах интеграции теоретических знаний и практических идей на платформе интеллектуальных компьютерных систем.

В предметном поле социологии управления развитие современных искусственных регулятивных систем соотносится с развитием технологий слабого искусственного интеллекта, а именно с разработкой и внедрением экспертных обучающих систем (ЭОС), созданием цифровых двойников организаций, производственных процессов, социальных систем и моделирования их структур, элементов, отношений. Т.е. подобные технологии предназначены для моделирования организационно-управленческой деятельности при решении сложных задач, концентрирующихся в диапазоне между возможной мерой изменений (масштаб, содержание) и необходимым поддержанием целостности социальных объектов, социальных процессов и систем [15]. Здесь корректно определить, что под современной регулятивной системой с использованием искусственного интеллекта, мы понимаем сложную, гибридную структуру социальных и цифровых отношений, которая основана на кумуляции, синтезе и анализе информации (данных) и знаний различных научных дисциплин, которая воплощена при помощи программно-вычислительных комплексов (программного обеспечения) для моделирования регулятивной деятельности управленческого типа в социальном управлении. Это становится предметом, определяя новые направления исследований в социологии управления: на социетальном уровне – взаимодействие государства и общества; отраслевом – организационное поведение и функционирование производственных структур; территориальном и локальном (межличностном).

По нашему мнению, онтолого-гносеологические основания искусственных регулятивных систем логично связать с контурами концепта постнеклассической рациональности, а именно в контексте выделения и изучения сложных, «человекоразмерных» систем (типа «человек-техника/технология-природа») со встроенными механизмами саморегуляции и управления. Такой подход в первую очередь актуализирован социогуманистическим поворотом к социально-контекстуальной парадигме «умного» управления [2; 15] и выведением в качестве приоритетных для изучения следующих вопросов теоретического и прикладного характера: 1) воспроизводство и механизмы регуляции гибридной социальной реальности, 2) социокультурные аспекты трансформации цифрового общества, 3) морфогенез гибрида (цифровая субъектность и социоинфотехнологическая топология техносубъектов), 4) разработка и принятие управленческих решений с применением искусственного интеллекта, социальные дисфункции; 5) цифровая социализация в гибридной реальности, новые ценностно-нормативные комплексы, 6) этико-правовые вопросы внедрения ис-

² Маккарти (McCarthy) Джон // Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / Отв. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Т. 15 (Ломбард–Мезитол). М. : Советская энциклопедия, 1974. С. 242.

кусственного интеллекта (ответственность и обязанность субъектов, разрабатывающих и использующих интеллектуальные технологии). С учётом указанных вопросов в предметном поле социологии управления и других социогуманитарных дисциплин формируется запрос на изучение проблем самоорганизации, социального группообразования, а также гибридных систем управления в следующих аспектах:

- введение гибких методологий стратегического и проектного управления;
- изменение поведения и стратегий деятельности субъектов управления в социально-сетевом пространстве, действующих активно и противоречиво в социальной реальности;
- социальные проблемы цифровизации прямой и обратной связи, расширение возможности для изменения системных процессов в организационных структурах власти [16];
- гибридные формы взаимодействия и влияние техносубъектов (программы машинного обучения, сложные алгоритмы принятия решений и др.) на процесс разработки и внедрения управленческих решений;
- процессы и риски вытеснения «человекообразных систем» саморазвивающимися «машиннообразными системами», замещения социокультурных механизмов управленческого типа машинными самообучающимися алгоритмами;
- новая онтология гибридации цифровых и социальных отношений в практике социального управления;
- создание цифровых двойников социальных систем управления производственных и территориальных объектов;
- перспективы использования сквозных цифровых технологий в процессах организации «умного» публичного управления.

На всё выше перечисленное должны обратить внимание как разработчики сквозных цифровых технологий, так и вдохновлённые их перспективными идеями учёные. Иначе мы можем получить такой же результат, к которому когда-то пришёл один из основателей движения НОТ О. А. Ерманский [17, с. 82], который считал, что в будущем с учётом постепенной ликвидации труда исполнителей, работать будут только сложные машины-автоматы, а люди станут просто руководителями всех процессов. Подобные рассуждения О. А. Ерманского, основанные на абстрактных идеях с не менее абстрактной эмпирией, не должны повториться, т.к. необходимо разводить и понимать онтологию управляемости социальными процессами и онтологию управления вещами в материальном и цифровом мире. К тому же, лонгитюдные исследования Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии ФНИСЦ РАН уже указывают на перекосы проекта цифровизации, реализуемого в регионах. В 2016 и 2020 годах на основе полученных данных методом экспертного опроса в 8 регионах-субъектах РФ, мы наблюдаем продуцирование инфосоциальных инфраструктурных и коммуникативных компонентов в исследуемых регионах, в которых в первую очередь заинтересованы власть и бизнес. Это выражается в двух сохраняющихся тенденциях: 1) в масштабировании транзакционных элементов цифровых экосистем для обмена материальными и информационными услугами, 2) цифровыми, жёстко регламентированными способами взаимодействия и отношениями органов власти с населением (в большей степени через систему электронных госуслуг), чего, конечно же, недостаточно для организации социально-ориентированного управления и социокультурной мо-

дернизации регионов [18, с. 102]. В связи с этим мы приходим к выводу, что сегодня назрел социальный запрос на комплексное изучение ролей, статусов, реальных возможностей различных субъектов управления в процессах гибридизации сфер и направлений региональной деятельности, и в первую очередь в процессах и процедурах разработки новых механизмов управления гибридными изменениями, реализуемые через социокультурные тела решения проблем [19, с. 330] и гибридные системы управления.

Концептуализация феномена гибридные системы управления в условиях цифровизации. В «Энциклопедии физической науки и техники» представлено определение гибридной системы управления, под которой понимается такая «система, в которой представляющее интерес поведение определяется взаимодействующими процессами с различными характеристиками, в частности, взаимодействующей непрерывной и дискретной динамикой. Гибридные системы обычно генерируют смешанные сигналы, которые состоят из комбинаций сигналов с непрерывным и дискретным значениями» [20, с. 445].

В общей теории управления кибернетический подход к организации управления различными объектами определил научную методологию управления, принципы разработки программно-автоматизированных комплексов для создания технико-технологических объектов с встроенной системой регуляции и автоматизации процессов. С целью оптимизации процессов управления технико-технологическими объектами был разработан специальный подход на основе знаний и методологии прикладной математики, получивший название «гибридные системы» [21]. После его появления системы с встроенной интеллектуальной регуляцией (например, автомобили с электроникой и цифровыми экосистемами) стали повсеместным явлением. Сегодня «для решения научно-технических и научно-производственных задач интенсивно развиваются гибридные интеллектуальные системы, позволяющие использовать преимущества традиционных средств, подходов и методов искусственного интеллекта. Такие системы представляют собой совокупность двух, записанных на математическом или программном языке автономных методов, один из которых имеет преимущества при моделировании непрерывных процессов, а другой – дискретных» [22, с. 89]. Разработчики гибридных систем также констатируют, что процесс гибридизации выстраивается на основе трёх законов: «закона взаимной адаптации», «закона трансформаций» и «закона дискретных рядов структур» [22, с. 91; 23].

С расширением практик машинного обучения и глубокой интеграции их во все сферы общественной жизни и отрасли народного хозяйства, гибридные системы управления получают новое технократическое содержание в виде результирующего слияния автоматизации труда и социального управления. Такой симбиоз проявляется в реальных структурах воплощения конвергенции различных аппаратов управления (глобальной навигационной системе (логистике), гиг-экономике, здравоохранении и др.) с одними и теми же аналитико-вычислительными системами (облачные вычисления), а также программным (машинным обучением) обеспечением, что задаёт сегодня сильнейшие тенденции для усугубления процессов накопления власти и роста информационных монополий [24].

В менеджменте под гибридными системами управления подразумевается разработка гибридной модели управления проектами на основе комбинаторики методологий и методик типа Waterfall, Scrum, Канбан, бережливая разработка –

Lean и др. Главным критерием эффективности такой комбинаторики является работоспособность проекта, главной проблемой – получение неожиданного результата. Следует отметить, что успешность комбинаторики напрямую зависит от квалификации и компетенций руководителя (управленца), от его знаний и возможностей рефлексии в отношении сложившихся условий, определяющих закономерности развития и функционирования в проектной среде. Гибридные методические комплексы создаются под деятельность уникальной в своём роде команды, а также для конкретного предприятия, без возможности повторения опыта в другой ситуации и условиях.

В социологии управления социальные и познавательные аспекты гибридации систем управления рассматриваются в контексте трансформации социального управления на основе цифровых технологий [16]. Такие гибридные практики создают гибридные структуры и функции. В итоге можно говорить и о появлении гибридных проблем, которые становятся новым вызовом как для общества, так и для научного сообщества. Данный вызов требует специального социально-контекстуального подхода.

Гибридные системы управления как единица категориально-терминологического аппарата социологии управления имеет коннотацию с философской категорией «локальность», под которой принято понимать «ограниченность социального взаимодействия условиями места действия, “расположенностью” действия в пространстве-времени»³. Исходя из представленного содержательного контекста, под локальностью в предметном и проблемном полях социологии управления предлагается понимать такие «системы с управлением» [19], функции которых в структурных и пространственно-временных взаимодействиях локализованы цифровыми технологиями и отношениями. Контуры гибридных систем управления определены взаимодействием субъектов и объектов управления, характером и содержанием обратных связей (технократическая и/или социальная), гибридными средствами и возникающими от их применения последствиями. Получается, что сегодня мы имеем дело с новым гибридным состоянием социальных систем, обусловленным различными уровнями цифровизации. Мы не будем подробно останавливаться на содержательных характеристиках цифровой трансформации социальных систем с управлением, т.к. этот вопрос подробно рассмотрен нами в монографии, находящейся в открытом доступе, с одноименным названием «Электронное управление в обществе: социальные и познавательные проблемы»⁴. Здесь только скажем, что для изучения гибридных систем управления мы вводим такое понятие, как «локализация». Под ним предлагается понимать определённый процесс становления гибридных систем управления (локальностей), который берёт своё начало в спонтанных формах самоорганизации, и впоследствии может конфигурироваться в искусственные надстройки для решения социально-организационных и управленческих проблем. По сути цифровое информационно-технологическое пространство выступает как некий генератор и концентратор смыслов для запуска спонтанных самоорганизующихся социальных процессов (допустим, что это генерация и трансляция информации в онлайн-сетях), а также как инструментальная платформа (средство) для выработки и принятия рациональных реше-

³ См., например: Локальность // Новая философская энциклопедия. URL: <https://rus-new-philosophia-enc.slovaronline.com/218-локальность> (дата обращения: 25.04.2024).

⁴ Богданов В. С. Электронное управление в обществе: социальные и познавательные проблемы. М. : ИД Университетская книга, 2017. 320 с. ISBN 978-5-98704-838-2. EDN YQJTWJ.

ний, в том числе и управленческих. В выделяемых локальностях и локализациях обосновано появление и нового типа социального индивида, способного к новому формату проектирования отношений на основе понимания ускоряющегося процесса интеграции социальных и цифровых отношений. Это представляется возможным только при условии внедрения новых способов, методов рационального вмешательства в гибридизирующийся ход событий [16; 19], т.к. социальный индивид неизбежно погружен в информационно-технологические практики, которые в условиях срачивания социального (естественного/искусственного) и информационно-технологического (искусственного) организуют и подталкивают его к созданию новых способов и механизмов регуляции своей деятельности для разрешения проблем повседневности. Здесь следует сказать, что Центр социологии управления и социальных технологий ИС ФНИСЦ РАН уже на протяжении 5 лет изучает процессы создания, воспроизводства и функционирования гибридных систем управления посредством установления причинно-следственных связей и возможных способов их регуляции на основе наблюдения за спонтанными процессами социально-сетевой группировки [25]. По сути, это новый формат социально-сетевой самоорганизации, новый феномен социолого-управленческой практики, возникающий и исследуемый нами в ходе реализации проектного управления и стратегического планирования развития территорий (поселений, регионов). Полагаем, что лонгитюдное исследование указанных процессов позволит нам, во-первых, изучить и понять сущность и структуру продолжающейся гибридации социальных и цифровых отношений, во-вторых, предоставит возможность своевременно выявлять меру и содержание необходимых социальных изменений, которые латентно конфигурируются и воспроизводятся, например, в информационных сообщениях пользователей онлайн-сетей. Однако мы понимаем, что анализа одних только нарративов социальных онлайн-сетей недостаточно, и что требуется комплексное обследование спонтанных и планируемых процессов, направленных на решение конкретных проблем и проведение определённых изменений (преобразований) на разных уровнях социального управления. В связи с этим мы продолжаем изучение новых феноменов (социально-сетевая субъектность, социально-сетевое группирование и др.), и для этих целей нами разработана и успешно применяется специальная микс-методология (массовый опрос, онлайн-опрос экспертов, анализ СМИ и контента сообществ в социальных онлайн-сетях, официальных сайтов).

Заключение. В целом результаты исследований Центра социологии управления и социальных технологий сегодня указывают на низкую чувствительность реальной системы управления в стране с её подсистемами в регионах к спонтанным и организованным процессам, что является и свидетельством недопонимания, как локализуются латентные (спонтанные) и реально функционирующие гибридные системы управления [16; 26]. Сегодня необходимо уже понять, что посредством государственных услуг в электронном виде, перманентной цифровизации территорий («цифровая трансформация регионов», «умные города») и цифрового контроля можно заниматься только «тушением пожара» – решением критических бытовых проблем и ликвидацией чрезвычайных ситуаций, и никак не обеспечить «прорыв» на основе построения «умного» управления на принципах социальной, а не технократической обратной связи. По нашему мнению, только своевременная экспликация последствий управленческих и стратегических решений может способствовать как дополнению

новых оснований и критериев в социологическую теорию управления процессом воспроизводства и функционирования гибридных систем управления, так и в практику реформирования российской системы управления в соответствии с современными требованиями и тенденциями цифровизации.

Библиографический список

1. *Пригожин А. И.* Социология организаций. М. : Наука, 1980. 257 с.
2. *Василенко Л. А. Мецеракова Н. Н.* Социология цифрового общества. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2021. 226 с. ISBN 978-5-4387-1043-1. EDN [UQJHQJ](#).
3. *Вебер М.* Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 808 с. ISBN 5-01-001584-6. EDN [SGUYOR](#).
4. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М. : Академический Проект, 2005. 528 с. ISBN 5-8291-0629-9. EDN [TNIRKP](#).
5. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб. : Питер, 2002. 688 с. ISBN 5-318-00687-6.
6. *Щербина В. В.* Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии. М. : Новый хронограф, 2018. 416 с. ISBN 978-5-94881-416-2. EDN [VJMDEY](#).
7. *Стетин В. С.* Философия науки. Общие проблемы : учебник для системы послевузовского профессионального образования. М. : Гардарики, 2006. 384 с. ISBN 5-8297-0148-0. EDN [QWMYYV](#).
8. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с. ISBN 5-7598-0069-8. EDN [OZEUQG](#).
9. Социология управления: фундаментальное и прикладное знание / А. В. Тихонов, А. А. Мерзляков, Е. И. Рабинович [и др.]. М. : Канон+, 2014. 560 с. ISBN 978-5-88373-375-7. EDN [UXNTEZ](#).
10. *Мескон М, Альберт М., Хедоури Ф.* Основы менеджмента. М. : Дело, 1997. 704 с. ISBN 5-7749-0047-9.
11. *Trist E. L., Bamforth K. W.* Some social and psychological consequences of the longwall method of coal-getting. An examination of the psychological situation and defences of a work group in relation to the social structure and technological content of the work system // Human Relations. 1951. Vol. 4, No. 1. P. 3–38. DOI [10.1177/001872675100400101](#). EDN [JMISLV](#).
12. *Searle J. R.* What is an intentional state? // Mind. 1979. Vol. 88, Issue 1. P. 74–92. DOI [10.1093/mind/LXXXVIII.1.74](#).
13. *Коллинз Р.* Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. 1281 с. ISBN 5-87550-165-0. EDN [XRPRTV](#).
14. Человек и системы искусственного интеллекта / В. А. Лекторский, С. Н. Васильев, В. Л. Макаров [и др.]. СПб : Изд-во «Юридический центр», 2022. 328 с. ISBN 978-5-94201-835-1. EDN [XSBHKY](#).
15. *Щербина В. В.* Обосновано ли существование социологии управления как специальной социолого-регулятивной теории? // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 57–65. DOI [10.31857/S013216250013727-2](#). EDN [FILOVZ](#).
16. *Тихонов А. В., Богданов В. С.* От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74–81. DOI [10.31857/S013216250008325-0](#). EDN [VSDAAV](#).
17. *Кравченко А. И., Торина И. О.* Социология управления: фундаментальный курс: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М. : Академический Проект, 2008. 992 с. ISBN 978-5-8291-0926-4. EDN [SULUAF](#).
18. *Богданов В. С.* Результаты мониторинга процесса информатизации в ходе социально-цифровой трансформации регионального управления // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 3(35). С. 88–106. DOI [10.19181/snsp.2021.9.3.8435](#). EDN [NOZQDA](#).
19. *Тихонов А. В.* Социология управления. 2-е изд. М. : Канон+, 2007. 472 с. ISBN 978-5-88373-153-1. EDN [TVIOWP](#).

20. *Antsaklis P, Koutsoukos X.* Hybrid system control // Encyclopedia of Physical Science and Technology. San Diego : Academic Press, 2003. P. 445–458. DOI [10.1016/B0-12-227410-5/00318-5](https://doi.org/10.1016/B0-12-227410-5/00318-5).
21. *Колесников А. В.* Гибридные интеллектуальные системы : Теория и технология разработки. СПб. : Изд-во СПбГТУ, 2001. 710 с. ISBN 5-7422-0187-7.
22. *Игнатьев В. В.* Адаптивные гибридные интеллектуальные системы управления // Известия ЮФУ. Технические науки. 2010. № 12(113). С. 89–94. EDN [NCJKOL](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2010-12-113-89-94).
23. *Финаев В. И., Павленко Е. Н., Кирильчик С. В.* Решение задач управления с применением интеллектуальных гибридных систем // Известия ЮФУ. Технические науки. 2014. № 5(154). С. 140–147. EDN [SEDDMJ](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2014-5-154-140-147).
24. *Пасквинелли М.* Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта. М. : Individuum, 2024. 352 с. ISBN 978-5-907696-44-0.
25. *Богданов В. С., Смирнова А. С., Бурдюкова М. Д.* Социально-сетевое группообразование в контексте оценки реализации национальных проектов // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 4. С. 60–69. DOI [10.26425/2658-347X-2021-4-4-60-69](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-60-69). EDN [AYRMQA](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-60-69).
26. *Леньков Р. В.* Проблема целеполагания социокультурной модернизации российских регионов: закономерности, регуляторы, субъектность // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 42–54. DOI [10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-3). EDN [XSTQWR](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-3).

Поступила: 26.04.2024. Принята: 13.05.2024.

Сведения об авторе:

Богданов Владимир Сергеевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. valarf@mail.ru
Author ID РИНЦ: [276478](https://elibrary.ru/author_index.action?id=276478); ORCID: [0000-0003-0176-1007](https://orcid.org/0000-0003-0176-1007)

V. S. Bogdanov¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia

HYBRID CONTROL SYSTEMS: FROM ONTOLOGICAL REFLECTION TO CONCEPTUALIZATION OF THE PHENOMENON

Abstract. As the practices of using digital means in various spheres of life and at the levels of ensuring its regulation, it becomes more and more urgent to consider the nature and consequences of hybridization of social and digital relations, the results of which are now manifested at all levels of social management: social (interaction of the state and society), organizational (managerial, sectoral), local (territorial and interpersonal interaction). In this context, a dual perspective of hybridization emerges: technocratic (unification, modernization, and control from above). In this context, a dual perspective of hybridization arises: technocratic (unification, modernization and control from above) and socio-contextual (taking into account needs and interests from below, development taking into account life strategies). From a technocratic perspective, hybridization can be viewed as an idealized product (object) of the evolution of artificial regulatory systems, as the embodiment of the ideal form, structure of algorithmization of human activity, and follow the unfolding path of technocratization of public life. However, already today we are witnessing failures in the processes of digital transformation of territories and in the operation of hybrid management systems, the purpose and functionality of which are more likely to be configured to build and reproduce technocratic principles of management organization, which gives rise to the imperatives and determination of hybrid objects over hybridizing management entities, reduces sensitivities to spontaneous processes of socio-network grouping. The latter phenomenon is proposed to be considered and studied as a mechanism for launching the formation (localization) of hybrid control systems within the framework of the theoretical construct of the sociology of control called the “sociocultural body of problem solving”.

Keywords: sociology of management, hybrid management systems, digitalization, diversity of hybridization consequences, digital unification, artificial regulatory systems

For citation: Bogdanov V. S. Hybrid control systems: from ontological reflection to conceptualization of the phenomenon. *Science. Culture. Society*. 2024;30(2):25–36. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.2>

References

1. Prigozhin A. I. Sociology of organizations. Moscow: Science; 1980. (In Russ.).
2. Vasilenko L. A., Meshcheryakova N. N. Sociology of digital society. Tomsk: TPU Publishing House; 2021. (In Russ.). ISBN 978-5-4387-1043-1.
3. Weber M. Selected works. Moscow: Progress; 1990. (In Russ.). ISBN 5-01-001584-6.
4. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2005. (In Russ.). ISBN 5-8291-0629-9.
5. Ritser G. Modern sociological theories. 5th edition. St. Petersburg: Peter; 2002. (In Russ.). ISBN 5-318-00687-6.
6. Shcherbina V. V. Rationalizing diagnostic management social technologies. Moscow: Novyi khronograf; 2018. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-416-2.
7. Stepin V. S. Philosophy of Science: common problems: textbook for graduate students and applicants. Moscow: Gardariki; 2006. (In Russ.). ISBN 5-8297-0148-0.
8. Castells M. The information age: economy, society and culture. Moscow: HSE; 2000. (In Russ.). ISBN 5-7598-0069-8.
9. Tikhonov A. V., Merzlyakov A. A., Rabinovich E. I. [et al.]. Sociology of management: fundamental and applied knowledge. Moscow: Canon+; 2014. (In Russ.). ISBN 978-5-88373-375-7.
10. Mescon M., Albert M., Khedouri F. Management. Moscow: Delo; 1997. (In Russ.). ISBN 5-7749-0047-9.
11. Trist E. L., Bamforth K. W. Some social and psychological consequences of the longwall method of coal-getting. An examination of the psychological situation and defences of a work group in relation to the social structure and technological content of the work system. *Human Relations*. 1951;4(1):3–38. DOI [10.1177/001872675100400101](https://doi.org/10.1177/001872675100400101).
12. Searle J. R. What is an Intentional State? *Mind*. 1979;88(1),74–92. DOI [10.1093/mind/LXXXVIII.1.74](https://doi.org/10.1093/mind/LXXXVIII.1.74).
13. Collins R. The sociology of philosophies: A global theory of intellectual change. Novosibirsk: Sibirskii khronograf; 2002. (In Russ.). ISBN 5-87550-165-0.
14. Lectorsky V. A., Vasilev S. N., Makarov V. L. [et al.]. Man and artificial intelligence systems. St. Petersburg: “Yuridicheskii tsentr” Publ.; 2022. (In Russ.). ISBN 978-5-94201-835-1.
15. Shcherbina V. V. Is the existence of management sociology justified as a special sociological-regulatory theory? *Sociological Studies*. 2021;(3):57–65. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250013727-2](https://doi.org/10.31857/S013216250013727-2).
16. Tikhonov A. V., Bogdanov V. S. From «clever regulation» to «clever management»: social problem of digitalization of feedbacks. *Sociological Studies*. 2020;(1):74–81. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250008325-0](https://doi.org/10.31857/S013216250008325-0).
17. Kravchenko A. I., Tyurina I. O. Sociology of management: fundamental course: textbook for students of higher educational institutions. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2008. (In Russ.). ISBN 978-5-8291-0926-4.
18. Bogdanov V. S. Results of monitoring the process of informatization during the socio-digital transformation of the regional administration. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2021;9(3):88–106. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2021.9.3.8435](https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.3.8435).
19. Tikhonov A. V. Sociology of management. 2nd ed. Moscow: Canon+; 2007. (In Russ.). ISBN 978-5-88373-153-1.
20. Antsaklis P., Koutsoukos X. Hybrid system control. In: *Encyclopedia of Physical Science and Technology*. San Diego: Academic Press; 2003:445–458. DOI [10.1016/B0-12-227410-5/00318-5](https://doi.org/10.1016/B0-12-227410-5/00318-5).
21. Kolesnikov A. V. Hybrid intelligent systems: Theory and technology of development. St. Petersburg: St. Petersburg State Technical University Press; 2001. (In Russ.). ISBN 5-7422-0187-7.
22. Ignatyev V. V. Adaptive hybrid intellectual control systems. *Izvestiya SFedU. Engineering sciences*. 2010;(12):89–94. (In Russ.).
23. Finaev V. I., Pavlenko E. N., Kirilchik S. V. Solving the control problems using the intelligent hybrid systems. *Izvestiya SFedU. Engineering sciences*. 2014;5:140–147. (In Russ.).

24. Pasquinelli M. The eye of the master: A social history of artificial intelligence. Moscow: Individuum; 2024. (In Russ.). ISBN 978-5-907696-44-0.
25. Bogdanov V. S., Smirnova A. S., Burdyukova M. D. Socio-network group formation in the context of evaluating the national projects implementation. *Digital Sociology*. 2021;4(4):60-69. (In Russ.) DOI [10.26425/2658-347X-2021-4-4-60-69](https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-60-69).
26. Lenkov R. V. The problem of targeting sociocultural modernization of Russian regions: patterns, regulators, subjectivity. Research Result. *Sociology and management*. 2020;6(4): 42–54. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-3).

Received: 26.04.2024. Accepted: 13.05.2024.

Information about the author:

Vladimir S. Bogdanov, Candidate of Sociology, Leading researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

valarf@mail.ru

ORCID: [0000-0003-0176-1007](https://orcid.org/0000-0003-0176-1007)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.2.3](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3)
EDN [TDOEUA](https://edn.tdoeua.ru)
УДК 316.35:355

В. В. Ковалев¹, А. В. Дятлов¹

¹ Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, Россия

СУБЪЕКТНОСТЬ АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ МЕНЕДЖЕРИСТКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В статье проведён анализ негативных эффектов воздействия менеджеристского управления на субъектность академического сообщества. Цель исследования: установить взаимосвязь между снижением субъектности академического сообщества и менеджеристской моделью управления высшей школой. Для сбора эмпирической информации использовались два метода: массовый опрос преподавателей четырёх вузов Ростовской области и анализ нормативно-правовых документов, регулирующих порядок применения менеджеристских норм к системе высшего образования. Результатом операционализации базовых понятий (субъектность, академическое сообщество, менеджеристское управление) стало определение трёх эмпирических индикаторов: 1) представления академического сообщества о традиционных целях высшего образования; 2) ресурсы академического сообщества для достижения менеджеристских целей; 3) наличие деформаций в профессиональной этике учёных и преподавателей. Исследование подтвердило гипотезу о том, что реализуемая менеджеристская политика оказывает негативное воздействие на академическое сообщество, снижая его субъектность. Дисфункции проявляются по двум направлениям профессиональной деятельности учёных и преподавателей. Первое обусловлено особенностями менеджериализма. Менеджеризм в любых социокультурных и социально-политических условиях неизбежно ведёт к подмене целей средствами их достижения. Это происходит из-за отсутствия у эффективных менеджеров надёжных индикаторов оценки качества воспроизводимых учёными и преподавателями результатов своей деятельности. Второе направление связано с потерей свободы в принятии решений на заседаниях исторически сложившихся в университетах устойчивых социальных практиках (заседаний кафедр, учёных советов, диссертационных советов и т.п.). Это вызвано административным подчинением академического сообщества управленческим задачам бюрократии.

Ключевые слова: академическое сообщество, менеджериализм, управление, субъектность, университет

Для цитирования: Ковалев В. В., Дятлов А. В. Субъектность академического сообщества в условиях менеджеристского управления // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 2. С. 37–51. DOI [10.19181/nko.2024.30.2.3](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3). EDN [TDOEUA](https://edn.tdoeua.ru).

Введение. Для определения социальной проблемы в нашем распоряжении имеются три исходных понятия, отражённые в титуле представленной статьи: «субъектность», «академическое сообщество» и «менеджеристское управление». С учётом вероятных между ними внутренних связей сценарий статьи можно развернуть по нескольким предметным направлениям. Однако если предположить, что академическое сообщество имеет определённую степень значимости для высшего образования, что эта значимость может проявляться у него лишь при наличии субъектности и что в условиях менеджеристского управления эта субъектность утрачивается, то вектор ожидаемой проблематики становится очевидным. Он нацелен на выявление взаимосвязи между способ-

© Ковалев В. В., Дятлов А. В., 2024

ностью академического сообщества выполнять свои профессиональные функции и принятой моделью управления высшей школой.

Со стороны учёных внимание к высшему образованию никогда не ослабевало. В 90-е годы писали о необходимости его реформирования [1], после старта преобразований – об ожидаемых эффектах от реформ [2; 3; 4], а в настоящее время – о негативных последствиях уже реализованных нововведений [5; 6; 7]. Критические суждения адресуются практически ко всем аспектам образовательной политики. Некоторые из замечаний государством принимаются, что приводит к отказу от инициированных ранее реформ. Так, например, состоялся отказ от Болонской системы. Но, надо заметить, базовые основания реформаторской политики, её внутренняя идеология и фундаментальные основы никуда не исчезли. Речь идёт о менеджеристской модели управления, на основе которой осуществляется регуляция практически всех социальных институтов [8]. Наибольшую степень выраженности она имеет именно в системе высшего образования. И, соответственно, негативные эффекты здесь проявляются особенно остро. Менеджеризм разрушает профессиональную этику, превращает учёного в придаток сфальсифицированной бюрократической отчётности, коммерциализирует высшую школу, ведёт к неэффективному использованию образовательных ресурсов, дезавуирует цели высшего образования.

Нас интересует, какое место в этой совокупности дисфункций занимает снижение субъектности академического сообщества. Разумеется, мы не можем ставить перед собой совсем уж глобальные задачи. Выявление корреляции между состоянием академического сообщества и системным кризисом высшего образования может быть выполнено на уровне иного масштаба исследований. Наша цель представляется более узкой. Она состоит в том, чтобы установить взаимосвязь между снижением субъектности академического сообщества и менеджеристской моделью управления высшей школой.

Методы. Для сбора эмпирической информации использовались два метода: массовый опрос и анализ документов.

Опрос проводился в форме анкетирования в четырёх крупнейших вузах Ростовской области в сентябре-ноябре 2023 года. Технология реализована через платформу Google Forms. Полученные данные обрабатывались в программе SPSS-27. Эмпирический объект исследования – профессорско-преподавательский состав (ППС). Объем выборочной совокупности составил 456 респондентов. Распределение по вузам: Южный федеральный университет – 210; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) – 106; Донской государственный технический университет – 89; Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) – 51.

В качестве документов использовались правовые акты, создающие формальные нормы для переноса менеджеристских ценностей в управление высшей школой. Особенное внимание уделялось Приказам Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, определяющим целевые показатели эффективности подведомственных ему вузов.

Результаты исследования. «Субъектность», «академическое сообщество», «менеджеристская модель управления»: установление взаимосвязи между понятиями.

◆ *Субъектность.* Данное понятие имеет общенаучное, т.е. межпредметное значение. Подобного рода термины первоначально были предметом рассмотрения в философской научной традиции. В наиболее обобщённом виде субъектность отождествлялась с наличием возможностей у индивида принимать самостоятельно решения, делать осознанные выборы, нести за них ответственность [9]. Эти качества следует считать общими признаками. Частными, принятыми в социологии свойствами субъектности, являются способность социального актора исполнять свои функции, решать задачи и достигать цели, предписанные его социальным статусом [10]. Поскольку социология крайне редко занимается проблемами выражения индивидуальности, то необходимы некоторого рода уточнения, фиксирующие социальный статус в пространстве устоявшихся коммуникативных практик, прежде всего, в пределах групповых состояний субъекта. Следовательно, рассматриваемая категория тесно сопряжена с понятием «идентичность». Иначе говоря, коллективная субъектность проявляется через причастность к определённой группе. Это и результат внутриличностной оценки актором самого себя как субъекта, относящегося к определённой части микросоциума, и восприятие обществом способности индивида обладать социально значимыми качествами, указывающими на его групповую принадлежность. Всё сказанное согласуется с общефилософским пониманием термина. Включённость в группу не снимает с субъекта необходимости принимать решения, предписанные групповым статусом, и, одновременно, нести за них индивидуальную ответственность. Это особенно важно в социологии управления, которая изучает деятельность профессиональных групп, совершающих административно-значимые действия [11]. Академическое сообщество относится к числу подобного рода групп.

◆ *Академическое сообщество.* Термин «академическое сообщество» не имеет строгих репрезентаций как с позиции семантического аспекта слова, так и с точки зрения лексики. Поэтому в наших дальнейших построениях мы будем пользоваться максимально обобщённой дефиницией, не претендующей на статус безупречно выверенного определения. Её допустимо сформулировать следующим образом: это социальная общность, включающая в себя преподавателей и научных работников, чья ведущая профессиональная деятельность связана с производством и передачей нового знания.

Общность от социальной группы отличается меньшей сплочённостью [12]. В этом ракурсе можно было бы поставить вопрос о фактической способности академического сообщества быть коллективным субъектом. Полагаем, что решается он через заявленную ранее категорию «идентичность». Даже при отсутствии групповой сплочённости, свойственной реальным группам, субъектность академического сообщества может выражаться посредством индивидуальных действий, совершаемых на основе отождествления себя с системой ценностей, реализации предписанных функций, достижения поставленных целей. То есть через индикаторы статуса, характеризующие социальные свойства субъекта. Разумеется, успешность действия зависит от готовности и возможности других участников академического сообщества действовать аналогичным образом, совершать интеракции со схожим содержательным наполнением. Указанная смысловая синхронность обеспечивается за счёт наличия единых интересов и универсальной для всех системы ценностей. Благодаря этому можно говорить о его коллективной субъектности, даже при отсутствии непосредственной коммуникации с другими участниками.

Академическое сообщество функционирует как социальная общность. Однако это не единственная общественная форма его существования. В предметной сфере социологии управления социальная общность позиционируется в виде нормативно оформленных социальных групп, которым свойственны как сплочённость, так и устойчивость. Эти группы возникли в процессе структурирования сложившихся на постоянной основе практик, связанных с совершением социально значимых для науки и образования действий.

Таким образом, во второй своей ипостаси академическое сообщество уже отнюдь не аморфное образование, которому можно давать нечёткие определения и придавать произвольные лексемы. Фактически, это родовое понятие, которое типологизируется на два видовых термина: «научное сообщество» и «образовательное сообщество». Первое из них проявляет свою субъектность через функционирование редакционных коллегий научных журналов, университетских учёных советов, диссертационных советов по присуждению учёных степеней, многочисленных разновидностей экспертных советов (при ВАК РФ, в научных фондах и т.п.). Управленческая значимость образовательного сообщества выражается в процессе деятельности советов факультета, комиссий по приёму документов от поступающих, работы учебно-методических советов, экзаменационных комиссий, кафедр.

♦ *Менеджеристская модель управления.* Академическое сообщество университетов сообразует исполнение своих функций с нормативами, ценностями и целями менеджериума. Мы предполагаем, что субъектность учёных и преподавателей в таких условиях снижается.

Менеджеристская модель была выработана в управленческих практиках крупных американских корпораций [13]. Инициаторами создания новой идеологии стали сообщества менеджеров, применяющие технологии, основанные на ценностях рационализации управления. Кратко их можно выразить через несколько основных тезисов: оптимизация расходов, дифференциация целей на целевые показатели, ужесточение контроля над работниками, материальное стимулирование мотивации сотрудников на выполнение промежуточных целей в форме целевых показателей и подчинение этой задаче карьерных траекторий менеджеров.

В такой интерпретации менеджериум стал восприниматься как идеология управленческой эффективности.

С начала 80-х гг. прошлого столетия сначала Великобритания [14], а затем и континентальная Европа, включая Россию с задержкой на два-три десятилетия [15], перенесли эту модель из корпоративного бизнеса в социальное управление. Все перечисленные выше характеристики – мотивация через КРІ, деление целей на целевые показатели, пошаговое планирование и т.п., были адаптированы к нерыночным социальным институтам. Однако в процессе адаптации возникло несколько затруднений, вызванных несоответствием между рыночной средой, в которой действовали крупные корпорации, и отсутствием таковой в системе высшего образования. Менеджеризм сформировался в конкурентной среде рыночной экономики. Коммерция и соперничество были его онтологическими признаками. Без них исчезало всё внутреннее содержание идеологии эффективности, породившей менеджеризм как социальное явление. Также отсутствовали внешние стимулы, которые инициировали менеджеристские реформы в крупном бизнесе. Мы имеем в виду рост прибыли, под которым, собственно говоря, и понималось возрастание эф-

фективности. Однако высшее образование – это не коммерческий социальный институт. Его цели ориентированы на профессиональное обучение, научные инновации и социализацию молодёжи. Эти направления деятельности до определённого времени ни коим образом не подлежали количественному, а тем более монетарному измерению. Никому ранее не приходило в голову соизмерять управленческую эффективность не с качеством научной публикации и её общественной полезностью, а с валовым приростом публикационной активности.

Выход из представленных затруднений был найден простой. Если цели отождествить с количественными показателями, а науку и образование монетизировать, хотя бы искусственно, то достижение целевых показателей можно представить в качестве особой формы квазиприбыли. Аналогия здесь простая. Рост мотивации и, как следствие, производительности работников в коммерческих организациях прямо пропорционален росту прибыли всего предприятия. Благодаря этому сами работники, особенно эффективные менеджеры, получают как финансовые, так и карьерные предпочтения. Однако ведёт ли рост объёма научных работ к росту благосостояния учёного и повышению доходности университета? До эпохи менеджеризма это казалось чем-то нелепым. В современных же условиях подобная взаимосвязь инициаторам менеджеристских реформ представляется единственно разумной. Для её институционализации в сфере высшего образования было проведено несколько реформ. В их числе можно перечислить следующие преобразования: финансовое поощрение за публикационную активность, позиционирование студента как клиента на рынке образовательных услуг, подушевое финансирование образования, отказ от традиционных управленческих структур (кафедра–факультет–университет) в пользу «гибких» форм управления и т.п. Современный университет стал позиционироваться как конкурентная площадка образовательных и научных интеракций, где любое действие подчинено достижению личного блага, соизмеряемого с выполнением количественных показателей. Всё, что не подлежит количественным расчётам и не может быть оценено с точки зрения материальной полезности, выпадает из фокуса внимания студентов, преподавателей, учёных, менеджеров.

Если суммировать изложенное, то сущность менеджеризма можно разъяснить в нескольких тезисах.

1. *Всего должно быть больше*: публикаций, контингента обучающихся, положительных отметок, доходов от коммерческой деятельности, защищённых диссертаций и т.д. В этой, казалось бы, непонятной гигантомании, чётко прослеживается формальная аналогия с ростом прибыли в коммерческих организациях. Но дело, разумеется, не в одних поверхностных совпадениях. Для примера обратимся к принципу подушевого финансирования. Он прямо коррелируется с установкой на рост контингента обучающихся как индикатора эффективного управления. Через принцип подушевого финансирования мы можем выйти на ещё два важнейших тезиса, характеризующих менеджеристскую идеологию: конкуренцию и коммерциализацию.

2. *Стимулирование конкуренции*. Соперничество должно быть во всём. Подобно рыночной сфере на университеты переносится правило о конкуренции как двигателе прогресса. Конкуренция за студентов органично связывается с подушевым финансированием. В соответствии с принятой методикой расчёта

контрольных цифр приёма¹, больше бюджетных мест предоставляется тем вузам, преподаватели которых чаще публикуются, больше зарабатывают, имеют лучший рейтинг цитирования и т.п. Дополнительно конкуренция усиливается через практику перехода студентов с одной образовательной программы на другую. Считается, что перейдут обязательно туда, где выше качество «образовательных услуг». Следовательно, университет, который эффективно управляется, по логике эффективных менеджеров никогда не уменьшит численность обучающихся. Отсюда важнейшим показателем эффективности становится принцип сохранности контингента. В границах менеджеристской логики он сомнителен, за пределами её рамок – абсурден.

3. *Коммерциализация целей.* В менеджеристской парадигме эффективно управляемый университет увеличивает рост своих финансовых показателей. Для этого ему предоставляются определённого рода инструменты. Подушевое финансирование – один из них. Студент, строго говоря, превращается в источник бюджетных поступлений. Чем сохраннее контингент, тем меньше финансовых потерь, а значит и лучше показатели отчётности. Но это ещё не всё. Мы вновь можем вернуться ко второму тезису, который о конкуренции и, одновременно, выйти на четвёртый тезис.

4. *Позиционирование образования как услуги.* В менеджеристской идеологии студент отождествляется с клиентом. Эта категория также заимствована из корпоративного бизнеса. Клиент получает услугу, в нашем случае – образовательную. В представлениях эффективных менеджеров причины перехода студента на другое направление или его низкая успеваемость обусловлены исключительно профессиональной несостоятельностью преподавателей. Поэтому подушевое финансирование привязывают к распределению академических ставок. По законам менеджериума это всегда ведёт к простому решению: нужно уволить тех представителей ППС, кто проигрывает конкурентную борьбу за удовлетворение контингента.

5. *Отказ от традиционных академических структур.* Трудно представить коммерческую организацию, в которой управленческие структуры остаются неизменными. Столь же невероятна ситуация, когда в университете упраздняются кафедры и факультеты. Между тем, на начальном этапе преобразований иницировалась идея трансформировать существующие факультеты (институты) в управленческую конструкцию, где имеются руководитель структурного подразделения и руководители образовательных направлений. Идеальный статус остальных сотрудников – кратковременный эффективный контракт с ежегодной пролонгацией при условии выполнения целевых показателей. Возможно, преподаватель действительно должен доказывать своё право работать в высшей школе, но на практике это привело лишь к тому, что ППС теперь готов делать абсолютно всё ради сохранения рабочего места.

Проведённый анализ менеджериума позволяет выделить некоторые зоны риска, способные оказать негативное воздействие на субъектность академического сообщества. Прежде всего, это несовпадение целей и ценностей между, с одной

¹ Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.11.2021 № 996 «Об утверждении Порядка проведения конкурса по распределению контрольных цифр приёма по специальности и направлениям подготовки и (или) укрупнённым группам специальностей и направлений подготовки для обучения по образовательным программам высшего образования, а также по группам научных специальностей и (или) научным специальностям для обучения по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре) за счёт бюджетных ассигнований федерального бюджета» // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202111250038> (дата обращения: 25.04.2024).

стороны, эффективными менеджерами, а с другой, – преподавателями и учёными. Эта диспозиция пока не выходит за рамки гипотезы и нуждается в эмпирической верификации.

Влияние менеджеризма на субъектность академического сообщества.

Влияние менеджеризма на академическое сообщество будет измеряться по трём эмпирическим индикаторам.

♦ *Индикатор 1:* представления о традиционных целях высшего образования. Менеджеризм ориентирует преподавателей и учёных на работу по законам рынка. В определённой степени эта идеология принималась из-за неспособности государства должным образом финансировать высшее образование в условиях его массовизации. Часть бремени расходов переложена на университеты. Однако готово ли академическое сообщество сотрудничать с властью на таких условиях? (табл. 1).

Таблица 1

Оценка готовности ППС работать по законам рынка
(Ростовская область, 2023 г. N=456, в %)

Заданные значения	Распределение ответов
1. В современных условиях образование является продаваемой услугой и должно приносить прибыль	6,4
2. В условиях массовизации высшего образования государство не может оказать ему надлежащую поддержку	9,0
3. Я против коммерциализации государственных вузов, но за развитие коммерческих университетов, способных обеспечивать качественное образование	42,5
4. Коммерциализация мешает достижению целей высшего образования	42,1

Большинство опрошенных высказались против коммерциализации государственных вузов. Примерно половина респондентов видит выход в создании условий для развития коммерческих образовательных организаций.

По сравнению с предыдущим десятилетием финансовые требования государства, по которым оценивается эффективность, постепенно снижаются. Однако даже сейчас государство по-прежнему связывает успешность управления образованием с финансовой состоятельностью вуза. Так, из семи показателей эффективности, заложенных в Приказ Минобрнауки от 1 февраля 2022 г. № 92², три стимулируют преподавателей и учёных на активный поиск заработка «на стороне». Из этих трёх наибольшее любопытство вызывает требование обеспечить среднюю заработную плату ППС по итогам года в размере 200% и более от средней зарплаты в регионе. Если доля таких работников в годовом измерении окажется менее 30%, то руководитель вуза (ректор) получит за эффективность 0 баллов. Максимальное количество – 15 баллов, начисляется тем

² Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.02.2022 № 92 «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений» // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203140027> (дата обращения: 25.04.2024).

руководителям, в организации которых доля ППС с указанным размером заработной платы превысит 90% персонала. Внутри двух крайних позиций даются промежуточные распределения. За выполнение показателей ректор получает премиальные вознаграждения.

Идея, казалось бы, благородна в изначальной декларации: поставить доходы руководителя в зависимость от доходов подчинённых. Однако реализовать её на практике препоручается преподавателям и учёным, что совсем не просто и, главное, мало зависит от усилий самого ректора. Основной источник финансовых ресурсов – государство. От года к году оно снижает финансирование на науку. В выгодной позиции оказываются те вузы, которые имеют административный ресурс для получения грантов и государственных заданий. Формально этот процесс осуществляется на началах конкуренции. Но эта идеальная модель слишком далека от реальности. В итоге ППС попадают под пресс администрации университетов, которая фактически шантажирует их угрозой увольнения. Жёсткая позиция ректората задаётся правилами игры: благосостояние и карьера эффективных менеджеров зависит от выполнения целевых показателей.

Проведённый анализ объясняет негативную реакцию опрошенных на коммерциализацию. И мы ещё не берём во внимание тот аспект, что по многим программам обучения монетизировать результаты научной и образовательной деятельности невозможно. Например, в области педагогических наук, в философии, культурологии и др. Получается, что в логике менеджеризма это вообще лишние специальности, от которых любому ректору естественным образом хочется избавиться. Возникает абсурдная ситуация, когда государство с помощью собственных же правил, во-первых, искусственно порождает девиации, во-вторых, лишает общество профессий, без которых оно не в состоянии самовоспроизводиться.

♦ *Индикатор 2:* ресурсы для достижения менеджеристских целей. В нашем исследовании было свыше десяти вопросов по этому аспекту проблематики. В связи с дефицитом текстуального пространства ограничимся лишь одной переменной.

Менеджеристский подход в управлении вузами во многом опирается на концепцию т.н. исследовательского университета. Считается, что в условиях глобализации в триаде целей классического университета акцент перемещается на воспроизводство знания. Подобная точка зрения, на наш взгляд, с реальным положением дел в университетах никак не связана. Поясним своё мнение результатами опроса (табл. 2).

Таблица 2

Оценка способности преподавателей продуктивно заниматься наукой
(Ростовская область, 2023 г. N=456, в %)

Заданные значения	Распределение ответов
1. Для занятий наукой нужно создать справедливое премирование за показатели	15,7
2. Большинство преподавателей имеет высокую мотивацию для научной работы	18,8
3. Большинство преподавателей ориентировано на образовательную деятельность	50,2
4. Наука, имеющая социальную полезность, всегда была уделом немногих	31,0
5. Затрудняюсь ответить	5,5

Показательно, что единственное менеджеристское заданное значение выбрало менее всего респондентов. Большинство опрошенных не увидели у своих коллег внутренних ресурсов, необходимых для плодотворной научной работы. Между тем, практически ни одно заседание учёных советов в вузах, оказавшихся в выборке, не проводится без побуждений со стороны руководства к публикационной активности. Последнее время особенно пристальное внимание уделяется публикациям в рейтинговых журналах. Однако такие журналы по определению не в состоянии удовлетворить сложившийся масштаб потребностей. А если говорить прямо, то журналы с добросовестной научной репутацией просто не должны этого делать. Качественные статьи не создаются под заказ ректора или декана. Данный продукт иного уровня мотивации и потребностей. И если все редколлегии перейдут в режим работы, свойственный законам рынка, качество размещаемых в них материалов резко снизится. Там, где появляются деньги как прямой фактор регуляции профессиональной деятельности, наука исчезает. Из-за принятия большого объёма не имеющих научной ценности рукописей журнал переместится из институционального пространства науки в сферу рыночных институтов. Это прямой путь к потере академической субъектности.

♦ *Индикатор 3:* деформации в профессиональной этике. Содержательно он выстроен на проверке профессиональной деятельности учёных и преподавателей в рамках сложившихся форм академического сообщества (заседаний диссертационных советов, редколлегий, учёных советов, кафедр и т.п.). В предмет оценки включены их цели, ценности и функции. Важно понять, сопрягаются ли они с традиционно понимаемыми статусными позициями научного и образовательного сообщества (табл. 3).

Таблица 3

Оценка объективности отбора заявок на грант
(Ростовская область, 2023 г. N=456, в %)

Заданные значения	Распределение ответов
1. Эксперты оценивают заявки беспристрастно и выбирают наиболее лучшие	15,0
2. Большая часть заявок отбирается заранее по договорённости с руководством фондов	21,0
3. Руководство фондов коррумпировано и это препятствует справедливому отбору заявок	9,2
4. Выиграть конкурс участникам из региональных вузов практически невозможно	28,1
5. Затрудняюсь ответить	43,8

Субъектность экспертов РНФ и других фондов, а также само их руководство наши респонденты поставили под сомнение. Маловероятно, что им доподлинно известно о том, как на самом деле принимаются решения о конкурсных заявках, но мнения складываются на основе слухов, инсайдерских вбросов, суждений по аналогии с собственными действиями на месте эксперта. Они основаны на глубоком разочаровании возможностью заработать в «честной конкуренции» со своими коллегами. Вера в справедливое соперничество отсутствует. А в ситуации жёсткого давления со стороны деканатов это выглядит ещё и как угро-

за сохранению рабочего места. Неслучайно, что при ответе на вопрос, «Делает ли что-то администрация Вашего вуза по улучшению ресурсных возможностей преподавателей?» большинство респондентов выбрали опцию «администрация напоминает мне работу коллекторов по выбиванию показателей из сотрудников» (51,2%).

Из данных, приведённых в таблице 4, следует, что половина преподавателей признают практику необоснованного завышения оценок студентам. В анализируемую переменную было заложено три заданных значения, при помощи которых можно отследить негативное влияние менеджеризма на субъектность преподавателей на экзаменах. Преподавательский рейтинг и индикация качества образования большой популярности не удостоились. Хотя, как нам представляется, эти позиции в реальных практиках имеют куда большее значение, чем показывает опрос. А вот проблемы душевного финансирования оказались актуализированными. Это не случайно, т.к. о связи между штатным расписанием и численностью контингента администрация вузов напоминает своим сотрудникам регулярно.

Таблица 4

Оценка практики завышения академических достижений обучающихся
(Ростовская область, 2023 г. N=456, в %)

Заданные значения	Распределение ответов
1. Низкие оценки не выгодно ставить из-за привязки объёма ставок к контингенту обучающихся	33,8
2. Оценки часто завышаются по просьбам студентов	8,7
3. Оценки иногда завышаются ради рейтинга преподавателей	9,9
4. Оценки завышаются ради роста показателей по качеству образования	17,7
5. Оценки в основном отражают реальный уровень знаний студентов	50,3

Таблица 5

Наличие широко распространённых девиантных практик в диссертационных советах
(Ростовская область, 2023 г. N=456, в %)

Заданные значения	Распределение ответов
1. Присуждение учёной степени за диссертации, не имеющие научной ценности	23,3
2. Необъективность оппонентов на защите диссертаций	8,9
3. Постановочный характер защит	23,3
4. Снижение требований к диссертациям аспирантов ради выполнения количественных показателей	16,7
5. Написание отзывов на диссертации самими соискателями	34,1
6. Игнорирование научными руководителями своих обязанностей	11,6
7. Ничего из перечисленного	32,9

Диссертационные советы – это важнейшая форма функционирования академического сообщества. В совокупности с аспирантурой через них воспроизводится научно-образовательный потенциал страны. Между тем, две трети всех опрошенных указали на тот или иной дефект субъектности диссертационных советов. На практике это означает, что часть их функций и ценностей утрачены, и, следовательно, они не могут в той мере, как надо, достигать социально значимые цели.

Утрата субъектности данной институции частично связана с идеологией менеджеризма, что отражается через четвёртое заданное значение – «снижение требований к диссертациям аспирантов ради выполнения количественных показателей». Его выбрали 16,7% респондентов. Такая сравнительно низкая популярность вовсе не означает, что нет давления на выпускающие кафедры и диссертационные советы. В приказном порядке некачественные диссертации на защиту ещё не ставят, но обсуждение ситуации с низким процентом защищённых аспирантов на учёных советах происходит часто. Давление на научных руководителей уже давно стало социальным фактом. Истоки подобной политики проистекают от менеджеристских установок на то, что рост численности аспирантских защит отражает высокий уровень управленческой эффективности.

С точки зрения формальной логики это, действительно, так. Однако к практическому решению этой проблемы администрация вузов подступает не с той стороны. Она пытается подчинить своей воле голосующих в диссертационных советах профессоров, либо нацелена на снижение требований к диссертациям. Между тем, более правильно было бы обратить внимание на качество работы комиссий по отбору аспирантов. В соответствии с Приказом Минобрнауки от 1 ноября 2021 г. № 996 формула расчёта контрольных цифр приёма работает таким образом, что вузам выгодно набирать аспирантов как можно в большем объёме. Дополнительно, без должной оценки состоятельности, в аспирантуру зачисляются коммерческих обучающихся. Они повышают эффективность по показателям финансового менеджмента (п. 6 Приказа Минобрнауки от 1 февраля 2022 г. № 92), но при этом совершенно неспособны к научной работе. Неудивительно, что, оценивая качество отбора в аспирантуру, лишь 28,2% респондентов посчитали, что туда поступают лучшие.

Работа на показатели создаёт тупиковую ситуацию. Вузам выгодно много аспирантов и по финансовым соображениям, и с точки зрения общего контингента обучающихся. Это ведёт к росту показателей эффективности. Однако применяемая для решения финансовых вопросов политика «брать всех, кто платит» снижает уже другой показатель – процент защищённости аспирантов. Положение пытаются исправить, заменяя диссертацию на защиту по научному докладу, снижая общие требования к научному тексту, подменяя науку наукообразностью. Не пренебрегают, порой, прямым давлением на членов диссертационных советов. В итоге, менеджеристское управление начинает противоречить собственным же публичным декларациям качества и эффективности.

Заключение. Проведённое исследование подтвердило гипотезу о том, что реализуемая менеджеристская политика оказывает негативное воздействие на академическое сообщество, снижая его субъектность. Дисфункции проявляются по двум направлениям профессиональной деятельности учёных и преподавателей.

Первое онтологически связано с особенностями менеджеризма. Возникнув в чуждых науке и образованию институциональных условиях, менеджеристская идеология неизбежно ведёт к возникновению в сознании университетских работников экзогенных им паттернов поведения, проистекающих из конкуренции и коммерциализации. Перекрёстное цитирование, лжеавторство, недобросовестность в принятии академических решений, сотрудничество с «мусорными» журналами, игнорирование педагогических обязанностей, стали нормой социального поведения в современных университетах. При таких обстоятельствах можно говорить о глубоких трансформациях профессиональной этики. Главное следствие подобных изменений состоит в неспособности высшей школы достигать общественно полезных целей: осуществлять профессиональное обучение и производить новое знание.

Второе направление связано с утратой свободы в принятии решений на заседаниях кафедры, учёных советов, диссертационных советов и т.п. Потеря политической воли лишь частично связана с менеджеризмом. Эффективные менеджеры и академическое сообщество при определённых обстоятельствах вполне могли бы уживаться мирно. Ведь по общему замыслу реформы, принятой от Запада, эффективные менеджеры не имели полномочий для применения санкций за невыполнение целевых показателей. В России же ситуация оказалась несколько иной. Ответственным за эффективность государство, за неимением других кандидатур, назначило само себя. Как следствие, власть получили бюрократы, чья карьера прочно связалась с исполнением целевых показателей. В этой конфигурации заурядный чиновник оказался более значимой фигурой, чем профессор или академик. Но российской бюрократии даже этого показалось мало. Менеджеристская мечта бюрократов состоит в превращении университета в аморфную управленческую конструкцию, где есть общий руководитель, подписавший с министерством эффективный контракт, руководители образовательных направлений, разделённые на укрупнённые группы, и поставленные над ними кураторы (деканы), чья цель – обеспечить выполнение контрактных обязательств руководителя университета. Задуманное как анти-бюрократическая революция менеджеристское управление превратилось в настоящий бенедикс бюрократии, поставившей под свой надзор все формы функционирования академического сообщества. Но, пожалуй, её главное «завоевание» заключается в установлении полного контроля над учёными советами. Разрушая традиционные академические статусы и подрывая престиж академической профессии, бюрократия долгое время с разной степенью успешности пыталась инициировать через учёные советы перевод всех ППС на краткосрочные эффективные контракты. Это не удалось. Но и обычные двух-трёх летние контракты не дают преподавателям и учёным нужной защиты. Время проходит быстро, а поскольку у руководителей структурных подразделений есть практически полная власть над учёным советом, то любому сотруднику, проявляющему самостоятельность в суждениях и оценках, могут не продлить контракт без объяснения причин. В итоге преподаватели стали бояться быть преподавателями, а учёные – учёными. Благодаря этому активно размывается статусная идентичность внутри академического сообщества. Оно перестаёт быть коллективным носителем своей системы ценностей и постепенно утрачивает потенциальные возможности, которые ранее обеспечивали ему реализацию социальных функций.

Библиографический список

1. Мещангина Е. И. Реформирование содержания высшего образования в России (90-е гг. XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 166–168. EDN [PZHPOB](#).
2. Бляхман Л. С., Чернова Е. Г. Образовательная политика в условиях перехода России к инновационной экономике // Экономика образования. 2014. № 3. С. 62–72. EDN [TLURTD](#).
3. Дуткевич П. Нужны ли реформы в системе высшего образования? // Высшее образование в России. 2015. № 3. С. 80–84. EDN [TOMAPJ](#).
4. Замошникова Н. Н. Развитие системы высшего профессионального образования в Российской Федерации с 1990 по 2015 годы: взгляд из региона // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 4(63). С. 99–108. EDN [UADUZL](#).
5. Володарская Е. А. Системы количественных показателей эффективности исследовательских работ // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2020. № 6(36). С. 158–171. DOI [10.24411/2414-9241-2020-10011](#). EDN [XSHCVM](#).
6. Дадаев Я. Э. Возможности и риски коммерциализации высшего образования // Журнал прикладных исследований. 2022. № 2-2. С. 135–143. DOI [10.47576/2712-7516_2022_2_2_135](#). EDN [RGRUQA](#).
7. Романов Е. В. Публикационная активность российских университетов: от «академического капитализма» к «академическому социализму» // Вопросы экономики. 2023. № 2. С. 100–115. DOI [10.32609/0042-8736-2023-2-100-115](#). EDN [RLVPWI](#).
8. Ковалев В. В., Дятлов А. В. Идеология менеджеризма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение // Вестник университета. 2023. № 7. С. 24–32. DOI [10.26425/1816-4277-2023-7-24-32](#). EDN [XGDYIY](#).
9. Радченко Е. В., Раиз К. А. Понимание субъектности в философии и языкознании // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 2(261). С. 74. EDN [OXRXL](#).
10. Уразалиева Г. К. Проблема субъекта в социологии с позиций культурно-исторической теории // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2017. № 1(7). С. 123–134. EDN [ZDBEVZ](#).
11. Мерзляков А. А. Проблема субъектности в социологии управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 4(24). С. 95–104. DOI [10.19181/snsp.2018.6.4.6087](#). EDN [YQJUNZ](#).
12. Горохов В. Ф., Васнева Н. Н. О соотношении категорий «социальная общность» и «социальная группа» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 4(132). С. 12–21. EDN [VMFALF](#).
13. Кошкин П. П. Новые трактовки менеджеризма в административной трактовке стран Запада // Общество: политика, экономика, право. 2007. № 1. С. 46–58. EDN [NSBQOH](#).
14. Целых М. П. Социальная работа в эпоху тэтчеризма в Великобритании // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 4. С. 569–584. EDN [TMZXAZ](#).
15. Абрамов Р. Н. Менеджеризм: экономическая идеология и управленческая практика // Экономическая социология. 2007. Т. 8, № 2. С. 92–101. EDN [OYNZUX](#).

Поступила: 29.04.2024. Принята: 20.05.2024.

Сведения об авторах:

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, профессор. Ростов-на-Дону, Россия. vitkovalev@yandex.ru
Author ID РИНЦ: [345032](#); ORCID: [0000-0002-8439-3117](#)

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, заведующий кафедрой, профессор. Ростов-на-Дону, Россия.
avdyatlov@yandex.ru
Author ID РИНЦ: [316700](#); ORCID: [0000-0001-5914-4744](#)

V. V. Kovalev¹, A. V. Diatlov¹

¹ Southern Federal University. Rostov-on-Don, Russia

SUBJECTIVITY OF THE ACADEMIC COMMUNITY IN THE CONDITIONS OF MANAGERIALIST MANAGEMENT

Abstract. The article analyzes the negative effects of managerialist management on the subjectivity of the academic community. The aim of the research: to establish a correlation between the decrease in the subjectivity of the academic community and the managerialist model of higher school management. Two methods were used to collect empirical information: a mass survey of teachers at four universities in Rostov region and the analysis of normative-legal documents regulating the application of managerialist norms to the higher education system. The result of the operationalization of basic concepts (subjectivity, academic community, managerialist management) was the definition of three empirical indicators: 1) perceptions of the academic community about the traditional goals of higher education; 2) resources of the academic community to achieve managerialist goals; 3) the presence of deformations in the professional ethics of academics and teachers. The study confirmed the hypothesis that the implemented managerialist policy has a negative impact on the academic community, reducing its subjectivity. Dysfunctions are manifested in two areas of professional activities of scientists and teachers. The first one is caused by the peculiarities of managerialism. Managerialism in any socio-cultural and socio-political conditions inevitably leads to the substitution of goals for the means of their achievement. This occurs due to the absence of reliable indicators for effective managers to assess the quality of reproducible results of their activities by scientists and teachers. The second direction is related to the loss of freedom in decision-making at meetings of historically established in universities sustainable social practices (meetings of the department, academic councils, dissertation councils, etc.). This is due to the administrative subordination of the academic community to the managerial tasks of the bureaucracy.

Keywords: academic community, managerialism, management, subjectivity, university

For citation: Kovalev V. V., Diatlov A. V. Subjectivity of the academic community in the conditions of managerialist management. *Science. Culture. Society*. 2024;30(2):37–51. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.3>

References

1. Meshchangina E. I. Reformation of the higher education contents in Russia in 1990-s. *Theory and practice of social development*. 2013;(4):166–168. (In Russ.).
2. Blyakhman L. S., Chernova E. G. Educational policy in the conditions of Russia's transition to an innovation economy. *Ekonomika obrazovaniya*. 2014;(3):62–72. (In Russ.).
3. Dutkiewicz P. Do we need reforms in the tertiary education system? *Higher Education in Russia*. 2015;(3):80–84. (In Russ.).
4. Zamoshnikova N. N. The system of higher education's development in the Russian Federation from 1990 to 2015: a look from the region. *Scholarly Notes of Transbaikal State University*. 2015;(4):99–108. (In Russ.).
5. Volodarskaya E. A. Systems of quantitative indicators of research performance. The Problems of scientist and scientific groups activity. 2020;(6):158–171. DOI [10.24411/2414-9241-2020-10011](https://doi.org/10.24411/2414-9241-2020-10011). (In Russ.).
6. Dadaev Ya. E. Opportunities and risks of commercialization of higher education. *Journal of Applied Research*. 2022;(2-2):135–143. DOI [10.47576/2712-7516_2022_2_2_135](https://doi.org/10.47576/2712-7516_2022_2_2_135). (In Russ.).
7. Romanov E. V. Publication activity of Russian universities: from “academic capitalism” to “academic socialism”. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(2):100–115. (In Russ.). DOI [10.32609/0042-8736-2023-2-100-115](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-2-100-115).
8. Kovalev V. V., Diatlov A. V. The ideology of managerialism in Russian social institutions: education, science, healthcare. *Vestnik Universiteta*. 2023;(7):24–32. (In Russ.). DOI [10.26425/1816-4277-2023-7-24-32](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-7-24-32).

9. Radchenko E. V., Rang Ch. A. The structure of the concept of subjectivity in philosophy and linguistics. *Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics*. 2012;(2):74. (In Russ.).
10. Urazalieva G. K. An issue of the subject in sociology from the standpoint of cultural and historical theory. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Psychology, Pedagogy, Education*. 2017;(1):123–134. (In Russ.).
11. Merzlykov A. A. The problem of subjectivity in the sociology of management. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2018;6(4):95–104. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2018.6.4.6087](https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.4.6087).
12. Gorokhov V. F., Vasneva N. N. On correlation of categories “social unity” and “social group”. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2014;(4):12–21. (In Russ.).
13. Koshkin P. P. New interpretations of managerialism in the administrative treatment of the West. *Society: Politics, Economics, Law*. 2007;(1):46–58. (In Russ.).
14. Tselykh M. P. Social work during the era of Thatcherism in Great Britain. *The Journal of Social Policy Studies*. 2014;12(4):569–584. (In Russ.).
15. Abramov R. N. Managerialism: economic ideology and managerial practice. *Journal of Economic Sociology*. 2007;8(2):92–101. (In Russ.).

Received: 29.04.2024. Accepted: 20.05.2024.

Information about the authors:

Vitaly V. Kovalev, Doctor of Sociology, Associate Professor, Southern Federal University, Professor. Rostov-on-Don, Russia. vitkovalev@yandex.ru
ORCID: [0000-0002-8439-3117](https://orcid.org/0000-0002-8439-3117)

Alexander V. Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University, Head of Department, Professor. Rostov-on-Don, Russia. avdyatlov@yandex.ru
ORCID: [0000-0001-5914-4744](https://orcid.org/0000-0001-5914-4744)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.2.4](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.4)
EDN [RXAYST](https://edn.rscf.ru/RXAYST)
УДК 378.147:316.4

Л. Н. Боронина¹, С. В. Ольховикова¹, А. А. Балясов¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
Екатеринбург, Россия

ОРГАНИЗАЦИОННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ ПРОЕКТНОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению организационно-управленческого контекста развития проектного обучения в российских вузах. Выборочная совокупность исследования представлена двенадцатью университетами разного типа (федеральные, научно-исследовательские, опорные) Приволжского, Уральского, Сибирского и Южного федеральных округов. На основе традиционного документа – официальных документов, размещённых на официальных сайтах университетов, – осуществлена оценка ключевых аспектов политик университетов в реализации проектного обучения студентов, отражающих развитие организационной инфраструктуры анализируемой практики и формирующей среду социального взаимодействия студентов, преподавателей, кураторов, работодателей и представителей образовательного менеджмента. Разработка оценочного инструментария основывалась на методологии системного, организационно-управленческого, процессного, ситуационного и темпорального подходов. Цель исследования – проанализировать организационно-управленческий контекст проектного обучения в российских университетах. Установлено, что институциональные практики внедрения проектного обучения в исследуемых университетах имеют разные ресурсные возможности и реализуются по различным траекториям, имеющим свою логику. В исследовании зафиксировано, что в информационном пространстве, а соответственно и в организационно-управленческой среде, представлено многообразие в определении целей и результативности проектного обучения. Демаркационными линиями в существующих организационно-управленческих моделях являются стратегические развилки, обеспечивающие: массовость или избирательность проектного обучения в вузах; ориентацию на образовательный и/или продуктивный результат; интеграцию проектного обучения в образовательный процесс или реализацию проектной деятельности студентов за рамками их учебных активностей. Выявлена зависимость между организационным дизайном проектного обучения и его ресурсным обеспечением – нормативно-правовым, кадровым, информационным сопровождением. Масштабность и интенсивность управленческих инноваций, связанных с переходом образовательного процесса на форматы проектного обучения, в большей степени характерна для университетов, входящих в программу развития университетов «Приоритет-2030». Они детерминируют не только серьёзные институциональные и организационные изменения, но и трансформацию практик социального взаимодействия в высшем образовании.

Ключевые слова: высшая школа, университетское управление, Приоритет-2030, проектное обучение, организационно-управленческие модели

Для цитирования: Боронина Л. Н., Ольховикова С. В., Балясов А. А. Организационно-управленческий контекст развития проектного обучения в высшей школе // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 2. С. 52–69. DOI [10.19181/nko.2024.30.2.4](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.4). EDN [RXAYST](https://edn.rscf.ru/RXAYST).

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01482 «Проектное обучение в развитии профессионализма и гражданской ответственности российского студенчества: управленческий контекст и формирование трансформирующей агентности», <https://rscf.ru/project/24-28-01482/>

Введение. Одним из глобальных трендов развития современных университетов является сочетание в образовательном процессе традиционных и современных форматов. Внедрение новых методов и технологий обучения в уни-

верситетской среде, по мнению международной экспертной комиссии, должно трансформировать университеты в центры развития инновационных технологий, стимулировать преподавателей и студентов к активному участию в глобальном рынке исследований и инноваций [1]. Проектное обучение студентов в парадигме практико-ориентированной подготовки специалистов для цифровой экономики и Индустрии 4.0 – одна из современных и многообещающих образовательных технологий. В этом контексте организация проектного обучения в российских университетах рассматривается не как отделённая перспектива, а как актуальная задача образовательного менеджмента, в социальном управлении – как триггер социальных изменений.

Внедрение проектного обучения в российских вузах обусловило очередную серию кардинальных организационных изменений, требующих оценки со стороны исследовательского сообщества, анализа их корпоративных и социальных эффектов в рамках предметной области социологии управления. Российские университеты находятся в процессе перманентных преобразований, превышение размеров и темпов которых могут запускать имитационные механизмы, сопротивление со стороны академического сообщества [2]. Отслеживание процессов и способов интеграции проектного обучения в организационную среду вузов, их образовательную деятельность является актуальным для последующей оценки результатов уже реализованных управленческих инноваций, их последствий, связанных с необходимостью адаптации университетов как социальных организаций к очередным организационным изменениям. Такое исследование важно и в связи с оптимизацией политики и программ социального управления во взаимодействии управляющих и управляемых субъектов в высшем образовании для достижения необходимых корпоративных и социальных эффектов проектного обучения в рамках решения ключевых стратегических задач российскими университетами [3].

Процесс институционализации проектного обучения в вузах был запущен в период 2018–2019 гг., спустя год после представленной Министерством образования и науки РФ в 2017 году модели реализации проектно-ориентированных программ, предполагающих «командное выполнение проектов полного жизненного цикла»¹. Особенность модели – переход от стандартизации профессиональной подготовки будущих специалистов на принципы дифференциации и индивидуализации [4]. Модель не только обозначала преимущества проектного обучения (его контекстность, связанную с погружением студента в реальные производственные кейсы; ориентацию проектной деятельности на результаты и продукты, которые должны выступать инструментом оценки образовательных результатов), но и обусловила последующую институциональную практику внедрения проектного обучения в вузах – её многообразие по длительности и составу участников форм проектного обучения, в том числе разные формы партнёрства университетов и предприятий реального сектора экономики, обеспечивая многосторонний процесс «интеграции вузов в социально-экономическое и инновационное развитие регионов» [5].

Ещё одним импульсом к внедрению и развитию проектного обучения в российских вузах стала запущенная в 2021 году программа «Приоритет-2030», на-

¹ Модель реализации практико-ориентированных образовательных программ различного профиля (бакалавриат/специалитет, магистратура), предполагающих командное выполнение проектов полного жизненного цикла // Томский государственный университет. 2017. URL: https://www.tsu.ru/upload/medialibrary/d30/modiel_poop.pdf (дата обращения: 11.05.2024).

правленная на ресурсное обеспечение «вклада российских университетов в достижение национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года»². Проектное обучение в долгосрочной установке вузов на «повышение их научно-технологического потенциала «для создания новых технологий, отраслей и конкурентоспособных продуктов и сокращения срока внедрения инноваций в экономику страны»³ должно сыграть решающую роль. Не случайно в новых государственных образовательных стандартах (ФГОС) 2022 года проектные компетенции заявляются во всех направлениях и уровнях подготовки студентов. К 1 декабря 2025 года все образовательные программы должны содержать «практико-ориентированные компоненты, предполагающие командное выполнение проектов полного жизненного цикла»⁴, способствующие развитию мягких компетенций в соответствии с запросами молодёжи на успешное трудоустройство и построение профессиональной карьеры.

Научные дискурсы, посвящённые тематике проектного обучения в высшей школе в период 2018–2023 годов, развёртываются в логике от общего к частному: от обобщения лучших практик внедрения проектного обучения в вузах, которое начинается сразу после предъявления академической общественности модели реализации практико-ориентированных программ [6], до кейсов изучения реализации проектного обучения в конкретных вузах или отдельных направлениях подготовки [7; 8; 9]. Общая исследовательская логика имплементируется в разные методологические парадигмы авторских исследований. В распространённом среди исследователей «утилитарном» подходе проектное обучение изучается как инструмент, выгоды от которого извлекаются в целях повышения качества профессиональной подготовки, её соответствия потребностям рынка труда [10]; реализации студентоцентрированной парадигмы образования [11; 12]; индивидуализации образовательного процесса [13]; обеспечения компетентностного подхода [6]; формирования устойчивых паттернов взаимодействия университета с работодателями. В рамках социально-педагогического подхода авторы рассматривают специфику проектного обучения в сравнении с традиционными формами обучения [14]. В контексте управленческой парадигмы исследуются институциональные механизмы организации проектного обучения [15]. Изучение управленческого контекста проектного обучения, как правило, связано с конкретными кейсами университетского менеджмента – анализом функционирования отдельных университетов.

В зарубежных исследованиях тематика проектного обучения разнообразна. Проектное обучение рассматривается в контексте оценки эффективности различных концептуальных и прикладных моделей [16]. Продвигаются идеи реального сотрудничества с организациями индустриального мира [17]. Оценивается актуальное состояние цифровых ресурсов, удобных для преподавателей и студентов приложений и платформ в системе проектной деятельности [18]. Особый интерес в рамках нашего исследования представляет обсуждение организационно-управленческих аспектов, связанных с проектным обучением – во-

² Программа «Приоритет-2030» // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/> (дата обращения: 11.05.2024).

³ Там же.

⁴ Паспорт приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций»: утверждён президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 25 октября 2016 г. № 9) // Правительство России. URL: <http://static.government.ru/media/files/OnTUmegFLNj5Uqtac57y1WG1EtMG9ABe.pdf> (дата обращения: 11.05.2024).

просов коммуникации и координации проектной деятельности на уровне университета в рамках формальных организационных структур, целесообразности централизации управленческих процессов, преодолевающей свойственную университетам инертность [19]. Не менее интересна идея определения уровня зрелости образовательных организаций, от которого зависят специфические для университетов ограничения проектной деятельности и качественные характеристики приобретаемых профессиональных компетенций студентов в процессе проектного обучения [20].

Анализ отечественных научных публикаций в сравнении с зарубежными показывает, что исследовательская проблема заключается в отсутствии методологического обоснования сравнительной оценки практик реализации проектного обучения в российских университетах, что не позволяет дать оценку разнообразию моделей проектного обучения в вузах и выявить тенденции развития его организационно-управленческого контекста.

Методология и методы исследования. Обосновывая методологические решения, авторы исходили из понимания того, что внедрение проектного обучения связано с трансформациями организационной системы университетов, изменением норм, правил её функционирования, внедрением новых управленческих механизмов, технологических и методических решений, которые тесно сопряжены с перестройкой сложившийся практик взаимодействия студентов с преподавателями, преподавателей с администрацией высших учебных заведений.

Теоретической основой исследования организационно-управленческого контекста проектного обучения в университетах явилась общенаучная теория оценки, раскрывающая три модальности оценки, такие как: а) оценочная деятельность, которая связана с обеспечением условий реализации непосредственно самого процесса оценивания и формированием его концептуальной базы – характеристики основных методологических подходов, критериев оценки и методов их измерения; б) процесс оценивания, отражающий наличие определённого алгоритма; в) результат оценочной деятельности и процесса оценивания [21].

Включение в методологическую базу исследования организационно-управленческого подхода определялось самой темой исследования, в рамках которой процесс внедрения и развития проектного обучения изучался в контексте специфических организационных условий каждого вуза, отражающих ресурсное обеспечение интеграции проектного обучения в образовательный процесс (нормативно-правовых, организационных, кадровых, информационных).

Ситуационный подход в рамках углублённого, детального кейсового изучения практик проектного обучения даёт возможность рассмотреть различные целевые модели в разрезе стратегических развилки проектного обучения: массовость или избирательность (реализация на всех уровнях и направлениях подготовки либо в отдельных образовательных программах); ориентация на образовательный и/или продуктовый результат (проектное обучение и/или проектная деятельность); охват проектного обучения – его направленность исключительно на студентов или широкую целевую аудиторию (школьники, абитуриенты, учащиеся колледжей и техникумов и др.).

Процессный подход позволял идентифицировать модели интеграции проектного обучения в образовательный процесс: прескриптивные (проектное обучение реализуется через освоение обязательных проектных дисциплин) или дескриптивные (по выбору студентов), а также внеучебные (проектная деятель-

ность осуществляется за рамками образовательного процесса). В рамках процессного подхода выявляется функциональная модель, связанная с наличием ролевой структуры участников проектной деятельности.

Темпоральный подход отражает продолжительность проектного обучения, локализованную в учебных планах образовательных программ. В непрерывных моделях проектное обучение реализуется на протяжении всего учебного цикла; в дискретных – разово, в течение одного или двух семестров.

Заявленные методологические подходы, взаимодополняя друг друга, позволяют не только сформировать критерии оценки и алгоритм оценивания (табл. 1), но и провести сравнительный анализ институциональных практик проектного обучения в исследуемых вузах.

Выборочная совокупность исследования включала двенадцать университетов четырёх федеральных округов – Южного, Приволжского, Уральского и Сибирского. Принцип отбора вузов – тип университета. В каждом федеральном округе представлены федеральный, научно-исследовательский и опорный университеты. Представительство разных типов позволяло осуществить сравнительный анализ институционализированных практик проектного обучения в зависимости от стратегических целей университетов каждого типа, направленных на: комплексное региональное развитие с возможностью формировать собственные образовательные стандарты (федеральные университеты), исследования в определённых областях знания (научно-исследовательские), кадровое обеспечение регионального рынка труда (опорные).

Эмпирическая база исследования – первичная информация, полученная в ходе анализа официальных сайтов университетов. Объем проанализированных источников: программы развития университетов – 11; университетские положения о проектном обучении – 8; положения о проектных департаментах – 7; положения об организации проектного обучения – 2; методические рекомендации по реализации проектного обучения – 3; методические документы по проектному обучению для студентов – 2; инструкции для кураторов – 5; отчёты по самообследованию – 3; программы подготовки кураторов – 6; учебные планы – 115; рабочие программы проектных дисциплины – 267.

Методика исследования базировалась на стратегии кейс-стади, применяемой в современных организационных исследованиях [22]. Стратегия «позволяет уточнить факты и упорядочить массу деталей, выполняя важную функциональную роль в проведении оценочных процедур» [23]. В рамках аналитической стратегии кейс-стади [22] авторами исследования была разработана логическая модель, которая в соответствии с заявленными методологическими подходами и с применением метода декомпозиции позволила идентифицировать типы и виды моделей оценки ключевых аспектов политики университетов в реализации проектного обучения студентов (см. табл. 1).

Структура логической модели, разработанная на основе методологических подходов, позволяет не просто описать управленческие практики, но и дать оценку ключевых аспектов политики университетов в реализации проектного обучения студентов и возможность сравнительного анализа университетских практик.

В исследовании решались следующие задачи:

1. Осуществить анализ ресурсного обеспечения проектного обучения в вузах по правовым, организационным, кадровым и информационным моделям: в правовой модели установить наличие нормативных документов (общеуниверситетского положения о проектном обучении, положения об организации проектного обучения;

Таблица 1

**Логическая модель оценки ключевых аспектов политики университетов
в реализации проектного обучения студентов**

Методологические подходы	Типы моделей	Виды моделей	Критерии оценки
Организационно-управленческий	Ресурсные	Правовые	Наличие общеуниверситетского положения о проектном обучении
			Наличие Положения о проектном департаменте
			Наличие Положения об организации проектного обучения
			Наличие методических рекомендаций по реализации проектного обучения
			Наличие методических документов по проектному обучению для студентов
			Наличие инструкций для кураторов
		Организационные	Наличие общеуниверситетского проектного офиса (централизованная модель)
			Наличие проектных департаментов на уровне структурных подразделений (децентрализованная модель)
			Наличие субъектов управления на уровне образовательных программ (локальная модель)
		Кадровые	Наличие программ подготовки кураторов
		Информационные	Наличие общеуниверситетской платформы для организации проектного обучения
			Наличие цифровой платформы для организации проектного обучения в отдельном институте, школе, факультете
			Наличие IT-сервиса для взаимодействия проектных команд и реализации студенческих проектов
			Наличие IT- ресурса для обучения кураторов
		Наличие IT-сервиса для взаимодействия с работодателями	
Ситуационный	Целевые	Массовые	Реализация проектного обучения на всех направлениях и уровнях подготовки
		Избирательные	Реализация проектного обучения на отдельных направлениях и уровнях подготовки
		Образовательные (дисциплинарные)	Наличие в учебных планах образовательных программ теоретических проектных дисциплин, ориентированных на образовательный результат
		Продуктовые (проектно-ориентированные)	Наличие в учебных планах образовательных программ проектных практикумов/ проектной деятельности/ проектных интенсивов, направленных на продуктивный результат

Методологические подходы	Типы моделей	Виды моделей	Критерии оценки
		Смешанные	Ориентация проектного обучения на образовательный и продуктовый результаты
		Студентоцентрированные	Направленность проектного обучения только на студентов
		Сквозные	Направленность проектного обучения на широкую целевую аудиторию (школьники, абитуриенты, учащиеся СПО)
Процессный	Модели интеграции проектного обучения в образовательный процесс	Прескриптивные	Наличие в учебных планах образовательных программ обязательных проектных дисциплин
		Дескриптивные	Наличие в учебных планах образовательных программ проектных дисциплин по выбору студентов
		Внеучебные	Реализация проектной деятельности за рамками образовательного процесса
	Функциональные	Ролевые	Наличие ролевой структуры проектного обучения
Темпоральный подход	Темпоральные	Непрерывные	Наличие в учебных планах образовательных программ проектных дисциплин в каждом семестре, на протяжении всего процесса обучения
		Дискретные	Наличие в учебных планах образовательных программ проектных дисциплин в одном семестре

положения о проектном департаменте, методических рекомендаций по реализации проектного обучения, методических документов по проектному обучению для студентов, инструкций для кураторов); в организационной модели – установить наличие общеуниверситетского проектного офиса (централизованная модель), наличие проектных департаментов на уровне структурных подразделений (децентрализованная модель), наличие субъектов управления на уровне образовательных программ (локальная модель); в кадровой модели установить наличие программ подготовки кураторов; в информационной модели – наличие различных цифровых ресурсов проектного обучения.

2. Выявить стратегические приоритеты проектного обучения в целевых моделях университетов на основе анализа учебных планов образовательных программ и рабочих программ проектных дисциплин: массовая модель реализации проектного обучения (на всех направлениях и уровнях подготовки) или избирательная (на отдельных направлениях и уровнях подготовки); образовательная модель (наличие теоретических проектных дисциплин, ориентированных на образовательный результат) или продуктовая (наличие проектных практикумов/проектной деятельности/проектных интенсивов, направленных на продуктовый результат) или смешанная модель (направленная как на образовательный, так и продуктовый результат – наличие в учебных планах как теоретических, так и практических проектных дисциплин); студентоцентрированная модель (указание в регламентах проектного обучения студентов в качестве целевой аудитории) или сквозная модель (широкая целевая аудитория – школьники, абитуриенты, студенты и др.).

3. Дать оценку интеграции проектного обучения в образовательный процесс на основе анализа учебных планов образовательных программ, регламентов проектного обучения, информации на официальных сайтах университетов: прескриптивная модель проектного обучения (проектное обучение включено в изучение обязательных проектных дисциплин) или дескриптивная модель (проектное обучение включено в изучение отдельных дисциплин и факультативов по выбору студентов) или внеучебная модель (проектная деятельность реализуется за рамками образовательного процесса); функциональная модель (наличие или отсутствие ролевой структуры проектного обучения).

4. Определить темпоральные характеристики проектного обучения на основе анализа учебных планов образовательных программ, регламентов проектного обучения, информации на официальных сайтах университетов: непрерывная модель (проектное обучение длится несколько семестров или реализуется в процессе всего обучения) или дискретная модель (проектное обучение длится один семестр).

Реализация заявленных задач на основе сформированной методологии и использования метода традиционного анализа документов (официальных документов, размещённых на официальных сайтах университетов), является лишь первым этапом исследования организационно-управленческого контекста реализации проектного обучения в вузах, продолжением которого является применение логической модели при разработке инструментария социологических опросов с последующей организацией эмпирического исследования.

Оценка ключевых аспектов политики университетов Южного федерального округа в реализации проектного обучения студентов. Состав университетов: Южный федеральный университет (ЮФУ), Донской государственный технический университет (ДГТУ, опорный вуз), Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева (АГУ). В Южном федеральном округе отсутствуют научно-исследовательские университеты (НИУ). В выборочной совокупности НИУ был заменён на Астраханский государственный университет, являющимся научно-исследовательским центром Юго-Западного региона России.

Организационные модели. Централизованные модели организации проектного обучения существуют в ДГТУ (Служба проректора по проектной деятельности) и в АГУ (Центр продвижения и сопровождения проектной деятельности молодёжи). В Южном федеральном университете реализуется децентрализованная модель.

Правовые модели. Правовая регламентация проектного обучения осуществляется только в Астраханском государственном университете – разработано «Руководство по организации проектного обучения».

Кадровые модели. Информация о наличии и реализации программ подготовки кураторов проектного обучения и проектной деятельности обнаружена только на сайте Астраханского государственного университета.

Информационные модели. Общеуниверситетская цифровая платформа Folipro создана только в Астраханском государственном университете. В ЮФУ проектные департаменты, созданные на базе двух институтов, обеспечены собственными цифровыми проектными сервисами.

Целевые модели. Во всех университетах прослеживается массовая модель реализации проектного обучения. В Южном федеральном университете и Донском государственном техническом университете модель является смешанной: проектная деятельность в университетах реализуется как в рамках основного

образовательного процесса (проектные практикумы), так и за его пределами (в формате интенсивов, проектных школ, научно-исследовательских лабораторий). Все вузы округа реализуют программу «Стартап как диплом». Астраханский университет также ориентирован на смешанную модель, но проектная деятельность осуществляется только за пределами образовательного процесса.

Целевыми аудиториями проектного обучения в вузах Южного федерального округа являются студенты, школьники (абитуриенты), учащиеся колледжей.

Модели интеграции проектного обучения в образовательный процесс во всех университетах идентична – прескриптивная модель регламентирует в учебном процессе освоение студентами дисциплин проектного обучения и проектной деятельности в обязательном порядке. Регламентация ролей (функциональная модель) в нормативных документах по проектному обучению обнаружена только в Южном федеральном университете и Донском государственном техническом университете. В отличие от классической ролевой структуры в ЮФУ (куратор, руководитель проекта, администратор, член команды), в ДГТУ регламентированы профессиональные роли конструктора, электронщика, IT-специалиста, промышленного дизайнера.

Темпоральные модели. В Астраханском государственном университете реализуется дискретная модель проектного обучения, дисциплина «Управление проектами» длится один семестр. В остальных университетах округа проектное обучение является непрерывным и длится несколько семестров по большинству направлений подготовки.

Оценка ключевых аспектов политики университетов Приволжского федерального округа в реализации проектного обучения студентов. Состав университетов: Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ), Национальный исследовательский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (ННГУ). Уфимский государственный нефтяной технический университет (УГНТУ).

Организационные модели. В исследуемых университетах централизованное структурное подразделение существует только в Уфимском госуниверситете (Центр развития проектной деятельности и игропрактики). В Казанском – существуют проектные департаменты разного уровня, на уровне университета (Совет по стратегическому планированию реализации образовательной деятельности) и в отдельных институтах. В Нижегородском университете организационная модель локальная. Организация проектного обучения осуществляется на уровне образовательных программ. Вместе с тем в вузе существуют два подразделения – Управление проектной деятельностью и Центр научно-исследовательской и проектной деятельности, в рамках которых проектная деятельность студентов вынесена за рамки учебной деятельности и связана с выполнением грантовых исследований. Однако в планах этого университета к 2030 году создать профильное подразделение проектно-ориентированного обучения.

Правовые модели. Регламенты проектного обучения разработаны по всем шести критериям в УГНТУ, они доступны и полностью описывают процесс проектного обучения и проектной деятельности. В КФУ и ННГУ в открытом доступе регламентов проектного обучения не обнаружено.

Кадровая модель полноценно присутствует только в Уфимском университете – есть программа профессиональной переподготовки «Наставничество и управленческий коучинг».

Информационные модели. Информационные сервисы проектного обучения не обнаружены в КФУ, в ННГУ есть многоканальный информационный портал, где студенты могут получить информацию о проектно-ориентированных траекториях обучения. В УГНТУ существует сайт и портал в личном кабинете в АСУ ВУЗ.

Целевые модели. В Уфимском и Нижегородском университетах проектное обучение реализуется на всех направлениях и уровнях подготовки (массовая модель), Казанском – модель избирательная – на отдельных направлениях подготовки. В нём же реализуется дисциплинарная (образовательная) модель – проектное обучение реализуется через освоение проектных дисциплин. В Уфимском университете и Нижегородском университетах присутствует смешанная модель – освоение теоретических проектных курсов сопряжено с проектной деятельностью, как в рамках учебного процесса, так и за его пределами (Ярмарка проектов, летние проектные школы и др.).

По охвату проектного обучения вузы также дифференцированы: В Казанском федеральном университете и университете Лобачевского выявлены сквозные модели (проектное обучение охватывает широкие целевые группы); В УГНТУ реализуется студентоцентрированная модель.

Модели интеграции проектного обучения в образовательный процесс демонстрируют весь спектр: КФУ реализует прескриптивную модель (наличие в учебных планах обязательных проектных дисциплин), УГНТУ и ННГУ – внеучебную модель, по выбору студентов. При этом ролевая структура проектного обучения регламентирована только в УГНТУ.

Темпоральные модели. В Уфимском университете реализуется непрерывная модель – проектное обучение и проектная деятельность осуществляются на протяжении всего обучения студентов. В Казанском федеральном университете темпоральность различна. В технических направлениях подготовки – дискретный характер; в гуманитарных и социально-экономических наблюдается непрерывная модель (продолжительность проектного обучения охватывает несколько семестров). Нижегородский университет демонстрирует дискретную модель.

Оценка ключевых аспектов политики университетов Уральского федерального округа в реализации проектного обучения студентов. Состав университетов: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (УрФУ); НИУ Южноуральский государственный университет (ЮУрГУ); Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова (МГТУ, опорный вуз).

Организационные модели. Уральский федеральный университет демонстрирует централизованную модель организации проектного обучения – в структуре университета функционирует Отдел организации проектного обучения, что позволяет принимать централизованные управленческие решения. В Южно-Уральском НИУ инициатором проектного обучения может выступать любое структурное подразделение университета. Наличие в каждом подразделении университета должностного лица, ответственного за проектное обучение, свидетельствует о децентрализованной модели организации проектного обучения. В Магнитогорском вузе отсутствует специализированное структурное подразделение, ответственное за проектное обучение студентов. Однако при университете функционирует Проектная школа для учащихся общеобразовательных организаций, являющаяся структурным подразделением МГТУ.

Правовые модели. В УрФУ система проектного обучения характеризуется полной ресурсной обеспеченностью: сформирован весь пакет нормативно-правовых актов. В Южно-Уральском научно-исследовательском университете регламентируется проектное обучение только одним документом – Положением «Об организации проектного обучения и учёта его результатов в Южно-Уральском государственном университете». В Магнитогорском вузе отсутствует какое-либо положение об организации проектного обучения студентов.

Кадровые модели. Во всех университетах реализуются программы подготовки кураторов.

Информационные модели. В УрФУ проектное обучение обеспечено для всех его стейкхолдеров. Для работы студенческих проектных команд используется сервис TeamProject, для работодателей создан цифровой ресурс Partner. В Южно-Уральском университете цифровой сервис «Облако проектов», обеспечивающий эффективное взаимодействие студентов, преподавателей и предприятий. В Магнитогорском государственном техническом университете цифровых ресурсов сопровождения проектной деятельности студентов не обнаружено.

Целевые модели. В ходе анализа информации в УрФУ зафиксирована устойчивая тенденция перехода университета к массовой модели проектного обучения. ЮУрГУ также демонстрирует массовость проектного обучения, реализуемого по 50 направлениям подготовки в бакалавриате, специалитете и магистратуре. В МГТУ – модель избирательная, проектное обучение реализуется на отдельных направлениях подготовки.

Модель УрФУ ориентирована как на образовательный, так и продуктовый результаты. В университете реализуется смешанная модель проектного обучения: в бакалавриате изучение базовой проектной дисциплины «Основы проектной деятельности» сопровождается проектной деятельностью студентов, разработкой проектов по заказу работодателей; магистратура изначально нацелена только на проектную деятельность, с характерными для неё инновационными продуктовыми результатами. Анализ учебных планов образовательных программ Южно-Уральского университета выявил в разных направлениях подготовки студентов наличие обязательной дисциплины «Управление проектами», ориентированный на образовательный результат. Проектная деятельность с её продуктовыми результатами связана с разработкой студентами междисциплинарных проектов по заказу работодателей. Ориентация на продуктовый результат по окончании обучения реализуется в готовых «стартапах» и «спин-оффах». Магнитогорский технический университет демонстрирует проектно-ориентированную модель – проектное обучение выведено в отдельные дисциплины: в бакалавриате это «Проектный практикум» и «Проектная деятельность», в магистратуре – «Проектирование и выполнение проекта в материале».

Модели интеграции проектного обучения в образовательный процесс. В УрФУ наличие в учебных планах всех образовательных программ обязательных дисциплин свидетельствует о прескриптивной модели. В ЮУрГУ отсутствие в учебных планах проектных практикумов и интенсивов свидетельствует о том, что разработка междисциплинарных проектов реализуется в формате внеучебной деятельности, то есть по выбору студентов. В Магнитогорском университете проектное обучение выведено в отдельные обязательные дисциплины: в бакалавриате это «Проектный практикум» и «Проектная деятельность», в магистратуре – «Проектирование и выполнение проекта в материале» (прескриптивная модель).

В отличие от студентоцентрированных моделей проектного обучения в УрФУ и ЮУрГУ, проектное обучение в Магнитогорском государственном техническом университете ориентировано на широкую аудиторию – не только студентов, но и школьников. В УрФУ в рамках функциональной модели групповая работа студентов над проектами осуществляется в рамках классической ролевой структуры. В ЮУрГУ и МГТУ регламентация ролевой структуры не обнаружена.

Темпоральные модели. В УрФУ проектная деятельность студентов носит непрерывный характер, реализуется в виде проектных практикумов на протяжении всего процесса обучения, как в бакалавриате, так и на уровне магистратуры. В МГТУ две дисциплины реализуются в рамках непрерывной модели, осваиваются на протяжении нескольких семестров, что отражает непрерывную модель проектной деятельности, ориентированную на продуктовый результат.

Оценка ключевых аспектов политики университетов Сибирского федерального округа в реализации проектного обучения студентов. Состав университетов: Сибирский федеральный университет (СФУ), Иркутский национальный исследовательский технический университет (ИРНИТУ), Новосибирский государственный технический университет (НГТУ).

Организационные модели. В Иркутском и Новосибирском университетах они централизованы (в ИРНИТУ есть Центр проектного обучения, в НГТУ – Центр студенческой проектной деятельности). В Сибирском федеральном университете управление проектным обучением существует на локальном уровне (Проектная мастерская и Проектный офис НОЦ).

Правовые модели. В ИРНИТУ, НГТУ и СФУ официальные документы, регламентирующие проектное обучение, разработаны и доступны для ознакомления.

Кадровые модели. Системы обучения (повышения квалификации) кураторов проектной деятельности действуют в Иркутском и Новосибирском университетах.

Информационные модели. Информационное обеспечение проектного обучения в университетах не равноценно: если в ИРНИТУ есть доступные сайты для работы проектных команд и проектного обучения, то НГТУ такой сайт существует только для подачи заявки на проект. В СФУ сайты для проектного обучения и взаимодействия проектных команд находятся в разработке.

Целевые модели. Университеты постепенно переходят от избирательных к массовым моделям. Избирательность сохраняется только в Сибирском федеральном университете, тогда как Иркутский массово включает в проектное обучение и деятельность всех студентов бакалавриата, Новосибирский – с 2019 по 2021 год заявил переход к массовому и непрерывному проектному обучению от бакалавриата к магистратуре. В ИРНИТУ проектное обучение реализует смешанную модель проектного обучения, сочетающую в себе дисциплинарную (образовательную) модель и продуктовую, реализуемую на выбор студента в рамках «Ярмарки проектов». В СФУ и НГТУ развивают продуктовую логику проектного обучения.

Все университеты декларируют широкую целевую аудиторию проектного обучения – от студентов, до школьников, работодателей и т.д.

Модели интеграции проектного обучения в образовательный процесс. Все три университета комбинируют прескриптивную и внеучебную модель, выводя проектную деятельность за рамки учебного процесса, чаще всего в статусе дополнительных образовательных программ. В функциональной модели регла-

ментация ролей зафиксирована только в Иркутском НИУ в Положении о проектной деятельности.

Темпоральные модели. В СФУ реализуется дискретная модель (от одной до трех дисциплин в учебном плане), в ИРНИТУ – модель непрерывная: во всех образовательных программах уровня бакалавриата реализуется две дисциплины («Основы проектной деятельности» (4 семестр), базовая часть, обязательная дисциплина; «Проектная деятельность» (5, 6, 7, 8 семестры) базовая часть, обязательная дисциплина). В НГТУ с 2021 года введена обязательная дисциплина «Основы проектной деятельности» во все учебные планы бакалавров (1–4 семестры). Исходя из этого, можно заключить, что в НГТУ также реализуется непрерывная модель.

Заключение. Несмотря на ограничения, связанные с применением традиционного метода анализа находящихся в открытом доступе документов, информационную закрытость некоторых аспектов организации проектного обучения в университетах, методология исследования позволила выявить как общие тенденции развития проектного обучения в вузах, так специфику каждого из университетов. Авторский исследовательский подход обеспечил возможность сравнительной оценки университетских практик в контексте институционального развития проектного обучения в высшей школе. Идентифицированные модели проектного обучения демонстрируют разнообразие университетских подходов, явившихся следствием заявленной в 2017 году Министерством образования и науки РФ вариативности моделей реализации проектно-ориентированных программ. В отсутствие идеального, нормативного типа, предписанного министерством, каждый университет формирует свои модели, исходя из собственных стратегических установок. В этих условиях в исследовании были зафиксированы лишь тенденции развития организационно-управленческих практик.

При всей вариативности организационной архитектуры проектного обучения, университеты, демонстрирующие централизованную модель организации проектного обучения, имеют наилучшее нормативно-правовое, кадровое и информационное обеспечение.

Анализ цифрового сопровождения проектного обучения в вузах не выявляет прямой зависимости информационного обеспечения проектного обучения от его организационной архитектуры. В целевых моделях проектного обучения прослеживается тенденция к массовому вовлечению студентов в проектную деятельность. В стратегической альтернативе «проектное обучение» (дисциплинарная модель) или «проектная деятельность» (продуктовая модель) региональные университеты демонстрируют преимущественно смешанную стратегию, оптимально сочетающую обучение технологиям проектной деятельности и проектного менеджмента с разработкой проектов по заказу внешних партнёров университетов.

Большинство университетов ориентировано на широкие целевые аудитории проектного обучения. Преобладание в моделях интеграции проектного обучения в образовательный процесс прескриптивных моделей, связанных с наличием в учебных планах обязательных проектных дисциплин, показывает, что проектное обучение в университетах становится устойчивым компонентом в реализации образовательных программ. Однако в половине университетов проектная деятельность все ещё выводится за пределы учебного процесса. Университеты, ориентированные на продуктивные модели, реализуют непрерывную

модель проектного обучения на протяжении всей учебной деятельности студентов, что позволяет не только формировать, но развивать и закреплять проектные компетенции у молодых специалистов в процессе их обучения в вузе.

Масштабность и интенсивность управленческих инноваций, связанных с переходом образовательного процесса на форматы проектной деятельности, в большей степени характерна для вузов, входящих в программу развития университетов «Приоритет-2030». Они представляют разные федеральные округа и разные типы университетов: Уральский федеральный университет, Южно-Уральский федеральный университет, Иркутский национально-исследовательский технический университет и Уфимский государственный нефтяной технический университет. Таким образом, в многообразии управленческих подходов к организации проектного обучения в университетах окружной и региональной специфики не обнаружено.

Практическая значимость проведённого исследования заключается в возможности использования его результатов в совершенствовании процессов управления и организации проектного обучения в университетах, широком обсуждении экспертным академическим сообществом, а также в процессе возможной разработки Министерством науки и высшего образования РФ новых регламентов проектного обучения при переходе на новые государственные образовательные стандарты.

Реализованный анализ организационно-управленческой среды проектного обучения в российском высшем образовании даёт основу для продолжения изучения социальных процессов, происходящих в региональных университетах, оценки их эффективности и разработки управленческих рекомендаций. Перспективы реализованного исследования могут быть связаны с использованием авторского методического подхода и результатов теоретического моделирования в оценке управленческого контекста внедрения проектного обучения в высшее образование при анализе изменений социального взаимодействия основных образовательных общностей российских университетов, выявлении социальных барьеров в повышении эффективности обучения и результативности реализуемых студентами проектов.

Библиографический список

1. NMC Horizon Report: 2015 Higher Education Edition / L. Johnson, S. Adams Becker, V. Estrada [et al.]. Austin, Texas : The New Media Consortium, 2015. 56 p. ISBN 978-0-9906415-8-2.
2. Щербина В. В. Обосновано ли существование социологии управления как специальной социолого-регулятивной теории? // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 57–65. DOI [10.31857/S013216250013727-2](https://doi.org/10.31857/S013216250013727-2). EDN [FILOVZ](https://www.edn.ru/10.31857/S013216250013727-2).
3. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Трансформация предметного поля социологии управления: новые вызовы // Социологические исследования. 2016. № 7(387). С. 48–57. EDN [WHVZPT](https://www.edn.ru/10.31857/S013216250013727-2).
4. Воденко К. В. Теория и методология организации системы науки и образования в формате 4.0 на базе человеческого и искусственного интеллектуального капитала // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сб. докладов VI Всерос. социол. конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020). Тюмень : РОС, 2020. С. 5529–5535. DOI [10.19181/kongress.2020.648](https://doi.org/10.19181/kongress.2020.648). EDN [KJGGLC](https://www.edn.ru/10.19181/kongress.2020.648).
5. Гапонова О. С., Чилипенко Ю. Ю. Традиционные и инновационные практики университетов в решении задач социально-экономического развития регионов // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сб. докладов VI Всерос. социол. конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020). Тюмень : РОС, 2020. С. 2794–2807. DOI [10.19181/kongress.2020.337](https://doi.org/10.19181/kongress.2020.337). EDN [CERRQR](https://www.edn.ru/10.19181/kongress.2020.337).

6. Проектное обучение: практики внедрения в университетах / Под ред. Л. А. Евстратова, Н. В. Исаева, О. В. Лешукова. М. : НИУ ВШЭ, 2018. 152 с. DOI [10.17323/978-5-7598-1916-5](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1916-5). EDN [YWZKMX](https://www.edn.ru/1916-5).
7. *Хамидулин В. С.* Модернизация модели проектно-ориентированного обучения в вузе // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 1. С. 135–149. DOI [10.31992/0869-3617-2020-29-1-135-149](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-1-135-149). EDN [TCLKTE](https://www.edn.ru/135-149).
8. Анализ внедрения проектного обучения в российских вузах / М. В. Куклина, А. И. Труфанов, Н. Г. Уразова, А. В. Бондарева // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 6. С. 62. DOI [10.17513/spno.31320](https://doi.org/10.17513/spno.31320). EDN [AZRXPT](https://www.edn.ru/31320).
9. Организационная модель проектного обучения в бакалавриате / Н. А. Хлебников, И. Н. Обабков, С. Т. Князев [и др.] // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27, № 1. С. 50–57. DOI [10.15826/umpa.2023.01.006](https://doi.org/10.15826/umpa.2023.01.006). EDN [OOSAYL](https://www.edn.ru/006).
10. *Сенашенко В. С.* Уровни сопряжения системы высшего образования и сферы труда // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 3. С. 38–47. EDN [YTMQNN](https://www.edn.ru/38-47).
11. *Мишин И. Н.* Реализация проектной деятельности в системе студентоцентрированного обучения // Высшее образование в России. 2022. Т. 31, № 3. С. 140–151. DOI [10.31992/0869-3617-2022-31-3-140-151](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-3-140-151). EDN [IXKFFB](https://www.edn.ru/140-151).
12. *Кисель О. В., Дубских А. И., Бутова А. В.* Трудности применения студентоцентрированного подхода в российском высшем образовании // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 8-9. С. 95–103. DOI [10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-95-103](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-95-103). EDN [LBFCFV](https://www.edn.ru/95-103).
13. *Данейкин Ю. В., Калтинская О. Е., Федотова Н. Г.* Проектный подход к внедрению индивидуальной образовательной траектории в современном вузе // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 8-9. С. 104–116. DOI [10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-104-116](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-104-116). EDN [CASSIB](https://www.edn.ru/104-116).
14. *Ищенко М. М., Сичкарь Т. В.* Проблемы проектного образования в современной России // Вестник евразийской науки. 2019. Т. 11, № 1. С. 19. EDN [LWMFLX](https://www.edn.ru/19).
15. *Boronina L. N., Senuk Z. V.* Temporal analysis of Project training // 12th International Conference of Education, Research and Innovation ICERI 2019 Proceedings (Valencia, 11-13 November, 2019). Valencia: IATED Academy, 2019. P. 7639–7647. DOI [10.21125/iceri.2019.1814](https://doi.org/10.21125/iceri.2019.1814). EDN [WBAOOX](https://www.edn.ru/1814).
16. *Simbolon R., Koeswanti H. D.* Comparison of Pbl (Project Based Learning) Models with Pbl (Problem Based Learning) Models to Determine Student Learning Outcomes and Motivation // International Journal of Elementary Education. 2021. Vol. 4(4). P. 519–529. DOI [10.23887/ijee.v4i4.30087](https://doi.org/10.23887/ijee.v4i4.30087).
17. *Poston R. S., Richardson S. M.* Designing an academic project management program: A collaboration between a university and a PMI chapter // Journal of Information Systems Education. 2011. Vol. 22(1). P. 55–72.
18. *Peters L., Solomon R.* Exploring student project management and evaluation strategies in undergraduate universities // International Journal of Research Publication and Reviews. 2023. Vol. 4, No. 3. P. 1560–1562. DOI [10.55248/gengpi.2023.32491](https://doi.org/10.55248/gengpi.2023.32491). EDN [GUCAZT](https://www.edn.ru/32491).
19. *Klaus-Rosinska A., Zabloczka-Kluczka A.* Project management in universities: The institutional aspect // International Business & Economics Research Journal. 2014. Vol. 13(6). P. 1525–1538. DOI: [10.19030/iber.v13i6.8939](https://doi.org/10.19030/iber.v13i6.8939).
20. *Demir C., Kocabas I.* Project management maturity model (PMMM) in educational organizations // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2010. Vol. 9. P. 1641–1645. DOI: [10.1016/j.sbspro.2010.12.379](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.12.379).
21. *Сутужко В. В.* Общенаучные аспекты теории оценки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2009. № 1(9). С. 42–46. EDN [KYYWSL](https://www.edn.ru/42-46).
22. *Yin R. K.* Case study research design and methods. 5th ed. Thousand Oaks, CA : Sage, 1994. 282 p. ISBN 978-1-4522-4256-9.
23. *Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р.* Методы прикладных социальных исследований : Учебное пособие. 2-е изд., доп. М. : Вариант, 2008. 215 с. ISBN 978-5-903360-14-7.

Поступила: 10.05.2024. Принята: 04.06.2024.

Сведения об авторах:

Боронина Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия. l.n.boronina@urfu.ru
Author ID РИНЦ: 703863; ORCID: 0000-0001-9876-9085

Ольховикова Светлана Валерьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия. s.v.olkhovikova@urfu.ru
Author ID РИНЦ: 400207

Балясов Александр Анатольевич, старший преподаватель кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия. a.a.balyasov@urfu.ru
Author ID РИНЦ: 891125; ORCID: 0000-0003-4666-7153

L. N. Boronina¹, S. V. Olkhovikova¹, A. A. Baliasov¹
¹ Ural Federal University. Ekaterinburg, Russia

ORGANIZATIONAL AND MANAGERIAL CONTEXT OF PROJECT-BASED LEARNING DEVELOPMENT IN HIGHER SCHOOL

Abstract. The article is devoted to the study of the organizational and managerial context of the development of project-based learning in Russian universities. The sample of the study is represented by twelve universities of different types (federal, research, reference) Volga, Ural, Siberian and Southern Federal districts. Based on the traditional analysis of official documents posted on the official websites of universities, an assessment of key aspects of university policies in the implementation of project-based student education was carried out, reflecting the development of the organizational infrastructure of the analyzed practice and forming an environment of social interaction between students, teachers, curators, employers and representatives of educational management. The development of assessment tools was based on the methodology of systemic, organizational and managerial, process, situational and temporal approaches. The purpose of the study is to analyze the organizational and managerial context of project-based education in Russian universities. It is established that the institutional practices of implementing project-based learning in the universities under study have different resource capabilities and are implemented along different trajectories that have their own logic. The study recorded that in the information space, and accordingly in the organizational and managerial environment, diversity is represented in determining the goals and effectiveness of project training. The demarcation lines in the existing organizational and managerial models are strategic forks that ensure: the mass or selectivity of project-based education in universities; orientation towards educational and/or product results; integration of project-based learning into the educational process or the implementation of students' project activities beyond their educational activities. The dependence between the organizational design of project training and its resource provision – regulatory, personnel, and information support is revealed. The scale and intensity of managerial innovations associated with the transition of the educational process to project-based learning formats are more typical for universities included in the "Priority-2030" university development program. They determine not only serious institutional and organizational changes, but also the transformation of social interaction practices in higher education.

Keywords: higher school, university management, Priority-2030, project-based learning, organizational and management models

For citation: Boronina L. N., Olkhovikova S. V., Baliasov A. A. Organizational and managerial context of project-based learning development in higher school. *Science. Culture. Society*. 2024;30(2):52–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.4>

Acknowledgements: This work is supported by grant of the Russian Science Foundation, project No. № 24-28-01482 “Project-Based Learning in the development of professionalism and citizenship of Russian students: management context and creation of transforming agency”, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01482/>

References

1. Johnson L., Adams Becker S., Estrada V. [et al]. NMC Horizon Report: 2015 Higher Education Edition. Austin, Texas: The New Media Consortium; 2015. ISBN 978-0-9906415-8-2.
2. Shcherbina V. V. Is the existence of management sociology justified as a special sociological regulatory theory? *Sociological Studies*. 2021;(3):57–65. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250013727-2](https://doi.org/10.31857/S013216250013727-2).
3. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. Transformation of object field of governance and administration sociology: new challenges. *Sociological Studies*. 2016;(7):48–57. (In Russ.).
4. Vodenko K. V. Theory and methodology of organizing the system of science and education in 4.0 format based on human and artificial intellectual capital. In: *Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions*. Coll. of reports of the VI All-Russian Sociological Congress. Tyumen: RSS; 2020. P. 5529–5535. (In Russ.). DOI [10.19181/kongress.2020.648](https://doi.org/10.19181/kongress.2020.648).
5. Gaponova O. S., Chilipenok Yu. Yu. Traditional and innovative practices of universities in solving problems of social and economic development of regions. In: *Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions*. Coll. of reports of the VI All-Russian Sociological Congress. Tyumen: RSS; 2020. P. 2794–2807. (In Russ.). DOI [10.19181/kongress.2020.337](https://doi.org/10.19181/kongress.2020.337).
6. Evstratova L. A., Isaeva N. V., Leshukova O. V. (eds) Project-based learning: practices of implementation in universities. Moscow: HSE Publ.; 2018. (In Russ.). DOI [10.17323/978-5-7598-1916-5](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1916-5).
7. Khamidulin V. S. Development of a model of project-based learning. *Higher Education in Russia*. 2020;29(1):135–149. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2020-29-1-135-149](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-1-135-149).
8. Kuklina M. V., Trufanov A. I., Urazova N. G., Bondareva A. V. Analysis of the implementation of project-based learning in Russian universities. *Modern Problems of Science and Education*. 2021;(6):62. (In Russ.). DOI [10.17513/spno.31320](https://doi.org/10.17513/spno.31320).
9. Khlebnikov N. A., Obabkov I. N., Knyazev S. T. [et al.] Organizational model of project-based learning in undergraduate studies. *University Management: Practice and Analysis*. 2023;27(1):50–57. (In Russ.) DOI [10.15826/umpa.2023.01.006](https://doi.org/10.15826/umpa.2023.01.006).
10. Senashenko V. S. Conjugation levels between higher education and labour sphere. *Higher Education in Russia*. 2018;27(3):38–47. (In Russ.).
11. Mishin I. N. Implementation of project activities in the system of studentcentered learning. *Higher Education in Russia*. 2022;31(3):140–151. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2022-31-3-140-151](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-3-140-151).
12. Kisel O. V., Dubskikh A. I., Butova A. V. Difficulties in applying a student-centered approach in modern Russian higher education. *Higher Education in Russia*. 2020;29(8-9):95–103. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-95-103](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-95-103).
13. Daneykin Yu. V., Kalpinskaya O. E., Fedotova N. G. Project approach to the implementation of individual educational paths in modern university. *Higher Education in Russia*. 2020;29(8-9):104–116. (In Russ.). DOI [10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-104-116](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-8-9-104-116).
14. Ishchenko M. M., Sichkar T. V. Problems of project education in modern Russia. *The Eurasian Scientific Journal*. 2019;11(1):19–23. (In Russ.).
15. Boronina L. N., Senuk Z. V. Temporal analysis of project training. In: *12th International Conference of Education, Research and Innovation ICERI 2019 Proceedings*. Seville Valencia: IATED; 2019. P. 7639–7647. DOI [10.21125/iceri.2019.1814](https://doi.org/10.21125/iceri.2019.1814).
16. Simbolon R., Koeswanti H. D. Comparison of Pbl (Project Based Learning) Models with Pbl (Problem Based Learning) Models to Determine Student Learning Outcomes and Motivation. *International Journal of Elementary Education*. 2021;4(4):519–529. DOI [10.23887/ijee.v4i4.30087](https://doi.org/10.23887/ijee.v4i4.30087).

17. Poston R. S., Richardson S. M. Designing an academic project management program: A collaboration between a university and a PMI chapter. *Journal of Information Systems Education*. 2011;22(1):55–72.
18. Peters L., Solomon R. Exploring student project management and evaluation strategies in undergraduate universities. *International Journal of Research Publication and Reviews*. 2023;4(3):1560–1562. DOI [10.55248/gengpi.2023.32491](https://doi.org/10.55248/gengpi.2023.32491).
19. Klaus-Rosinska A., Zabloczka-Kluczka A. Project management in universities: The institutional aspect. *International Business & Economics Research Journal*. 2014;13(6):1525–1538. DOI: [10.19030/iber.v13i6.8939](https://doi.org/10.19030/iber.v13i6.8939).
20. Demir C., Kocabas I. Project management maturity model (PMMM) in educational organizations. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2010;9:1641–1645. DOI: [10.1016/j.sbspro.2010.12.379](https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2010.12.379).
21. Sutuzhko V. V. On general-scientific aspects of the theory of estimation. *The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*. 2009;(1):42–46. (In Russ.).
22. Yin R. K. Case study research design and methods. 5th ed. Thousand Oaks, CA: Sage; 1994. ISBN 978-1-4522-4256-9.
23. Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. Methods of applied social research: Textbook. 2nd ed, supp. Moscow: Variant; 2008. (In Russ.). ISBN 978-5-903360-14-7.

Received: 10.05.2024. Accepted: 04.06.2024.

Information about the authors:

Liudmila N. Boronina, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Sociology and Public and Municipal Administration, Ural Federal University. Ekaterinburg, Russia. l.n.boronina@urfu.ru
ORCID: [0000-0001-9876-9085](https://orcid.org/0000-0001-9876-9085)

Svetlana V. Olkhovikova, Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Sociology and Public and Municipal Administration, Ural Federal University. Ekaterinburg, Russia. s.v.olkhovikova@urfu.ru

Aleksandr A. Baliasov, Senior Lecturer of the Department of Sociology and Public and Municipal Administration, Ural Federal University. Ekaterinburg, Russia. a.a.baliasov@urfu.ru
ORCID: [0000-0003-4666-7153](https://orcid.org/0000-0003-4666-7153)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.2.5](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.5)
EDN [MYMUJK](https://edn.ru/entry/MYMUJK)
УДК 331.526:62:005.95/.96

Е. В. Кеммет¹

¹Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
Екатеринбург, Россия

УПРАВЛЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИЕЙ ЖЕНЩИН В СФЕРЕ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ТРУДА: ВЫЗОВЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Аннотация. Статья раскрывает тематику управления профессиональной социализацией женщин в инженерно-технической сфере, являющуюся важным аспектом контекста глобальных усилий по достижению гендерного равенства и устойчивого развития. В условиях социально-политической нестабильности, с учётом принятия Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы эта тема приобретает особое значение для России. Цель исследования заключается в анализе проблем и вызовов, с которыми сталкиваются женщины в инженерно-технической сфере, а также в выявлении эффективных мер поддержки их профессиональной социализации. Исследование реализовано на данных биографических интервью с женщинами-преподавателями и инженерами-практиками (N=19, 2019), а также на экспертных интервью с представителями вузов (N=25, 2024) и анализе документов. В ходе исследования выявлены две основные проблемы: ограниченная вовлеченность женщин-инженеров в научно-исследовательскую деятельность, а также гендерное неравенство в сфере инженерно-технического труда и ограниченные карьерные возможности женщин-инженеров из-за несоответствия рабочей среды в организациях принципам гендерного равенства. Определены и ключевые вызовы в достижении гендерного равноправия в сфере инженерно-технического труда, связанные с обеспечением равных условий для профессионального роста женщин и преодолением устойчивых гендерных стереотипов об их профессиональной роли и возможностях. Предложены пути решения выявленных проблем, включающие меры по повышению вовлеченности женщин в научные исследования и поддержки их профессионального развития, а также созданию благоприятных условий для карьерного роста в инженерно-технической сфере.

Ключевые слова: управление, профессиональная социализация, женщины, проблемы, инженерно-технический труд, STEM

Для цитирования: Кеммет Е. В. Управление профессиональной социализацией женщин в сфере инженерно-технического труда: вызовы и пути решения // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 2. С. 70–82. DOI [10.19181/nko.2024.30.2.5](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.5). EDN [MYMUJK](https://edn.ru/entry/MYMUJK).

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 23-28-00028 «Мобилизация ресурсности научно-педагогического сообщества в новых условиях реализации стратегии развития российских университетов: региональное измерение», <https://rscf.ru/project/23-28-00028/>

Введение. Важной целью глобальной программы устойчивого развития до 2030 года является обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин¹. Эксперты ООН подчёркивают, что гендерное неравенство

¹ «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 года № 70/1. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 10.04.2024).

негативно влияет на экономическую и социальную устойчивость общества². Однако в России вопросы продвижения гендерного равенства как профессионального равноправия недостаточно отражены в стратегических документах, отсутствует гендерная экспертиза экономических и социальных программ. Управление профессиональной социализацией женщин в инженерно-технической сфере становится особенно значимым в этом контексте.

Роль женщин в общественной жизни и ключевых отраслях экономики, включая инженерно-технические профессии, возрастает в условиях глобальной нестабильности. Данная ситуация подчёркивает актуальность исследования в свете принятия Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы, направленной на их активное участие в различных сферах жизни страны³. Это обстоятельство требует научного анализа и разработки эффективных мер поддержки женщин.

Международный тренд на привлечение женщин в инженерно-техническую сферу также показывает актуальность женского вопроса в современной инженерии. В XXI веке занятость женщин в информационно-коммуникационных технологиях и других технических отраслях стала более доступной⁴, что свидетельствует о важности гендерного равенства в этих областях.

В России запрос на активность женщин-инженеров только актуализируется в свете происходящих политических событий и дефицитов в экономической сфере. В последние годы разработаны нормативные акты для активного участия женщин в цифровой экономике, включая государственную программу «Цифровая экономика РФ»⁵. Создана рабочая группа «Комитет STEM» (Science, Technology, Engineering, Mathematics) на платформе Евразийского женского форума для поддержки и мотивации женщин к лидерству в технических сферах [1]. Однако механизмы реализации этих инициатив требуют дальнейшего изучения.

Актуальность исследования также обусловлена необходимостью адаптации женщин к быстро меняющимся условиям рынка труда [2]. Современные инженерно-технические профессии требуют не только глубоких знаний и навыков, но и способности к постоянному обучению и профессиональному развитию [3; 4]. Кроме того, усиление роли женщин в инженерно-технической сфере может стать ключевым фактором в решении демографических проблем и стимулировании экономического роста. Вовлечение женщин в высокотехнологичные отрасли способствует созданию более динамичной экономики, что является важным фактором устойчивого развития [5].

Целью данной статьи является исследование проблем и разработка путей решения, связанных с управлением профессиональной социализацией женщин в сфере инженерно-технического труда. Для достижения этой цели важно вы-

² Turning promises into action: Gender equality in the 2030 agenda for sustainable development // UN Women. 2018. URL: <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2018/2/gender-equality-in-the-2030-agenda-for-sustainable-development-2018> (дата обращения: 02.04.2024)..

³ Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы : распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 № 4356-р // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/145532/> (дата обращения: 31.03.2024)..

⁴ Тандон Н. Блестящие будущие возможности в сфере ИКТ для нового поколения женщин // International Telecommunication Union. 2012. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-D/Digital-Inclusion/Women-and-Girls/Documents/ITUBrightFutureforWomeninICT-Russian.pdf> (дата обращения: 31.03.2024).

⁵ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» : распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201708030016> (дата обращения: 31.03.2024).

явить проблемы, с которыми сталкиваются женщины в этой области и предложить рекомендации для улучшения условий и возможностей профессионального развития женщин-инженеров. Анализ эмпирических данных и выработка на основе экспертных мнений рекомендаций помогут формировать политику и практику, способствующую увеличению числа женщин в инженерно-технических профессиях и улучшению качества их профессиональной жизни.

Теоретико-методологическое обоснование. Теоретическая концепция исследования управления профессиональной социализацией женщин в сфере инженерно-технического труда разработана благодаря применению общностного, структурно-функционального и гендерного подходов. Она включает в себя описание этапов процесса социализации, его функций и дисфункциональных проявлений, анализ субъектов управления [6], а также использование индикаторов, которые позволяют оценить уровень и эффективность профессиональной социализации женщин-инженеров. Для эффективности этого процесса должны быть созданы определённые условия на институциональном и организационном уровнях социального взаимодействия. В нашей концепции выделены ключевые этапы процесса профессиональной социализации женщин: «этап профессионального выбора – школа», «этап получения профессионального образования – вуз», «этап профессионального труда по исследовательской стратегии – вуз» и «этап профессионального труда по практико-ориентированной стратегии». На каждом этапе для женщин-инженеров создаются свои условия для их профессионального развития. Создаются эти условия во многом благодаря целому ряду субъектов управления, таких как педагогические и научные работники, представители профессиональных сообществ и ассоциаций женщин-инженеров, а также управленческий персонал организаций, которые могут непосредственно влиять на результативность профессиональной социализации женщин в инженерно-технической сфере. Последняя фиксируется в поддержании определённой мотивации при выборе девушками профессии в данной сфере, их видении и реализации профессиональных планов, расширении профессиональной компетентности, в профессиональной культуре личности и профессиональной идентификации женщин как членов профессионального сообщества инженеров. Согласно нашим наблюдениям, все результаты воздействия субъектов управления на девушек и женщин-инженеров проявляются на этапах их выбора профессии, обучения и профессиональной деятельности специалистов в инженерно-технической сфере. Эти результаты можно проследить, оценивая обозначенные выше индикаторы. Влияние может осуществляться разными субъектами на профессиональную социализацию женщин-инженеров на различных этапах как напрямую, так и косвенно. Преподаватели, руководители и наставники оказывают непосредственное влияние на всех этапах, тогда как родственники и коллеги могут воздействовать косвенно и скорее в самом начале профессионального пути. На институциональном уровне государственной политикой определяются направления развития инженерно-технической отрасли и сообщества профессионалов, которые оказывают важное влияние на профессиональное самоопределение, самореализацию и профессиональное развитие женщин-инженеров. Разрабатываемые и реализуемые на национальном уровне программы и инициативы могут не только формировать общественный дискурс гендерного равноправия, но и поддерживать расширение численности женщин в инженерно-технической сфере, стимулировать женскую активность в научной и производственной деятельности.

Таким образом, под управлением профессиональной социализацией следует понимать процесс социального управления или субъект-субъектного взаимодействия, где не только управляющий субъект оказывает прямое или косвенное воздействие на успех этого процесса, но и сами управляемые, в частности девушки-студентки как будущие инженеры и женщины как активные участницы инженерного сообщества, влияют на результативность своей профессиональной социализации. Ключевое значение для успешной социализации женщин в инженерно-технической сфере имеют организационная среда и субъекты непосредственного влияния. Эти субъекты, реализуя определённую организационную политику в отношении женщин-инженеров, могут формировать стратегии их профессионального поведения в данной области.

А. В. Тихонов [7] отмечает, что эффективность управления зависит от социокультурных характеристик менталитета управляющего субъекта. С. С. Фролов [8] подчёркивает, что управление социальными структурами зависит от взаимодействия четырёх видов социальных норм (внеинституциональных, надинституциональных, институциональных и внешних), которые уменьшают неопределённость в обществе. Институционализация норм помогает устранить внешнюю неопределённость, тогда как внеинституциональная неопределённость, основанная на межличностных соглашениях, может нарушать социальный порядок и требовать управленческих мер для его восстановления. Г. Е. Зборовский, П. А. Амбаров и Е. А. Шуклина [9] подчёркивают важность гибких институциональных связей и уровня доверия ключевых сообществ, вовлечённых в систему профессиональной подготовки кадров для современной экономики. Высокая значимость и адаптация управленческих моделей к изменяющимся социально-экономическим условиям подчёркивают необходимость стратегий, направленных на улучшение трудоустройства выпускников вузов и поддержание их занятости, что гармонирует, на наш взгляд, с концептуальной логикой управления профессиональной социализацией.

Взаимодействие между субъектами и объектами управления профессиональной социализацией сопряжено с различными аспектами социокультурной среды. Важными факторами являются гендерные различия, включая стереотипы, дискриминационные практики и ограниченные ролевые модели для женщин в определённых профессиональных областях. Вторая группа факторов связана с образовательной средой, где осуществляется профессиональная социализация, включая качество профориентационной работы, содержание образовательных программ и роль наставников. Третья группа факторов касается профессиональной деятельности инженеров, включая условия их труда, карьерные возможности, технологические инновации и развитие профессионального сообщества. При анализе этих аспектов важно учитывать гендерные особенности профессиональной социализации, проявляющиеся благодаря этим аспектам.

Эмпирическая база и инструментарий исследования. В данном исследовании для изучения управления профессиональной социализации женщин в сфере инженерно-технического труда были использованы различные методы и источники данных, обеспечивающие комплексный подход к анализу заявленной проблемы. Первый этап исследования включал биографические интервью с женщинами-преподавателями инженерно-технических специальностей и инженерами-практиками.

В 2018 году было проведено 19 таких интервью по полуформализованной анкете. Основная цель этих интервью заключалась в том, чтобы выявить особенности и проблемы, с которыми сталкиваются женщины на пути к профессиональной социализации в инженерно-технической сфере. Для интервью были отобраны женщины, занимающие различные должности в инженерно-технической сфере, а также преподаватели инженерно-технических специальностей. Основной целью отбора было получение информации о профессиональной социализации женщин в этой сфере. Интервью проводились с женщинами разного возраста, с различным образовательным и профессиональным опытом, что позволяет получить разносторонний взгляд на исследуемую проблему. Возрастной диапазон интервьюированных женщин составлял от 19 до 87 лет. Среди них были студентки, аспиранты, инженеры различных специальностей (информационные системы, химия, архитектура, электроэнергетика, металлургия и другие), экономисты-инженеры, доктора и кандидаты наук. Профессиональная сфера их деятельности включала IT-сектор, химическую промышленность, строительство, энергетику, металлургию и образовательные учреждения (вузы). Интервьюируемые занимали разнообразные должности: от ассистента менеджера проектов, инженера-химика и химика-технолога до ассистента, доцента, профессора и заведующего кафедрой. Некоторые из них также занимали руководящие позиции, такие как начальник отдела, ведущий инженер, мастер внутридомового газового оборудования и специалист по учёту материальных потоков. В числе профессиональных достижений были примеры карьерного роста от начальных позиций до руководящих должностей, например, от инженера-химика до заместителя руководителя научно-исследовательского отдела и отдела качества на заводе. Большинство интервьюируемых респондентов работали и проживали в Екатеринбурге и Свердловской области. Образовательные учреждения, представленные в интервью, также в основном находились в Екатеринбурге.

Вторым этапом исследования (2024 г.), было проведение экспертных интервью со специалистами в области университетского и академического развития, имеющими как педагогический или исследовательский опыт, так и административный. Цель исследования заключалась в выявлении особенностей и проблем управления человеческими ресурсами вузов Уральского федерального округа. Всего было проведено 25 интервью с сотрудниками девяти вузов округа: УрФУ, ТюмГУ, УрГУПС, СурГПУ, УрГАУ, РГППУ, УИУ РАНХиГС, УрГЭУ и ТИУ, расположенных в Екатеринбурге, Перми, Тюмени и Сургуте. Информанты отбирались по следующим критериям: занимаемая руководящая должность и принадлежность к одному из трёх уровней университетского управления: представители ректорского корпуса (ректоры, проректоры, руководители отделов академического развития персонала, службы стратегического управления); представители руководства институтов (директора и их заместители по науке, образованию, академическому развитию); заведующие кафедрами, а также исследователи проблем университетского управления и научно-педагогического сообщества. Все эксперты имели стаж работы не менее 5 лет. Имели учёную степень кандидата наук 13 экспертов, доктора наук – 9. Гайд для интервью включал вопросы об управленческих подходах к оценке и использованию ресурсов научно-педагогического состава (НПС) и к мобилизации ресурсов НПС. В рамках данного исследования особое внимание уделялось управленческим решениям, необходимым для вовлечения женщин в сферу инженерно-технического труда.

Дополнительно в рамках исследования был использован метод анализа документов, включающий обзор литературы и анализ существующих научных публикаций, посвящённых управлению профессиональной социализацией женщин в сфере инженерно-технического труда. Таким образом, сочетание биографических и экспертных интервью, а также анализ документов обеспечили всесторонний подход к исследованию проблем профессиональной социализации женщин в сфере инженерно-технического труда и позволили предложить пути их решения.

Вызовы профессиональной социализации женщин в инженерно-технической сфере. На основе данных интервью и анализа документов были выявлены основные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются женщины в инженерно-технической сфере. Среди них: недостаточная вовлечённость женщин в научно-исследовательскую деятельность, отрицание гендерного неравенства со стороны мужчин в профессиональном сообществе инженеров, ограниченные карьерные возможности женщин в сфере инженерно-технического труда и несоответствие рабочей организационной среды принципам гендерного равноправия.

Выделены два основных вызова. Первый касается создания равных условий для профессионального роста и преодоления ограничений в карьерном продвижении. Второй вызов связан с преодолением гендерных стереотипов и обеспечением равного доступа к ресурсам и возможностям женщин в инженерном образовании, науке и практике. На наш взгляд, если первый вызов нацелен на необходимость структурных изменений в организациях, компаниях, трудовых коллективах, то второй требует изменений общественных установок и культурных норм.

Первый блок проблем связан с первым вызовом, который заключается в необходимости преодоления устаревших представлений о полоролевой стратификации в профессиональной структуре общества в целом и создании равных условий для профессионального роста как мужчин, так и женщин в тех профессиональных областях, которые традиционно характеризовались как маскулинные. Проблемы, относящиеся к этому вызову, включают ограниченный доступ женщин к высоким позициям и руководящим должностям в инженерно-технической сфере, а также отсутствие у многих из них возможностей поддержания баланса между личной жизнью и профессиональной деятельностью при реальном дисбалансе оплаты труда мужчин и женщин. Это означает, что женщинам часто трудно совмещать работу и личную жизнь из-за высоких требований на работе, недостаточной гибкости рабочего графика и отсутствия поддержки со стороны непосредственных руководителей и работодателя в целом.

Эксперты подчёркивают, что женщины часто сталкиваются с меньшими вознаграждениями и надбавками по сравнению с мужчинами в научных грантах и договорах, что ограничивает их профессиональные возможности и заставляет брать на себя дополнительные обязанности для компенсации низких зарплатных ставок. Приведём ряд высказываний экспертов:

«На огнеупорные заводы нас, конечно, брали, но брали на очень низкие зарплаты» (жен., 30 лет, инженер-технолог);

«Женщины получают меньшие надбавки по сравнению с мужчинами в различных грантах и договорах в инженерных направлениях» (жен., 37 лет, канд. техн. наук, зав. лабораторией).

Отсутствие у многих из женщин возможностей поддержания баланса между личной жизнью и профессиональной деятельностью является ключевой проблемой профессиональной социализации женщин в инженерно-технической сфере. Профессиональная работа требует высокой вовлеченности и преданности, что может стать препятствием для женщин, чьи приоритеты связаны с семейными обязанностями. Это подтверждается типичным высказыванием одного из экспертов:

«Если женщина не видит инженерно-техническую сферу как своё призвание, она может предпочесть уделить больше внимания семейным обязанностям» (жен., 38 лет, канд. соц. наук, зав. кафедрой).

«Совмещение заботы о детях, управления домашними делами и стремление к карьерному росту – это невероятно сложная задача. Для достижения успеха и признания в профессиональной сфере часто требуется не просто 8-часовой рабочий день» (жен., 47 лет, инженер-металлург, начальник лаборатории).

Кроме того, время, требуемое на подготовку специалиста, учёного-инженера, является продолжительным. Например, по мнению экспертов, подготовка учёного в естественных науках занимает длительное время, что часто несовместимо с женскими планами относительно деторождения и семейной жизни. Эксперт выражает это следующим образом:

«Обучение учёного в естественных науках занимает значительное время, примерно 10 лет. Этот длительный процесс может представлять сложности для многих женщин, в частности, создавая определённые вызовы» (муж., 44 года, канд. биол. наук, зам. директора по науке).

Ограниченный доступ женщин к высоким позициям и руководящим должностям в инженерно-технической сфере связан с наличием стереотипов и предрассудков. Данная проблема отчётливо проявляется в соотношении мужчин и женщин в руководящих органах, как в профессорском составе в вузах, так и на корпоративном уровне в промышленном секторе. Вот как это отмечают эксперты:

«Просто считается в мире мужчин, что высшее руководство именно по технологии должны осуществлять мужчины» (жен., 47 лет, инженер-металлург, начальник лаборатории);

«В руководстве, включая профессорский состав в вузах, преобладают мужчины» (жен., 50 лет, канд. техн. наук, начальник отдела);

«Чем выше должность, тем больше мужчин в управлении» (жен., 44 года, канд. соц. наук, доцент).

Позиции экспертов подчёркивают, что на высших уровнях управления женщины сталкиваются с явными препятствиями, связанными со стереотипами и существующими предрассудками.

Второй блок проблем связан со вторым вызовом, который заключается в необходимости преодоления гендерных стереотипов и обеспечения равного доступа женщин к ресурсам и возможностям. Проблемы, относящиеся ко второму вызову: недостаточная вовлеченность женщин в профессиональную, научно-исследовательскую деятельность из-за гендерных стереотипов и недостатка поддержки со стороны профессионального сообщества; отрицание гендерного неравенства со стороны мужчин и отсутствие осознания этой проблемы в сфере инженерно-технического труда.

Исследования свидетельствуют о систематическом неравенстве при распределении ресурсов между мужчинами и женщинами-инженерами, что препят-

ствуует полноценному участию женщин в проектах и снижает их шансы на профессиональный рост и развитие в данной сфере. Приведём одно из высказываний в интервью:

«Я не могу получить ни одного гранта от Российского научного фонда уже 2,5 года, даже в конкурсе молодых учёных, которым до 33 лет. Причина понятна: я женщина. В заявках по математике, физике, энергетике не встречала ни одной женщины в руководящей роли. Я провела экспертизу 40 проектов, и мои рецензии положительные, но мне не дают денег. Потому что это считается нетипичным, чтобы женщина была руководителем проекта. Если бы я была мужчиной в 30 лет с высокой публикационной активностью, у меня был бы шанс. Но как женщина в 30 лет с такими достижениями – нет! Последние две мои экспертизы по двум разным проектам были положительными, но оба проекта не были одобрены советом, несмотря на три положительные экспертизы» (жен., 31 год, канд. техн. наук, ведущий инженер).

Получается, что выиграть по инженерно-техническим направлениям грант на хорошую сумму практически невозможно, если ты женщина. Представилось интересным узнать экспертный ответ мужчины-руководителя, ответственного за курирование грантов в университете (его стаж работы более 20 лет). На вопрос: *«Знаете ли вы женщин по техническим направлениям, которые являются руководителями грантов свыше миллиона?»*, ответ был: *«Нет, свыше миллиона не знаю. Меньше миллиона женщины выигрывают во всех направлениях»* (муж., 69 лет, канд. физ.-мат. наук., зам. проректора).

Исследование выявило, что проблема управления профессиональной социализацией женщин в инженерно-технической сфере связана с недостаточным осознанием мужчинами стереотипов и барьеров, препятствующих женщинам в карьерном росте и научной деятельности. Один из экспертов, утверждая отсутствие проблем гендерного неравенства в науке, выразил:

«Я убеждён, что в науке нет проблем или препятствий, которые могут помешать студентам заниматься научными исследованиями» (муж., 35 лет, д-р техн. наук, зав. лабораторией).

Другие эксперты, однако, высказали разные точки зрения. Например, один из них подчеркнул отсутствие активных мер по привлечению новых кадров, включая женщин, в научную сферу:

«Мы никого не привлекаем. Практически нет случаев, когда кто-то просто приходит извне» (муж., 55 лет, д-р физ.-мат. наук, директор).

Таким образом, данные высказывания подчёркивают различия в восприятии проблемы гендерного равенства в сфере инженерно-технического труда, отражая как уверенность мужчин в отсутствии проблем, так и недовольство отсутствием активных действий для поддержки женщин в данной сфере.

Управленческие решения и их влияние на вовлечение женщин в инженерно-техническую сферу. В ответ на мнение экспертов о постепенном уменьшении гендерных стереотипов в сфере инженерно-технического труда, предлагается организационное решение: внедрение системы управленческого мониторинга для обеспечения равного участия женщин в проектах, чтобы расширить этот прогресс на все уровни и направления данной сферы. Важно также активно вовлекать профсоюзы и некоммерческие организации в этот процесс поддержки. В интервью эксперты высказались следующим образом:

«Для эффективного мониторинга и преодоления гендерных стереотипов в научно-исследовательской деятельности в области инженерно-технического труда предлагается внедрить систему регулярных оценок и анализа участия женщин. Особое внимание стоит уделить роли профсоюзов и некоммерческих организаций в поддержке создания благоприятной среды для женщин в научных проектах через финансовую помощь, обучение и другие инициативы» (муж., 37 лет, канд. техн. наук, доцент).

Внедрение системы управленческого мониторинга для обеспечения равенства участия женщин в научно-исследовательских проектах инженерно-технической сферы будет ключевым шагом в борьбе с проблемами, с которыми сталкиваются женщины. Мониторинг поможет более точно выявлять изменения и способствовать постепенному устранению стереотипов.

Важно также создание рабочей среды, свободной от дискриминации, поддержка рабочих вопросов и создание атмосферы, способствующей устойчивому и долгосрочному участию женщин в сфере инженерно-технического труда. Гибкий график работы и обсуждение перспектив карьерного роста среди женщин в коллективах также будут способствовать успешному привлечению и удержанию талантливых специалисток в инженерной сфере. Приведем мнение эксперта:

«<...> Мы стремимся к гибкому графику работы, который позволяет нашим исследовательницам успешно сочетать профессиональную деятельность с семейной жизнью, обеспечивая комфорт и удобство. Поддержка перспектив карьерного роста и признание социальной значимости нашей работы также имеют для нас важное значение» (жен., 38 лет, канд. соц. наук, зав. кафедрой).

Для решения проблем и вызовов в области инженерно-технического труда предлагается следующее управленческое решение на организационном уровне: разработка и запуск менторской программы «Женщины для женщин». Менторской программе могут присоединиться опытные женщины, успешно преодолевшие гендерные барьеры и осознающие их значимость. Они будут делиться своим опытом, вдохновляя и наставляя других женщин, помогая им развиваться и продвигаться в этой сфере. Один из экспертов выразил это мнение следующим образом:

«Необходимо активно демонстрировать примеры успешного преодоления молодыми женщинами подобных ситуаций, чтобы показать, что возраст или пол не являются определяющими факторами качества или компетенций» (жен., 34 года, канд. юрид. наук, директор центра).

Сегодня уже существуют успешные примеры реализации подобных проектов в различных странах, например, проект Women in Engineering⁶. В рамках этой инициативы женщины выступают в роли наставников, передают свой опыт и знания молодым женщинам, что способствует их успешному карьерному росту в области инженерии и технологий. Такие инициативы не только вдохновляют новое поколение специалисток, но и помогают преодолевать гендерные барьеры, обеспечивая поддержку и развитие женщин в инженерных профессиях. Кроме проекта Women in Engineering, существует множество других успешных инициатив по поддержке женщин в научно-технических сферах. Напри-

⁶ EEE Women in Engineering. URL: <https://www.ieee.org/membership/women/> (accessed: 31.03.2024).

мер, программы типа Girls Who Code⁷ в США, которые стимулируют девочек и молодых женщин к изучению программирования и технологий. Также стоит упомянуть проекты, поддерживаемые Европейской комиссией, направленные на повышение женского представительства в STEM-профессиях и научных исследованиях. В Японии действует инициатива Women in Science⁸, целью которой является увеличение числа женщин-учёных и их активное участие в научных программах и проектах. Данный проект способствует созданию равных возможностей для женщин в научной сфере и их профессиональному росту. Такие международные и национальные программы не только содействуют внедрению принципов гендерного равенства в науку и технологии, но и обеспечивают поддержку и вдохновение для женщин, стремящихся к карьере в STEM и других технических областях.

Один из ключевых аспектов управления на организационном уровне, нацеленном на решение вышеобозначенных проблем, заключается в необходимости согласования интересов работодателя и женщины-исполнителя, учитывая их профессиональную карьеру. Например, в США компания IBM⁹ предлагает менторинг и гибкие рабочие условия, способствующие согласованию интересов и личной жизни. В Норвегии законодательно закреплена ответственность компаний за равное представительство женщин и мужчин в руководящих органах, что также способствует их карьерному росту [10]. В Германии компания Siemens¹⁰ активно поддерживает гендерное равенство через образовательные программы и менторинг для женщин. В России «СКБ Контур»¹¹ организует мероприятия и обучение для поддержки женщин в технических специальностях, способствуя их профессиональному развитию. Свердловская область активно внедряет Национальную стратегию действий в интересах женщин на 2023–2030 годы. Специалисты регионального отделения Союза женщин России начали предоставлять психологическую поддержку матерям, обучая их совмещению работы и семейных обязанностей. Общественники помогают тем, кто к ним обратился с трудоустройством после декретного отпуска. Тематика улучшения положения женщин в инженерно-технической сфере, привлечения девушек в инженерию с учётом особенностей региона начинает становиться публичной зоной активности регионального некоммерческого сектора в тесном партнёрстве с бизнесом, крупными промышленными предприятиями Свердловской области. Данные шаги направлены на создание благоприятной среды для профессионального роста женщин в инженерно-технической сфере и улучшение их жизненных условий в регионе.

Заключение. Управление профессиональной социализацией женщин в сфере инженерно-технического труда сталкивается с рядом вызовов, которые требуют комплексного подхода и внимания на различных уровнях общественно-

⁷ Girls Who Code. URL: <https://girlswhocode.com/> (accessed: 31.03.2024).

⁸ Women in Science Japan. URL: <https://www.womeninsciencejapan.com/> (accessed: 31.03.2024).

⁹ IBM's Strategies for Gender Diversity and Parity in the Workplace. URL: <https://builtin.com/diversity-inclusion/gender-parity-key-strategies-ibm> (accessed: 31.03.2024).

¹⁰ Women in Engineering Day: Siemens targets gender equality in Early Careers recruitment. URL: <https://www.manufacturingmanagement.co.uk/content/news/women-in-engineering-day-siemens-targets-gender-equality-in-early-careers-recruitment/> (accessed: 31.03.2024).

¹¹ Может ли женщина добиться успеха в IT-сфере : (интервью с заместителем генерального директора «СКБ Контур» Светланой Стрельниковой на сессии LadyTech международной промышленной выставки ИННОПРОМ). URL: <https://arppsoft.ru/news/integration/members/14157/> (accessed: 31.03.2024).

го взаимодействия, в различных организациях. Основные проблемы включают ограниченный доступ женщин-инженеров к руководящим позициям, продолжают оказывать влияние на суждение и поведение профессионалов в этой сфере стереотипы о роли женщин в технических профессиях, сохраняется неравенство в вознаграждении и профессиональных возможностях. Как и во многих других сферах профессиональной деятельности, в инженерии проявляются сложности с балансом между профессиональной и личной жизнью у женщин-профессионалов.

Для успешного решения этих вызовов предлагается ряд управленческих стратегий по созданию благоприятной или дружественной женщинам-инженерам организационной среды, где реализуются определённые мероприятия. Во-первых, необходимо выставлять барьеры для распространения гендерных стереотипов и предрассудков через образовательные программы, информационные кампании и социально-психологическую поддержку внутри профессионального сообщества. Создание гибких рабочих условий, программ менторинга и поддержки карьерного роста для женщин является ключевым аспектом содействия управленцев в их профессиональном развитии. Кроме того, в условиях профессионального дефицита кадров важно обеспечивать инженерам равный доступ к обучающим и карьерным ресурсам, соблюдая принципы гендерной нейтральности.

Наконец, необходимо также продолжать освещать проблемы гендерного неравенства и обсуждать пути их решения на различных уровнях образования и профессиональной среды. Только такой комплексный подход позволит создать условия для развития потенциала всех профессионалов в сфере инженерно-технического труда независимо от их пола.

Библиографический список

1. Хоткина З. Женская безработица и неформальная занятость в России // Вопросы экономики. 2000. № 3. С. 86–93.
2. Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году / Н. В. Березина, И. Я. Богданов, Н. М. Великая [и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. 549 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023). EDN ORTSAQ.
3. Голиков В. Д., Голиков С. В. Инженерная деятельность в современном обществе: теоретико-методологические основания // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022. № 1. С. 108–119. DOI [10.15593/2224-9354/2022.1.9](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.1.9). EDN QHDOVJ.
4. Домнышев А. В., Пьянкова Л. А., Затеякин О. А. Рационализация подготовки высококвалифицированных и мобильных кадров для решения задачи согласования рынка труда и рынка образовательных услуг в регионе // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2024. № 1(77). URL: <https://eee-region.ru/article/7711/>. EDN IMPFMJ.
5. Силласте Г. Г. Наука и образование как сферы самореализации креативной деятельности женщин в процессе достижения гендерного равноправия (Часть I) // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13, № 1. С. 56–77. DOI [10.18522/2227-8656.2024.1.3](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.1.3). EDN GGDLSO.
6. Мерзляков А. А. Проблема субъектности в социологии управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 4(24). С. 95–104. DOI [10.19181/snsp.2018.6.4.6087](https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.4.6087). EDN YQJUHZ.
7. Тихонов А. В. Социология управления: вчера, сегодня, завтра (материалы круглого стола) // Социологические исследования. 2018. № 2(406). С. 102–113. DOI [10.7868/S0132162518020113](https://doi.org/10.7868/S0132162518020113). EDN KZSIZN.

8. Фролов С. С. Возникновение и развитие правил в практике управления социальными системами // Социологические исследования. 2015. № 3(371). С. 120–127. EDN TQASNХ.
9. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А., Шуклина Е. А. Существует ли система высшего образования в России? // Социологические исследования. 2017. № 11(403). С. 76–86. DOI 10.7868/S0132162517110095. EDN ZRQQPF.
10. Storvi A. Women on boards – experience from the Norwegian quota reform // CESifo DICE Report. 2011. Vol. 9, № 1. P. 34–41.

Поступила: 15.04.2024. Принята: 17.05.2024.

Сведения об авторе:

Кеммет Елена Викторовна, старший преподаватель,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия.
Elena.Kemmet@urfu.ru
ID РИНЦ: 702906; ORCID: 0000-0003-3967-8153

E. V. Kemmet¹

¹ Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

MANAGING PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF WOMEN IN ENGINEERING AND TECHNICAL WORK: CHALLENGES AND SOLUTIONS

Abstract. The article explores the management of professional socialization of women in the engineering and technical fields, an important aspect in the context of global efforts towards achieving gender equality and sustainable development. In the face of socio-political instability and considering the adoption of the National Strategy for Action in the Interests of Women for 2023–2030, this topic is particularly significant for Russia. The study aims to analyze the problems and challenges faced by women in the engineering and technical sectors and to identify effective measures to support their professional socialization. The research is based on biographical interviews with female educators (N=19, 2019) and practicing engineers, as well as expert interviews with university representatives (N=25, 2024) and document analysis. The study identified two main issues: limited involvement of women engineers in research activities and gender inequality, along with limited career opportunities for women in this field, which is often characterized by an organizational environment that does not fully adhere to gender equality principles. Key challenges in achieving gender equality in the engineering and technical sectors have been identified, including ensuring equal conditions for women's professional growth and overcoming persistent gender stereotypes about their professional roles and capabilities. Solutions proposed include measures to increase women's involvement in research and support their professional development, as well as creating favorable conditions for career advancement in the engineering and technical fields.

Keywords: management, professional socialization, women, issues, engineering and technical work, STEM

For citation: Kemmet E. V. Managing professional socialization of women in engineering and technical work: challenges and solutions. *Science. Culture. Society*. 2024;30(2):70–82. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.5>

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00028 “Resource mobilization of the research and pedagogical community in the new conditions of the implementation the strategy for the development of Russian universities: regional dimension”, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00028/>

References

1. Khotkina Z. Women's unemployment and informal employment in Russia. *Voprosy Ekonomiki*. 2000;(3):86–93. (In Russ.).
2. Berezina N. V., Bogdanov I. Ya., Velikaya N. M. [et al.] Russian society and state in the context of global multipolarity. Socio-political situation of Russia in 2022. Moscow: FCTAS RAS; 2023. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023).
3. Golikov V. D., Golikov S. V. Engineering activity in modern society: theoretical and methodological foundations. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 2022;(1):108–119. (In Russ.). DOI [10.15593/2224-9354/2022.1.9](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2022.1.9).
4. Domnyshev A. V., Pyankova L. A., Zatepyakin O. A. Rationalization of training highly qualified and mobile personnel to solve the problem of harmonizing the labor market and the market for educational services in the region. *Regional economy and management: electronic scientific journal*. 2024;(1). (In Russ.). Available at: <https://eee-region.ru/article/7711/>.
5. Sillaste G. G. Science and education as spheres of self-realization of women's creative activity in the process of achieving gender equality (Part I). *Humanities of the South of Russia*. 2024;13(1):56–77. (In Russ.). DOI [10.18522/2227-8656.2024.1.3](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2024.1.3).
6. Merzlyakov A. A. The problem of subjectivity in the sociology of management. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2018;6(4):95–104. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2018.6.4.6087](https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.4.6087).
7. Tikhonov A. V. Sociology of governance and administration: yesterday, today, tomorrow (materials of the round table). *Sociological Studies*. 2018;(2):102–113. (In Russ.). DOI [10.7868/S0132162518020113](https://doi.org/10.7868/S0132162518020113).
8. Frolov S. S. Emergence and development of rules in practice of managing social systems. *Sociological Studies*. 2015;(3):120–127. (In Russ.).
9. Zborovsky G. E., Ambarova P. A., Shuklina E. A. Does a system of higher education exist in Russia? *Sociological Studies*. 2017;(11):76–86. (In Russ.). DOI [10.7868/S0132162517110095](https://doi.org/10.7868/S0132162517110095).
10. Storvi A. Women on boards – experience from the Norwegian quota reform. *CESifo DICE Report*. 2011;9(1):34–41.

Received: 15.04.2024. Accepted: 17.05.2024

Information about the author:

Elena V. Kemmet, Senior Lecturer, Ural Federal University. Ekaterinburg, Russia.

Elena.Kemmet@urfu.ru

ORCID: [0000-0003-3967-8153](https://orcid.org/0000-0003-3967-8153)

СОВРЕМЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.2.6](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.6)
EDN [AKJJCV](https://edn.ru/entry/akjjcv)
УДК 316.4:004.891

А. Ю. Карпова¹

¹Национальный исследовательский Томский политехнический университет.
Томск, Россия

ПРОАКТИВНАЯ СИСТЕМА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ИНЦИДЕНТОВ СКУЛШУТИНГА: ЧТО ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ?

Аннотация. Научные исследования скулшутинга актуализировались в начале XXI века, но случаи инцидентов зарегистрированы гораздо раньше, с конца XVI века. В статье особое внимание уделяется причинам и объяснению механизма подражания, значимой движущей силы в скулшутинге. Приводятся примеры случаев, наглядно демонстрирующие действие механизма подражания и аргументированы меры, которые позволят предотвратить распространение «эффекта подражания». В работе обозначены ключевые признаки, объединяющие терроризм и скулшутинг, которые дают веские основания рассматривать инциденты скулшутинга как новый вид терроризма. Аргументировано сходство инцидентов скулшутинга с террористическими актами через описание общих характеристик, таких как ритуально-демонстративный характер насилия, плановый и символический характер насилия, культурная детерминация, групповая идентификация. В данной работе акцент сделан не на научную проблему изучения скулшутинга как особого феномена, а на проблемы создания, организации и управления проактивной системой предотвращения скулшутинга. Приведены результаты анализа американской практики разработки и применения системы оценки угроз для предотвращения скулшутинга. Представлено описание необходимых элементов комплексной системы для предотвращения инцидентов скулшутинга, дано определение проактивной системы.

Ключевые слова: скулшутер, скулшутинг, терроризм, мониторинг, база данных, предупреждающее поведение, проактивная система, госуправление

Для цитирования: Карпова А. Ю. Проактивная система предотвращения инцидентов скулшутинга: что имеет значение? // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 2. С. 83–98. DOI [10.19181/nko.2024.30.2.6](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.6). EDN [AKJJCV](https://edn.ru/entry/akjjcv).

Введение. Феномен скулшутинга – насильственные инциденты с расстрелами школьников или стрельбой в школах (англ. school shooting) – во всем мире уже не является исключительным случаем. Инциденты скулшутинга становятся причиной множества смертельных случаев. Сходство таких событий, как скулшутинг, происходящих по всему миру, даёт основание для изучения его как особого феномена, существенно отличающегося от других форм массового насилия, таких как серийные убийства, бандитизм, разборки банд, захват школы террористами, насильственный экстремизм, терроризм одиночек. Эксперты по скулшутингу выдвигают предположение о том, что возможно, скулшутинг – это «стандарт» для нового поколения злоумышленников и может рассматриваться как будущая модель терроризма одиночек, представляя собой наиболее серьёзную угрозу для общества и государства [1; 2; 3; 4].

Скулшутинг появился в США. В многочисленных научных публикациях российские авторы называют «точкой отсчёта» скулшутинга инцидент

20.04.1999 г. в старшей школе Колумбайн (США). Но это ошибочная версия, поскольку инциденты скулшутинга появились в США значительно раньше¹. Подчеркну, что активизация исследований после инцидента «Колумбайн»*, имеет две взаимосвязанные причины. Во-первых, экспоненциальный рост скулшутинга в мире после «Колумбайн»* получил название «эффект Колумбайн»*, суть которого в том, что в результате широкого освещения в СМИ, массовые расстрелы в учебных учреждениях имеют ярко выраженный эффект подражающих инцидентов. По результатам первых исследований, данный эффект имел прогнозное значение до 50 дней [5]. Накопленные за два десятилетия эмпирические данные позволяют говорить о ярко выраженной длительности эффекта в пределах двух недель [6]. Во-вторых, до «Колумбайн»* научные исследования в США велись, но это были единичные исследования и направленность была более общей, изучали случаи инцидентов, совершенных одиночками. К этой категории относят массовых убийц, террористов-одиночек и скулшутеров. Действительно, активность исследователей и формирование объяснительных концепций, изучение ролевых моделей поведения скулшутеров, разработка типологии начались после «Колумбайн»*, и это имеет прямую связь с экспоненциальным ростом инцидентов подражания в США.

Значение механизма подражания признано по существу бесспорным, потому что имеет множество весомых прямых и косвенных подтверждений. Например, преступники, совершившие инцидент в школе Колумбайн, фантазировали о том внимании, которое они получают, и верили, что о них будут снимать фильмы, что оказалось правдой. Один из них писал: *«Я хочу произвести на мир неизгладимое впечатление»*². Стрелок в начальной школе Сэнди-Хук³ был одержим фильмами о массовых расстрелах и длительное время составлял свой каталог массовых убийц. Активный участник обсуждений в тематических сообществах, он много писал о славе и признании: *«Вы только посмотрите, сколько поклонников вы можете найти для всех типов массовых убийц»* [7]. Этот убийца маленьких детей (считается вторым самым смертоносным инцидентом в начальной школе после убийства в начальной школе Бат, 18.05.1927 г.), к сожалению, нашёл много поклонников и вдохновил подражателей [8]. Стрелок Weis Market (это не имя, название дано по месту совершения инцидента), совершивший массовое убийство в июне 2017 г., писал в социальных сетях о своём поиске славы: *«Я сделаю заголовки новостей... Через 25 дней я войду в книги по истории... Человеческая раса будет помнить моё имя через столетия»*⁴. Этот преступник был также героизирован подражателями, совершившими инциденты в учебных учреждениях.

Один из стрелков в школе Колумбайн предсказывал: *«Я знаю, что у нас будут последователи»*⁵. Трое последователей Сэнди-Хук, совершивших преступления, назвали его в качестве своей идеальной модели, а один из его последователей, который внимательно изучал личности и биографии массовых убийц и

¹ В разделе «Источники данных для создания проактивной системы предотвращения скулшутинга» приведены ссылки на открытые базы данных.

* Движение «Колумбайн» признано террористическим и запрещено на территории России.

² Eric Harris // School Shooters.info. URL: <https://schoolshooters.info/eric-harris> (accessed: 05.05.2024).

³ Адам Лэнза совершил инцидент 14.12.2012 г. в начальной школе Сэнди-Хук (район города Ньютаун, штат Коннектикут, США). 27 погибших, 2 раненых.

⁴ Рэнди Стэр (псевдоним Эндрю Блейз, прозвище Weis Market) совершил инцидент 08.08.2017 г. в супермаркете Weis Markets, штат Пенсильвания. URL: https://schoolshooters.info/sites/default/files/Stair_Please_Read.pdf (accessed: 05.05.2024).

⁵ «I know we're gonna have followers» [7, p. 126].

выбрал Сэнди-Хук, написал в социальной сети «*Все знают, что массовые убийцы – крутые ребята*»⁶.

В настоящее время ключевой научной проблемой, на решении которой сосредоточены исследователи, является поиск ответов на вопрос «Что является коренными причинами скулшутинга?». В поисках решений научной проблемы основное внимание уделяется изучению социальных, психологических, поведенческих и даже биологических механизмов скулшутинга⁷. За двадцать лет активного научного исследования скулшутинга появились различные направления исследований. В данной статье фокус имеет иную направленность, связанную не с решением научной проблемы, а с проблемой создания, организации и управления проактивной системой предотвращения скулшутинга. Более подробно об истории развития исследований, направлениях, научных подходах, методах, моделях и специфических характеристиках скулшутинга мы писали в статьях, опубликованных в 2019 и 2021 гг. [9; 10; 11].

Во многих странах инциденты скулшутинга относятся к категории массовых убийств. По крайней мере, мне неизвестны случаи применения специальных правовых актов. Но, есть и существенные признаки, которые позволяют выделить общие черты скулшутинга с терроризмом.

Первый признак: Ритуально-демонстративный характер насилия тождественен таким же характерным проявлениям в действиях террористов, насильственных экстремистов. Психологическое воздействие как на самих жертв, так и на более широкую аудиторию через акт устрашения типичен как для скулшутеров, так и для террористов. Намерение скулшутеров сделать заявление, оставить сообщение для более широкой аудитории, аналогично террористическим заявлениям и манифестам террористов. Самосохранение не является целью для скулшутеров, также, как и для террористов-смертников. Фактически гибель в инциденте для скулшутера является способом выхода из жизни «почитаемым героем», как для террориста-смертника способ «с честью» завершить своё дело.

Второй признак: Плановый и символический характер насилия. Скулшутеры рассматривают совершение насильственного акта, как средство достижения цели, что совпадает с действиями террористов, насильственных экстремистов. Причём как для тех, так и для других не столь важно, кто станет конечной жертвой, главное, чтобы их было больше. Это говорит о символическом характере насилия. Кроме того, выбор цели и мотив связаны между собой. Но, в отличие от традиционных террористических групп, которые имеют политические, религиозные или идеологические цели, скулшутеры видят своей целью решение личных проблем, основанных на личных мотивах: поиск славы (известности), личную месть, признание среди сверстников, преодоление кризиса или нестабильной жизненной ситуации, отчаяния, чувства безнадежности и даже иногда самоубийство. Если рассматривать терроризм как идейно-мотивированное насилие, то скулшутинг можно интерпретировать как проблемно-мотивированное насилие.

Третий признак: Культурная детерминация. В действиях террористов и скулшутеров прослеживается такая обусловленность: насилие воспринимается как один из главных способов получения признания и уважения. Владение оружием

⁶ «Everyone knows that mass murderers are tough guys» [8].

⁷ Гипотеза о биологических механизмах выдвигалась некоторыми исследователями, например, П. Лангман разрабатывает био-психо-социальную модель скулшутинга. Langman P. A Bio-Psycho-Social Model of School Shooters. The Journal of Campus Behavioral Intervention. 2017;5:27–34.

и способность совершить насилие атрибутируется мужчине и рассматривается как доказательство собственной мужественности, значимости, способности влиять на окружающих как скулшутерами, так и террористами.

Четвёртый признак: Идентификация с группой является значимым компонентом радикализации террористов, насильственных экстремистов. Групповая идентификация сопровождается устойчивым отождествлением с конкретным движением, организацией, сообществом, имеет выраженную идейную направленность. В отношении скулшутеров идея о групповой идентичности тоже является значимой, поскольку они идентифицируют себя с предшественниками не как с отдельными личностями (как, например, в случаях с массовыми убийцами), а как с символическим сообществом, в котором черпают источник вдохновения и примеры для подражания, обеспечивая себя ощущением принадлежности условному сообществу людей, безусловно достигших, в их представлении, «успеха». Критерием «успеха» для скулшутеров становится доведение замысла до исполнения, общественный резонанс, известность и след, оставленный в общественном сознании. Неслучайно в типологии подражания часто встречаются гибридные типы, т.е. последователи выбирают сразу несколько фигур скулшутеров, отождествляющих символическое сообщество. Гибридная форма идентификации проявляется, когда скулшутер отождествляет свою принадлежность движениям, сообществам деструктивного толка, убеждения которых разделяет, конкретным героизированным фигурам и приверженность одному или нескольким героизированным скулшутерам.

В России с феноменом скулшутинга столкнулись только в начале второго десятилетия XXI века. По результатам изучения скулшутинга в России отмечу, что в запатентованной базе данных и интерактивной карте [12; 13] мы регистрируем первый инцидент 2010 года.

Россия – первая и единственная в мире страна, в которой скулшутинг признан терроризмом. Верховный суд Российской Федерации 2 февраля 2022 г. признал террористическим Международное молодёжное движение «Колумбайн»* (другое используемое наименование «Скулшутинг») и внёс его в реестр террористических организаций⁸. Этот законодательный акт имеет критически важное значение, поскольку (1) позволяет правоохранным органам применять уже накопленный опыт работы по предотвращению преступлений террористического характера; (2) упрощает применение меры ответственности к лицам, которые вовлекались в тематические сообщества в интернете, в зависимости от степени участия в движении «Колумбайн»*; (3) позволяет осуществлять контроль и блокировку Интернет-ресурсов соответствующего тематического профиля. Дальнейшей проработки требует решение вопроса о юридической формулировке понятия «скулшутинг» и расширении правовой оценки действий скулшутеров тождественно правоприменительной практике за террористические преступления. Это связано с тем, что все колумбайнеры являются скулшутерами, но не все скулшутеры являются колумбайнерами. Следовательно, часть преступлений, совершенных скулшутерами, но не идентифицированными как «Колумбайн»*, исключается из состава преступлений террористическо-

* Движение «Колумбайн» признано террористическим и запрещено на территории России.

⁸ Верховный суд Российской Федерации, от 02.02.2022 № АКПИ21-1059С, вступило в силу 11.03.2022. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 03.05.2024).

го характера. По результатам проведённого исследования можно констатировать, что из 71 случая (совершённого/предотвращённого) только 26 являются подражанием «Колумбайн»* [12]. В среде скулшутеров существует целый «пантеон героев», которыми они вдохновляются, имитируют и подражают. И в этом «пантеоне» колумбайнеры – всего лишь одни из героизированных фигур. Кроме того, по результатам анализа многочисленных эмпирических исследований ролевых моделей поведения скулшутеров в международной исследовательской практике, можно с уверенностью говорить о том, что доморощенные стрелки, упоминая, подражая и прямо ссылаясь на «Колумбайн»*, при появлении «домашних» преступников начинают активно героизировать и подражать именно им. Существует значительное количество случаев, которые имеют иные ролевые модели поведения и подражания. Это снижает возможность предиктивной аналитики, соответственно, затрудняет прогнозирование будущего поведения объекта изучения и принятия оптимальных решений для предотвращения инцидентов скулшутинга. Соответственно, это первая проблема, которая требует решения.

Вторая проблема – мониторинг социальных медиа на предмет выявления маркеров насильственного поведения может быть только дополнительным ресурсом, но не основным средством обнаружения сигнального поведения потенциальных скулшутеров. В первую очередь потому, что имеется значительное количество случаев, когда скулшутеры оставили крайне мало предупреждающих знаков в социальных сетях. Безусловно, детекция предупреждающих знаков критически важна на этапе выявления планов скулшутера, поскольку значительно увеличивает шансы предотвращения инцидента. Только не все преступники оставляют эти знаки в онлайн-среде, но, при этом, они демонстрировали существенные предупреждающие знаки надвигающегося насилия в оффлайн-среде. По результатам анализа зарубежных публикаций, могу с уверенностью утверждать, что большинство исследователей подтверждают значимость выявления предупреждающих знаков скулшутеров как в онлайн, так и в оффлайн-среде [1]. Возможен и другой вариант для объяснения просчётов системы мониторинга: датасет лингвистических маркеров был недостаточно полным. Надо понимать, что датасет для поиска таких злоумышленников постоянно будет нуждаться в обновлении, дополнении, адаптации под сленг и настройки под идентичности сущностей, упоминаемых в текстах (named entities), сбора данных по изображениям и создания баз данных с последующей настройкой их в системе мониторинга.

Третья проблема – инцидент скулшутинга имеет негативные последствия для учащихся, образовательных учреждений, вызывает психологические травмы и моральную панику в обществе. Это ведёт к тому, что реальность угрозы совершения новых инцидентов возрастает, а решение проблемы скулшутинга находится на стадии обсуждения по выработке политических и законодательных инициатив, а также в контексте принятия решений по обеспечению безопасности образовательных учреждений. Но для выработки и принятия эффективных управленческих решений критически важно своевременное выявление и диагностирование угрозы скулшутинга.

Все обозначенные проблемы взаимосвязаны. Решение каждой из проблем должно стать элементом общей системы диагностики, прогнозирования и предупреждения скулшутинга. Практика разработки и применения такой системы уже есть. Это локальная проактивная система оценки и предупреждения угроз совер-

шения инцидентов скулшутинга в США. Проактивная система предотвращения инцидентов скулшутинга – это целый комплекс взаимосвязанных, упреждающих действий, направленных на установление рисков и уязвимостей, связанных с насильственным поведением, идентификации предупреждающих признаков, оценкой угроз, инструкций по оперативному реагированию и алгоритму действий. Важно то, что такая система рассчитана на упреждающие действия как со стороны сотрудников по обеспечению безопасности, специальных служб, так и со стороны персонала учебных учреждений, родителей, учеников и не аффилированных со школой лиц. В России такая комплексная система уже формируется. Безусловно, опыт и практика применения российской системы противодействия терроризму является значимым ресурсом для организации такой системы. Отдельные элементы такой системы есть, например, порядок действий персонала образовательных организаций закреплён в требованиях к антитеррористической защищённости объектов (территорий)⁹. Следовательно, для того, чтобы создать комплексную систему предотвращения скулшутинга в России, необходимо разработать дополнительные элементы.

Изучать, адаптировать, применять накопленный зарубежный опыт выявления и предотвращения скулшутинга насущно необходимо. Это в принципе не должно быть предметом дискуссий. Безусловно, надо разрабатывать свою систему оценки угроз, потому что специфика работы в российских образовательных учреждениях и американских сильно отличается, также отличается и система оперативного реагирования специальных служб. Но у России есть значительное преимущество – это эффективный опыт и практика противодействия терроризму. Соответственно, при создании российской системы предотвращения скулшутинга необходимо учитывать как уже имеющийся опыт борьбы с терроризмом, так и лучшее из практики применения локальной американской системы.

Цель статьи – анализ американской практики разработки и применения системы оценки угроз для предотвращения скулшутинга.

Источники данных для создания проактивной системы предотвращения скулшутинга. Хотя сам термин *schoolshooting* появился только в конце XX века, американские исследователи отмечали, что сами инциденты случались в Америке с конца XVI века. Источником для подтверждения данного факта является анализ американских открытых баз данных, которые стали создаваться после инцидента «Колумбайн»*, таких как:

- БД и интерактивная карта «Инциденты со стрельбой в школах K-12 (1966 г. – по н.в.)»¹⁰. БД создана в 2018 г. в рамках пилотного проекта Центра внутренней обороны и безопасности (CHDS) Военно-морской аспирантуры, США. В настоящее время в БД зарегистрировано 2817 инцидентов, начиная с 1966 г. – 9 случаев, за 2023 г. – 348 случаев. Данные медленно, но обновляются.

⁹ Постановление Правительства РФ от 2 августа 2019 г. N 1006 «Об утверждении требований к антитеррористической защищённости объектов (территорий) Министерства просвещения Российской Федерации и объектов (территорий), относящихся к сфере деятельности Министерства просвещения Российской Федерации, и формы паспорта безопасности этих объектов (территорий)» (с изм. и доп. от 5.03.2022). URL: <https://base.garant.ru/72585152/> (дата обращения: 05.05.2024).

* Движение «Колумбайн» признано террористическим и запрещено на территории России.

¹⁰ K-12 school shooting database. URL: <https://k12ssdb.org/> (accessed: 03.05.2024).

- БД обо всех типах расстрелов в американских школах (с 1840 по 2022 гг.)¹¹. Автор – частный исследователь Eric Laurine, – начал создавать БД в 2009 г. Как заявляет сам автор: «*Я все ещё занят проверкой случаев за период с 2020 по 2021–2022 годы. Скоро обновлю базу данных за эти годы*». Это самая полная база данных, в которой задокументировано более 1840 случаев по 125 переменным.
- БД Angels of Columbine (с 5 сентября 1995 г. по 31 июля 1998 г.)¹². Автор базы данных – частный исследователь James Moore. В этой базе данных содержится информация не только по инцидентам скулшутинга в США, но и карты инцидентов США, Европы, Швеции, стран Северной Европы.
- БД «Ресурсы о стрельбе в школах, виновниках и предотвращении»¹³. Автор базы данных – Peter Langman, ключевой эксперт по психологии скулшутеров и массовых убийц. Эта база данных, в отличие от представленных выше статистических БД, относится к типу документоориентированных баз данных. В ней содержатся наиболее полные наборы документов по каждому случаю, начиная с 1913 г. по настоящее время.

О методологии создания таких объектно-ориентированных баз данных, процедуре сбора и проверки данных, можно узнать из публикации Н. Г. Максимовой, социолога-исследователя, члена междисциплинарной научной группы НИ ТПУ [14]. Научная группа начинала с анализа мирового опыта изучения скулшутинга и, в первую очередь, именно с американских открытых баз данных. По результатам изучения скулшутинга в России, как уже упоминалось во введении, созданы и зарегистрированы база данных и интерактивная карта. Отмечаю существенную проблему, с которой мы столкнулись. Сбор данных проводился только из открытых источников (описание источников в публикации [11]), доступа к иным источникам данных у исследователей в России нет. Но в зарубежной практике изучения скулшутинга, исследователи (причём, не только американские, но и в Европе) имеют возможность работать с материалами следствия, располагают подробной информацией, соответственно могут проводить глубокий анализ инцидентов. В российской практике этого нет, академическим учёным крайне трудно верифицировать данные, соответственно, это сильно ограничивает возможность выявить надёжные корреляции.

Подчеркну, что в качестве первого источника данных для создания проактивной системы предотвращения скулшутинга используются объектно-ориентированные базы данных. Их создание имеет критически важное значение, поскольку позволяет накапливать статистические данные, получать доступ к длинному набору данных (за большой временной период). Хронологии дают возможность отслеживать скорость изменений (меняющиеся временные тенденции). Исследователи и аналитики в области безопасности могут проводить многомерный анализ, который позволяет изучать взаимосвязь между наборами переменных, проводить обобщения, выявлять корреляции между переменными, анализировать мотивационные факторы, чтобы прийти к пониманию как изменяются атрибуты скулшутинга. Базы данных – это также источник для сравнительного анализа с целью выявления сходств и различий ролевых моделей поведения

¹¹ SSS-School Shooting Database. URL: <https://schoolshootingdatabase.com/databases> (accessed: 03.05.2024).

¹² Angels of Columbine. Violence In Our Schools. URL: http://www.columbine-angels.com/School_Violence_Prior_to_August_1980.htm (accessed: 03.05.2024).

¹³ Langman P. School Shooters: The Warning Signs, version 1.2 (12 February 2016) // School Shooters.info. URL: www.schoolshooters.info/school-shooters-warning-signs (accessed: 03.05.2024).

скулшутеров, это и источник данных для разработки методологии, методик для новых эмпирических исследований скулшутинга. И, что самое главное, базы данных – это фундаментальная основа для создания проактивной системы предотвращения скулшутинга.

В качестве второго источника отмечу необходимость создания баз знаний предупреждающих знаков. Такие базы знаний могут быть аккумулированы в единое хранилище – базу данных. Почему такое значение имеют предупреждающие знаки? Выше уже упоминалось о том, что скулшутинг – это инциденты подражания. Подчеркну, к каким выводам пришли исследователи по результатам изучения механизма подражания. Эффект подражания спровоцирован СМИ. Детальное освещение в СМИ личности скулшутеров, подробностей инцидента вознаграждает их, делая известными, и обеспечивает явный стимул для будущих преступников. Многие из тех, кто потенциально настроен на насильственные действия, осознают, что убийство большого количества людей гарантирует им славу. Они верят, что их имена и лица будут «украшать» первые полосы газет, телевизионные новости, журналы и Интернет. И к сожалению, они правы. Трагедия, преобразованная СМИ в сенсацию, даёт толчок к совершению подражающих инцидентов, а самоорганизация в социальных сетях потока обсуждений, ещё и подогревает интерес.

Механизм подражания включает имитацию, копирование, героическую идеализацию, чествование, вдохновение. Эффект подражания обычно связан с имитацией человеком смоделированного поведения оригинальной «модели» (например, актёра). Большинство исследователей скулшутинга подчёркивают: (1) злоумышленники открыто признают, что хотят славы и напрямую привлекают внимание СМИ, чтобы получить её; (2) общество фактически помогает им в достижении этой цели; (3) нет плохой рекламы – различие между славой и позором исчезли. Например, некоторые подражатели могут сочувствовать нападавшим, разделяя их точку зрения на то, что насилие является оправданной реакцией на унижение, буллинг, остракизм. И, таким образом, постепенно накапливают желание им подражать [15]. Других привлекли сенсационные, драматические сюжеты, которые представили СМИ, таким образом «разрекламировав» нападавших. И поэтому они последовали «вирусным» сценариям [16]. Например, стрелок Virginia Tech (это не имя, а прозвище по месту совершения инцидента)¹⁴ попал в заголовки национальных газет, инцидент получил освещение в международных СМИ. Его преступление – яркая иллюстрация работы механизма подражания. Личность преступника, его мотивация и детали совершения инцидента оказали катастрофическое влияние на последователей. Его прозвище используют в качестве никнейма, подписи под сообщениями, хештега, фото на аватаре. Он является источником вдохновения в сообществах скулшутеров и массовых убийц в социальных сетях, как значимый маркер идентификации, приверженности, обеспечивая других пользователей форума знанием их убеждений независимо от содержания поста [17]. Этот стрелок является также почитаемым и героизированным в среде российских скулшутеров. Последователи используют его прозвище в качестве подписи под сообщениями, никнейма в сообществах ВК [11]. Имя керченского стрелка (Россия, 17.10.2018)

¹⁴ Virginia Tech – Cho Seung-hui, совершил инцидент скулшутинга 16.04.2007 в Политехническом институте Вирджинии и Государственном университете в Блэксбурге, США. Убиты 32, ранены 23 человека.

последователи используют в качестве статуса в ВК, наименования географического положения (Росляково), никнейма [11].

Даты, события, героизированные персоны, цитаты из манифестов, заявлений и другие символы, значимые для скулшутеров, – это и есть предупреждающие знаки. Соответственно, сбор, анализ, формализация предупреждающих знаков имеет важное значение для создания системы оценки угроз, как одного из элементов проактивной системы предотвращения скулшутинга.

Анализ американской практики создания проактивной системы предотвращения скулшутинга. В сложившейся американской практике по применению проактивной системы предотвращения скулшутинга, по результатам многолетнего применения, наиболее эффективной признана система единой процедуры оценки угроз¹⁵. Необходимость повсеместного применения и опыт такого применения отмечается в ежегодных отчётах ФБР, Центра ALERRT¹⁶, NTAC (Secret Service's National Threat Assessment Center)¹⁷. Америка, страна породившая феномен скулшутинга ещё задолго до инцидента «Колумбайн»*. Страна, которая спровоцировала распространение преступлений такого рода по всему миру. После «Колумбайн»* частота подражающих инцидентов увеличилась по экспоненте в десятки и даже сотни раз. В некоторые годы количество угроз совершения инцидентов в США достигало 300 и более случаев.

Применение комплексного подхода к созданию проактивной системы предотвращения скулшутинга, сочетающей меры ранней профилактики, единой процедуры оценки угроз, системы оперативного реагирования, системы безопасности, привело к снижению совершённых инцидентов скулшутинга и повышению количества предотвращённых инцидентов. Эксперты NTAC указывают в отчёте за 2021 г.: «Создание междисциплинарных групп по оценке угроз и поощрение школьного сообщества сообщать о подозрительном поведении являются важнейшими шагами для раннего вмешательства и предотвращения целенаправленного насилия»¹⁸. Аманда Никерсон, директор Центра Альберти по предотвращению буллинга и профилактики жестокого обращения (UB Alberti Center for Bullying Abuse Prevention) в интервью (март 2022 г.) констатирует, что «Изучение последних новаторских исследований в области целенаправленного насилия в школе – элементы сюжета, предшествующие связи и поведенческие индикаторы, включающие переживание стресса, издевательства и суицидаль-

¹⁵ Behavioral Threat Assessment and Management (BTAM) Best Practice Considerations for K–12 Schools // National Association of School Psychologists. URL: [https://www.nasponline.org/resources-and-publications/resources-and-podcasts/school-safety-and-crisis/systems-level-prevention/threat-assessment-at-school/behavior-threat-assessment-and-management-\(btam\)-best-practice-considerations-for-k%E2%80%9312-schools](https://www.nasponline.org/resources-and-publications/resources-and-podcasts/school-safety-and-crisis/systems-level-prevention/threat-assessment-at-school/behavior-threat-assessment-and-management-(btam)-best-practice-considerations-for-k%E2%80%9312-schools) (accessed: 05.05.2024).

¹⁶ ALERRT Center at Texas State University. URL: <https://alerrt.org/> (accessed: 05.05.2024).

¹⁷ Например, отчёты: Alathari L. Protecting America's Schools: A U.S. Secret Service Analysis of Targeted School Violence. 2019. URL: <https://schoolshooters.info/sites/default/files/Protecting-Americas-Schools.pdf>; Active Shooter Incidents in the United States in 2019. U.S. Department of Justice Federal Bureau of Investigation; April 2020. URL: <https://schoolshooters.info/sites/default/files/active-shooter-incidents-in-the-us-2019.pdf>; Averting Targeted School Violence: A U.S. Secret Service Analysis of Plots Against Schools. U.S. Secret Service, Department of Homeland Security. URL: <https://www.secretservice.gov/sites/default/files/reports/2021-03/USSS%20Averting%20Targeted%20School%20Violence.2021.03.pdf> (accessed: 05.05.2024).

* Движение «Колумбайн» признано террористическим и запрещено на территории России.

¹⁸ Averting Targeted School Violence: A U.S. Secret Service Analysis of Plots Against Schools. U.S. Secret Service, Department of Homeland Security. 2021. URL: <https://www.secretservice.gov/sites/default/files/reports/2021-03/USSS%20Averting%20Targeted%20School%20Violence.2021.03.pdf> (accessed: 05.05.2024)

ные мысли – несомненно, поможет педагогам и правоохранительным органам предотвратить подобные действия»¹⁹.

Разработка единой системы оценки угроз в США длилась практически 20 лет. Многопрофильные программы оценки угроз, идентификации предупреждающих признаков, оценка риска насилия, порядка применения соответствующих ресурсов были созданы на рабочих местах, в школах, университетах, местных полицейских управлениях и других организациях, играющих важную роль в обеспечении общественной безопасности. Был накоплен практический опыт. За прошедшее время разрабатывались, тестировались и внедрялись специализированные программы (например, по оценке поведенческих угроз в школе²⁰), более широкие программы (например, по оценке типов угроз скулшутинга и алгоритмах реагирования [18]), узкотематические программы (например, руководство по реагированию на студенческие угрозы насилия [19] или по безопасности и управлению кризисными ситуациями и реагированию на чрезвычайные ситуации в школах²¹), и другие программы, которые публикуются на официальном сайте SchoolSafety.gov²² – единый федеральный центр обмена информацией о ресурсах по безопасности в школах. Сайт запущен 10 февраля 2020 г.

Рассмотрим несколько примеров. В 2018 году NTAC представил единое оперативное руководство по разработке целевых программ профилактики насилия в школе [20]. В руководстве изложены восемь практических шагов, которые школы могут использовать для выявления учащихся, вызывающих беспокойство, процедуры сбора информации и оценки риска совершения насилия, стратегии управления для обеспечения безопасного климата в школе. Практические шаги заключаются в следующем: (1) создание междисциплинарной группы по оценке угроз из числа школьного персонала (руководство, управление и документирование процесса оценки угрозы); (2) определение модели поведения, требующей немедленного вмешательства (признаки); (3) создание централизованной системы отчетности, обеспеченной анонимностью сообщений (онлайн-форма, e-mail, номер телефона, приложение для смартфонов и др.); (4) определение порога для вмешательства правоохранительных органов; (5) создание процедуры оценки угроз (включает методы ведения документации, определение источников информации, проверку записей, проверку документов, проведение опросов); (6) разработка вариантов управления рисками; (7) обеспечение и поддержание безопасного школьного климата; (8) обеспечение обучения всех заинтересованных сторон (персонал школы, учащиеся, родители и сотрудников правоохранительных органов). Каждый шаг сопровождается дополнительными материалами, которые позволяют адаптировать базовые рекомендации, правила к специфике учебного заведения. Ключевые принципы, положенные в основу руководства:

¹⁹ *Robinson M.* Averting targeted school violence, the focus of upcoming school safety seminar // University at Buffalo. March 3, 2022. URL: <https://www.buffalo.edu/news/releases/2022/03/007.html> (accessed: 05.05.2024).

²⁰ Behavioral Threat Assessment and Management (BTAM) Best Practice Considerations for K–12 Schools. URL: [https://www.nasponline.org/resources-and-publications/resources-and-podcasts/school-safety-and-crisis/systems-level-prevention/threat-assessment-at-school/behavior-threat-assessment-and-management-\(btam\)-best-practice-considerations-for-k%E2%80%9312-schools](https://www.nasponline.org/resources-and-publications/resources-and-podcasts/school-safety-and-crisis/systems-level-prevention/threat-assessment-at-school/behavior-threat-assessment-and-management-(btam)-best-practice-considerations-for-k%E2%80%9312-schools) (accessed: 05.05.2024).

²¹ PREPaRE Training Curriculum // National Association of School Psychologists. URL: <https://www.nasponline.org/professional-development/prepare-training-curriculum> (accessed: 05.05.2024).

²² SchoolSafety.gov. URL: <https://www.schoolsafety.gov/> (accessed: 05.05.2024).

- Образовательная организация не имеет права игнорировать любую угрозу насилия, даже если она звучит неправдоподобно. Оценка угрозы предназначена для предотвращения насилия и включает саму оценку, вмешательство, классификацию, соответствующие меры реагирования, определение того, представляет ли учащийся угрозу насилия (есть ли у него намерение и средства для осуществления угрозы), оценку суицидального риска.
- **Нет единого профиля** злоумышленника. Не существует простой формулы или профиля факторов риска. Использование профилирования увеличивает вероятность ошибочной идентификации учащихся представляющих угрозу и риск пропустить реальную угрозу.
- Важно действовать быстро. Оценка угроз должна быть компонентом комплексного подхода к обеспечению безопасности в школе, который обеспечивает баланс между физической и психологической безопасностью.

В качестве вариантов для оценки степени угрозы предлагаются различные версии. Например, из наиболее ранних, исследование 2005 года. Выборка 35 школ, 16640 учащихся, один учебный год, оценка 188 случаев [19]. Типы угроз классифицированы по следующим признакам (это примеры, а не полный перечень признаков), представленным в таблице 1.

Таблица 1

Критерии оценки угрозы по D. Cornell & P. Sheras [19]

Уровень угрозы	Критерии
Временная	Частые риторические замечания, не настоящее выражение намерения причинить вред; выражают временные чувства: гнев или разочарование; обычно можно урегулировать на месте; после урегулирования угроза больше не существует; обычно заканчиваются извинениями или разъяснениями.
Существенная	Выражает намерение нанести кому-либо физический вред за пределами непосредственной ситуации; существует по крайней мере некоторый риск для жертвы вне угрозы; требуется принятие защитных мер, включая предупреждение предполагаемых жертв и родителей; могут быть правовые нарушения и требуются консультации с полицией; в случае сомнений относиться к угрозам как к реальным.
Очень существенная	Конкретные, правдоподобные детали («Я собираюсь взорвать... / застрелить из моего пистолета...»); угроза повторяется с течением времени («Он всем говорил, что он собирается проучить тебя»); об угрозе сообщается как о плане («Подождите, пока не увидите, что будет в следующий вторник в классе»); сообщники или вербовка сообщников; вещественные доказательства намерений (письменные планы, списки жертв, списки материалов для бомб и т.д.).

Особо подчёркивается, что четвертая степень – это оценка того, является угроза реальной или мнимой. Такую оценку дают только специалисты по безопасности, а не сотрудники образовательной организации, задача которых – оценка угрозы по первым трём степеням.

Другой вариант оценки угроз, например, кодекс штата Мэриленд по оценке поведенческих угроз в школах от 2018 года [18]. В данном кодексе представлена модель типовой политики, процедуры и руководящий документ для созда-

ния группы или групп по оценке угроз в местных школах. Модель представляет собой синтез лучших практик, фактически, стандарты практики оценки поведенческих угроз и управления ими в школьных условиях, включает процедуры оценки и вмешательства. Модель Мэриленда также основывается на последних отчётах Секретной службы США (Расширение школьной безопасности с использованием модели оценки угроз [20]) и ФБР (Исследование поведения активных стрелков в США перед атакой, за период с 2000 по 2013²³). Структура модели включает следующие компоненты:

- процедуру и требования к созданию команды;
- требования к должности и задачи координатора службы психического здоровья;
- требования к структуре группы по оценке угроз и зоне ответственности, обязанностях каждого члена группы;
- обязанности и задачи группы надзора, которая контролирует и оказывает поддержку школьным группам по оценке угроз;
- рекомендации по работе членам группы по оценке угроз в части разработки перечня признаков для распознавания угрожающего поведения и организации системы сообщений;
- требования и порядок отчётности.

В качестве степени оценки угроз предложены следующие уровни (это примеры, а не полный перечень), представленные в таблице 2.

Таблица 2

Критерии оценки угрозы. Мериленд [18]

Уровень угрозы	Критерии
Угроза низкого риска	Лицо/ситуация не представляют угрозы насилия или серьёзного вреда себе/другим, и любые выставленные проблемы/недовольства, могут быть легко решены.
Угроза умеренного риска	Лицо/ситуация не представляют угрозы насилия или серьёзного вреда для себя/других в настоящее время; но демонстрирует поведение, которое указывает на постоянное намерение и возможность будущего насилия или причинения серьёзного вреда себе/другим; и/или другое поведение, требующее вмешательства.
Угроза высокого риска	Лицо/ситуация представляют угрозу насилия, проявляя поведение, указывающее на постоянное намерение причинить вред и потенциальные усилия для выполнения плана; а также может проявлять другое поведение, требующее вмешательства.
Непосредственная угроза	Лицо/ситуация представляют собой явную и непосредственную угрозу серьёзного насилия по отношению к другим, которое требует сдерживания и действий для защиты и идентификации цели(ей); а также может демонстрировать другие формы поведения, требующего вмешательства.

²³ Silver J., Simons A., Craun S. A Study of the Pre-Attack Behaviors of Active Shooters in the United States Between 2000 and 2013. Washington, D.C.: FBI, Department of Justice; 2018. URL: <https://www.fbi.gov/file-repository/pre-attack-behaviors-of-active-shooters-in-us-2000-2013.pdf/view> (accessed: 05.05.2024).

Для понимания ключевых понятий, приведу пример, как угроза определяется в модели Мерилленда: «Угроза – это выражение намерения причинить кому-либо физический вред. Угроза может выразиться/сообщаться поведенческим, устным, визуальным, письменным, электронным или любым другим способом и считается угрозой независимо от того, наблюдается она или сообщается непосредственно объекту угрозы, наблюдаемому или сообщённому третьей стороне, и независимо от того, знает ли объект угрозы об угрозе. Угрозы могут быть прямыми или косвенными» [18]. Хочу отметить, что группа по оценке и управлению угрозами оценивает эффективность своих действий и, при необходимости, пересматривает внутришкольную политику, процедуры и план работы ежегодно перед началом учебного года.

Обобщая анализ приведённых практик подчёркиваю, что процедура оценки угроз обязательно должна включать: (1) систему доверия (чат-бот, e-mail, телефон, облачную платформу и любые другие электронные средства связи, позволяющие оперативно, анонимно сделать сообщение об угрозе, предупреждающих знаках), (2) систему оперативной экспертной оценки угрозы, (3) алгоритм реагирования (специальных служб). Особенно важно обратить внимание на возможность анонимных сообщений. Анализ системы предупреждения и противодействия угрозам скулшутинга в американской практике за прошедшие двадцать лет даёт основание утверждать, что возможность анонимной системы сообщений позволила добиться в обществе перехода от «кодекса молчания» к желанию сообщать. Процесс преодоления барьера в обществе, связанного с оценкой сообщений об угрозе как «стукачество» или «доносительство», длился больше десятилетия. Но именно налаженная система возможности анонимных сообщений от учеников, персонала школы, не аффилированных со школой лиц, позволила увеличить количество предотвращённых инцидентов скулшутинга.

Заключение. Попытки построить надёжную объяснительную концепцию скулшутинга до сих пор не увенчались успехом. С одной стороны, в мировой исследовательской практике накоплен значительный массив эмпирических данных. Но по американским скулшутерам. Крайне ограничены данные о скулшутерах в других странах, где инциденты происходят с меньшей частотой, чем в США, но, тем не менее, происходят. Это касается и России. С другой стороны, само создание концептуальной основы для объяснения скулшутинга находится в стадии накопления и обобщения эмпирических данных и сложных теоретических объяснений. До сих пор учёными исчерпывающего объяснения такого сложного феномена как скулшутинг не дано. В каждой из выдвигаемых концепций, моделей, имеются лакуны.

В данной работе основной фокус направлен не на решение научной проблемы, а на проблемы, связанные с вопросами создания, организации и управления проактивной системой предотвращения скулшутинга.

В статье особое внимание было уделено объяснению механизма подражания, ключевой причиной которого является широкое освещение инцидентов скулшутинга СМИ. Преступники, ищущие славы, особенно опасны, они убивают и ранят значительно больше жертв, потому что соревнуются за внимание СМИ и аудитории, потому что они знают, что это поможет им привлечь больше внимания. Соответственно, лишив их внимания, которого они добиваются, можно минимизировать «эффект подражания». Но необходимо понимать, что просто осуждение их действий, мало что даёт для устранения нанесённого ими ущер-

ба. В первую очередь потому, что «наградой» становится слава. Только забвение, бойкот и только бесславие имеет значение. Подчеркну, что для предотвращения распространения «эффекта подражания» критически необходим запрет (законодательный акт) на освещение в СМИ имени преступника, подробностей инцидента. Нельзя использовать фотографии или видео преступника, также и образы предшественников. И, что не менее важно, должно быть ограничено количество сообщений в СМИ, трагедия не должна освещаться в режиме бесконечного повтора. СМИ должны проводить политику ответственного освещения, сместить внимание с преступников, которые совершают инциденты, к трагедии жертв, пострадавших и к реальным героям, которые останавливают преступников.

Что касается решения проблемы предотвращения скулшутинга, то критически важное значение имеет разработка и принятие управленческого решения по созданию в России проактивной системы предотвращения скулшутинга, включающей систему оценки угроз, порядок реагирования, алгоритмы действий, системы сообщений о тревожных знаках надвигающейся угрозы. Первичным средством выявления и предупреждения угроз совершения скулшутинга должна быть система оценки угроз (СОУ), которую необходимо разработать и внедрить в образовательные организации всех уровней. Цель СОУ – предоставить сотрудникам образовательных организаций методичку по выявлению, оценке угроз, методах реагирования, перечню динамических признаков, которые должны фиксироваться персоналом образовательных организаций и др. характеристиках. Кроме того, необходимо создать единую систему оперативного реагирования, руководство для образовательных организаций по взаимодействию с правоохранительными органами, анонимную систему сообщений и базу знаний потенциальных предупреждающих знаков. Причём руководство по оперативному реагированию, обязательное для такой системы, должно позволять конкретным образовательным организациям адаптировать СОУ под их специфику.

Подводя итог, подчеркну, что для разработки проактивной системы предотвращения скулшутинга в России требуется соблюдение нескольких условий. Эти выводы я сделала, опираясь на собственный опыт научного изучения феномена скулшутинга и анализа мировой практики. Во-первых, необходимо привлечение учёных, занимающихся предметной областью изучения. Во-вторых, привлечение к разработке системы уже имеющихся междисциплинарных научных групп. В-третьих, глубокий анализ опыта и практики применения таких систем в других странах, не только США. Анализируя научные публикации, могу констатировать, что упоминание о подобных системах встречаются в исследованиях учёных из Германии, Швеции, Финляндии, Норвегии. В-четвертых, необходимо создание, организация и обеспечение системы взаимодействия между учёными и экспертами, аналитиками правоохранительных органов. В-пятых, необходимы управленческие решения для обеспечения координации действий по разработке системы со стороны органов государственной власти.

Библиографический список / References

1. Langman P. Warning signs identifying school shooters before they strike. Langman Psychological Associates, LLC; 2021. ISBN 978-0578922997.
2. Katsiyannis A., Whitford D. K., Ennis R. P. Historical examination of United States intentional mass school shootings in the 20th and 21st centuries: Implications for students, schools, and society. *Journal of Child and Family Studies*. 2018;27(8):2562–2573. DOI [10.1007/s10826-018-1096-2](https://doi.org/10.1007/s10826-018-1096-2).

3. Oksanen A., Kaltiala-Heino R., Holkeri E. [et al]. School shooting threats as a national phenomenon: Comparison of police reports and psychiatric reports in Finland. *Journal of Scandinavian Studies in Criminology and Crime Prevention*. 2015;16(2):145–159. DOI [10.1080/14043858.2015.1101823](https://doi.org/10.1080/14043858.2015.1101823).
4. Rocque M. Exploring school rampage shootings: Research, theory, and policy. *The Social Science Journal*. 2012;49(3):304–313. DOI [10.1016/j.soscij.2011.11.001](https://doi.org/10.1016/j.soscij.2011.11.001).
5. Kostinsky S., Bixler E., Kettl P. Threats of school violence in Pennsylvania after media coverage of the Columbine high school massacre. *Archives of Pediatric and Adolescent Medicine*. 2001;155(9):994–1001. DOI [10.1001/archpedi.155.9.994](https://doi.org/10.1001/archpedi.155.9.994).
6. Kissner J. Are active shootings temporally contagious? An empirical assessment. *Journal of Police and Criminal Psychology*. 2016;31:48–58. DOI [10.1007/s11896-015-9163-8](https://doi.org/10.1007/s11896-015-9163-8).
7. Lankford A. Fame-seeking rampage shooters: Initial findings and empirical predictions. *Aggression and Violent Behavior*. 2016;27:122–129. DOI [10.1016/j.avb.2016.02.002](https://doi.org/10.1016/j.avb.2016.02.002).
8. Langman P. Role models, contagions, and copycats: An exploration of the influence of prior killers on subsequent attacks. 2017. URL: https://schoolshooters.info/sites/default/files/role_models_2.1.pdf (accessed: 10.05.2022).
9. Карпова А. Ю., Чайковский Д. В. «Пост-Колумбайн эффект»: стохастический терроризм // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2019. № 2(22). С. 45–53.
Karpova A. Yu., Chaikovskii D. V. “Post-Columbine effect”: stochastic terrorism. *Herald of the national antiterrorism committee*. 2019;(2):45–53. (In Russ.).
10. Карпова А.; Savelev А.; Maksimova N. Modeling the process of school shooters radicalization (Russian case). *Social Sciences*. 2021;10(12):477. DOI [10.3390/socsci10120477](https://doi.org/10.3390/socsci10120477).
11. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. Т. 29, № 1. С. 93–108. DOI [10.31171/vlast.v29i1.7920](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920). EDN [QLQYTP](https://www.edn.ru/edn/2021/05/29/10.31171/vlast.v29i1.7920).
Karpova A. Y., Maksimova N. G. School shooting in Russia: what matters? *Vlast' (The Authority)*. 2021;29(1):93–108. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v29i1.7920](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7920).
12. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2022621125 РФ. Результаты социологического исследования «Скулшутинг в России: социально-демографические данные, мотивы, характеристики инцидентов»: № 2022621020 : заявл. 13.05.2022 : опубл. 19.05.2022 / А. Д. Вильнин, Е. А. Замышевская, А. Ю. Карпова [и др.]; Томский Политехнический Университет. EDN [AHDNXA](https://www.edn.ru/edn/2022/05/19/10.31171/vlast.v29i1.7920).
Certificate of state registration of the database No. 2022621125 RF. Results of sociological research “Skulshunting in Russia: socio-demographic data, motives, characteristics of incidents”: No. 2022621020: applied. 13.05.2022: publ. 19.05.2022 / A. D. Vilnin, E. A. Zamyshvskaya, A. Yu. Karpova [et al]; Tomsk Polytechnic University. (In Russ.).
13. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2023660578 РФ. Интерактивная карта скулшутинга : № 2023660065 : заявл. 23.05.2023 : опубл. 23.05.2023 / А. Д. Вильнин, А. Ю. Карпова, С. А. Кузнецов [и др.]; Национальный исследовательский Томский политехнический университет. EDN [RUWJCB](https://www.edn.ru/edn/2023/05/23/10.31171/vlast.v29i1.7920).
Certificate of state registration of computer programme No. 2023660578 RF. Interactive map of skulshuting: No. 2023660065: applied. 23.05.2023: publ. 23.05.2023 / A. D. Vilnin, A. Yu. Karpova, S. A. Kuznetsov [et al.]; National Research Tomsk Polytechnic University. (In Russ.).
14. Максимова Н. Г. Базы данных как эффективный инструмент анализа и предупреждения инцидентов скулшутинга // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 44–55. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.4](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.4). EDN [QALDCG](https://www.edn.ru/edn/2022/04/28/10.19181/nko.2022.28.4.4).
Maksimova N. G. Databases as an effective tool for analyzing and preventing school shooting incidents. *Science. Culture. Society*. 2022;28(4):44–55. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.4.4](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.4).
15. Muschert G. W. School shootings as mediatized violence. In: Böckler N., Seeger T., Sitzler P., Heitmeyer W. (eds) *School Shootings*. New York, NY: Springer; 2012. P. 265–281. DOI [10.1007/978-1-4614-5526-4_12](https://doi.org/10.1007/978-1-4614-5526-4_12).
16. Murray J. L. Mass media reporting and enabling of mass shootings. *Cultural Studies ↔ Critical Methodologies*. 2017;17(2):114–124. DOI [10.1177/1532708616679144](https://doi.org/10.1177/1532708616679144).
17. Langman P. A guide to insider references used by school shooters and other attackers. 2020. URL: https://schoolshooters.info/sites/default/files/insider_references_1.1.pdf (accessed: 11.05.2022).

18. Maryland's Model Policy for Behavior Threat Assessment (2018). URL: <https://schoolsafety.maryland.gov/Documents/Reports-Docs/Maryland%20Model%20Policy%20for%20Behavior%20Threat%20Assessment-2018-19.pdf> (accessed: 05.05.2024).
19. Cornell D., Sheras P. Guidelines for responding to student threats of violence. SoprisWest; 2006. ISBN 978-1593185022.
20. Alathari L. [et al.]. Enhancing school safety using a threat assessment model: An operational guide for preventing targeted school violence. National Threat Assessment Center; 2018. URL: https://www.cisa.gov/sites/default/files/publications/18_0711_USSS_NTAC-Enhancing-School-Safety-Guide.pdf (accessed: 05.05.2024).

Поступила: 6.05.2024. Принята: 10.06.2024.

Сведения об авторе:

Карпова Анна Юрьевна, доктор социологических наук,
профессор Школы общественных наук, Национальный исследовательский Томский
политехнический университет. Томск, Россия.

belts@tpu.ru

Author ID РИНЦ: 507861; ORCID: 0000-0001-7854-1438

A. Yu. Karpova¹

¹ National Research Tomsk Polytechnic University. Tomsk, Russia

A PROACTIVE SCHOOLSHOOTING INCIDENT PREVENTION SYSTEM: WHAT MATTERS?

Abstract. Scientific research on schoolshooting has been actualized in the early 21st century, but incidents have been recorded much earlier, since the late 16th century. The article focuses on the causes and explanation of the mechanism of imitation, a significant driving force in schoolshooting. Examples of cases are given to illustrate the effect of the copycat mechanism and measures to prevent the spread of the 'copycat effect' are argued. The paper identifies the key features that unite terrorism and schoolshooting, which provide a strong case for considering schoolshooting incidents as a new type of terrorism. The similarity of schoolshooting incidents to terrorist acts is argued through the description of common characteristics, such as ritual and demonstrative nature of violence, planned and symbolic nature of violence, cultural determination, and group identification. This paper focuses not on the scientific problem of studying schoolshooting as a special phenomenon, but on the problems of creating, organizing, and managing a proactive system of schoolshooting prevention. The results of the analysis of American practice of development and application of threat assessment system to prevent schoolshooting are presented. The description of necessary elements of the complex system for prevention of schoolshooting incidents is presented, the definition of the proactive system is given.

Keywords: schoolshooter, schoolshooting, terrorism, monitoring, database, preventive behavior, proactive system, public administration

For citation: Karpova A. Yu. A proactive schoolshooting incident prevention system: what matters? *Science. Culture. Society*. 2024;30(2):83–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.6>

Received: 6.05.2024. Accepted: 10.06.2024.

Information about the author:

Anna Yu. Karpova, Doctor of Sociology, Professor at the School of Social Sciences, National Research Tomsk Polytechnic University. Tomsk, Russia.

belts@tpu.ru

ORCID: 0000-0001-7854-1438

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.2.7](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.7)
EDN [INJDOY](https://edn.injdoj.ru)
УДК 316.354.4

М. В. Певная¹, Д. В. Минченко¹, Е. И. Початкова¹

¹ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.
Екатеринбург, Россия

УПРАВЛЯЕМОСТЬ МОЛОДЕЖНОГО МЕДИАВОЛОНТЕРСТВА: ХАРАКТЕРИСТИКИ АКТИВНОСТИ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ УСЛОВИЯ

Аннотация. Статья посвящена изучению опыта молодых россиян в медиаволонтерстве, выявлению потенциала данного вида просоциальной активности и определению условий для его расширения в молодежной среде. Анализ научной литературы и результаты социологического опроса молодежи Свердловской области в возрасте от 14 до 35 лет позволили определить факторы и характеристики активизации субъектности молодого поколения в медиаволонтерских инициативах. Установлено, что для повышения управляемости цифрового добровольчества среди молодежи потенциальные медиаволонтеры должны осознавать ценность своей деятельности в медиа-пространстве для себя лично. В этой связи требуется расширение взаимодействия не только между организаторами добровольческой деятельности и добровольцами, но и между волонтерами и благополучателями. Это условие связано и с необходимостью транслирования в публичном пространстве как самих инициатив, так и качественных изменений в жизни конкретных людей и сообществ, которые произошли благодаря помощи медиадобровольцев. Следующим важным аспектом является выбор канала связи с потенциальными волонтерами, в этом отношении социальные сети и онлайн-платформы наиболее удобны в использовании как для организаторов, так и для самих добровольцев. Установлено, что при наличии базовых навыков работы в цифровой среде у современной молодежи ведущим мотивом включения молодых уральцев в волонтерские практики в формате онлайн являются перспективы получения новых знаний и навыков, полезных для их личного и профессионального развития. Молодежи важно понимать, что в конкретной практике медиаволонтерства она будет взаимодействовать с профессионалами. Для старшеклассников определяющее значение имеет социальная среда медиаволонтерства – нужно создать условия, чтобы они могли делать что-то полезное совместно с друзьями. В исследовании доказано, что для управляемости данного вида добровольчества важна дружественная цифровая среда, которая в нашей стране формируется благодаря федеральным цифровым платформам. Молодые россияне достаточно хорошо знакомы и с платформой «Добро.РФ», и с порталом «Решаем вместе, голосование». Использование сервисов «Госуслуги» коррелирует с интересом молодежи к контенту федерального волонтерского портала. Полученные результаты могут быть использованы организаторами социальных проектов в некоммерческом секторе для повышения эффективности рекрутинга молодых волонтеров и расширения их функционала.

Ключевые слова: управляемость, медиаволонтерство, молодежь, добровольчество, организационные условия, субъектность молодежи

Для цитирования: Певная М. В., Минченко Д. В., Початкова Е. И. Управляемость молодежного медиаволонтерства: характеристики активности и организационные условия // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 2. С. 99–115. DOI [10.19181/nko.2024.30.2.7](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.7). EDN [INJDOY](https://edn.injdoj.ru).

Введение. Процесс цифровой трансформации за последние несколько десятилетий охватил практически все сферы общественной жизни, не только детерминировав экономические преобразования, но и изменив привычные практики социального взаимодействия [1]. Повсеместная цифровизация, ускорившаяся под влиянием

пандемии COVID-19, стала катализатором для переосмысления традиционных подходов к работе, образованию, коммуникации и социальному обмену.

По данным отчёта Digital 2024: Global overview report, количество пользователей Интернета в начале 2024 года достигло 5,3 млрд человек или примерно 66% от общего числа жителей нашей планеты¹. Среди россиян наибольшей готовностью к использованию современных технологий, включая Интернет, обладает молодое поколение в возрасте от 14 лет². Доля ежедневных пользователей Интернета среди российской молодёжи близка к абсолютной³. Схожая ситуация сложилась в большинстве стран мира, в связи с чем в повестке Организации Объединённых Наций (ООН) ведущее место занимает безопасность цифровой активности молодёжи⁴. К последней можно отнести и волонтерство онлайн как практику добровольчества, востребованную в решении задач местных сообществ и глобальных проблем человечества.

Последние несколько лет в нашей стране наблюдается устойчивый рост интереса к волонтерству. Ежегодно увеличивается число людей, готовых безвозмездно уделить своё время и приложить усилия для помощи другим. В 2023 году численность зарегистрированных добровольцев в России возросла до 21 млн, что почти в 3 раза превышает показатели 2017 года⁵. По данным ВЦИОМ, в 2023 году в ближайшем окружении более половины россиян (57%) оказались родные и друзья, принимающие участие в добровольчестве⁶.

В современной России волонтерство признается в качестве одного из ключевых направлений государственной молодёжной политики. Молодёжь, будучи поколением «цифровых аборигенов», чаще других возрастных групп применяет информационные технологии в волонтерских проектах. Средний возраст добровольца, авторизованного на платформе Добро.РФ, – 25 лет, а сама молодёжь (от 18 до 35 лет) составляет 43% от общего числа зарегистрированных пользователей⁷. И в мировом сообществе ООН актуализирует медиаволонтерство в молодёжной среде как направление добровольческой деятельности, способствующее устойчивому развитию общества⁸. Исследовательский фокус данной статьи направлен на выявление характеристик медиаволонтерства и организационных условий для вовлечения российской молодёжи в его практики.

¹ Kemp S. Digital 2024: Global overview report // DataReportal. 31.01.2024. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-global-overview-report> (дата обращения: 10.05.2024).

² Полякова В. В. Уровень технологической готовности россиян // НИУ ВШЭ. 19.01.2024. URL: <https://issek.hse.ru/news/889414376.html> (дата обращения: 10.05.2024).

³ Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения // ВЦИОМ. 10.08.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija> (дата обращения: 10.05.2024).

⁴ Безопасность детей и молодежи в Интернете // ООН. URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/child-and-youth-safety-online> (дата обращения: 10.05.2024).

⁵ Проект Постановления Государственной Думы 475971-8 «Об информации руководителя Федерального агентства по делам молодежи К. Д. Разуваевой о реализации молодёжной политики в РФ и мерах по обеспечению нравственного и патриотического воспитания молодого поколения» от 31.10.2023 // СОЗД ГАС «Законотворчество». 02.11.2023. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/475971-8> (дата обращения: 10.05.2024).

⁶ Волонтеры России: мониторинг // ВЦИОМ. 04.12.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring> (дата обращения: 10.05.2024).

⁷ Там же.

⁸ Become an Online Volunteer // UN Volunteers. URL: <https://www.unv.org/become-online-volunteer> (дата обращения: 10.05.2024).

Проблематика медиаволонтерства в научных исследованиях. В научном дискурсе существует неоднозначность в определении термина «медиаволонтерство». Часто его замещают такими понятиями, как «виртуальное волонтерство», «цифровое волонтерство», «киберволонтерство», «е-волонтерство», «интернет-волонтерство». Однако под медиаволонтерством чаще всего понимают любую форму добровольческой деятельности, реализуемую посредством Интернета [2, с. 127].

Российские исследователи полагают, что по своему характеру медиаволонтерство соотносится с описанным Л. Хастинкс (L. Hustinx) и Ф. Лэммертин (F. Lammertyn) новым видом «рефлексивного» добровольчества [3, с. 362]. Ему присущи индивидуализм, мотивация к самореализации, эпизодическое волонтерское участие, снижение уровня организации добровольческих проектов, повышение значения самоорганизации, преобладание самостоятельного выбора волонтерами сферы своей активности [4, с. 168]. Во многом сопряжение трактовки медиаволонтерства с рефлексивным добровольчеством обусловлено характеристиками этой практики, такими как опосредованность взаимодействия, удаленность субъектов коммуникации, виртуальность, спонтанность подключения, гибкость участия и мотивации [5], а также инклюзивность [6, с. 4466]. Перечисленные особенности медиаволонтерства в значительной степени детерминированы разнообразием средств распространения информации в Интернете. Среди наиболее популярных инструментов – социальные сети, мобильные приложения, цифровые платформы, которые используются как для рекрутинга и обучения добровольцев, так и в ходе непосредственного осуществления волонтерами работы [7].

Ключевая характеристика данного феномена – безвозмездный характер деятельности добровольца. В этом смысле медиаволонтерство рассматривается как вид социального участия и определяется как «социальные практики и коллективная деятельность молодежи, направленные на удовлетворение общественных интересов, потребностей самой молодежи и развитие гражданского общества, осуществляемые в рамках повседневной жизни при помощи средств коммуникации» [8, с. 172]. Среди основных направлений анализируемого вида добровольчества выделяют мобилизацию населения для оказания незамедлительной помощи нуждающимся; привлечение внимания общественности к актуальным социальным проблемам, требующим решения; получение необходимой информации для осуществления практических действий, техническая поддержка координации усилий волонтеров в онлайн-среде [3].

Медиапрактики и возможности виртуальной среды для молодежи есть нечто иное, как инструменты социализации и самоактуализации [9]. Цифровое пространство постепенно становится неотъемлемой частью повседневной жизни молодых россиян как сетевого поколения, которое отличает высокая многозадачность, мобильность, гиперактивность и гибкость мышления [10]. Для молодежи характерна потребность как в самовыражении, так и в раскрытии творческого потенциала в Интернете, где масштабы виртуального сообщества глобальны, многое доступно и относительно безопасно [11]. Терминальной ценностью при этом выступает гедонизм, позволяющий, по мнению молодежи, жить каждому «здесь и сейчас» («в моменте») [12]. Социологи фиксируют ориентацию молодежного сообщества на креативность и служение, выделяют готовность юношей и девушек совместно с единомышленниками вовлекаться в решение социально значимых проблем [13, с. 78].

Медиаволонтеры значительное время посвящают своему личностному развитию, участвуют в социокультурной жизни местных сообществ и в общественно-политических событиях. Для российского сетевого поколения важна возможность попробовать себя в новых занятиях, характерна любовь к свободе, значима быстрая передача информации [14]. В этой связи видится логичным, что молодёжь реальному взаимодействию с другими людьми, как правило, предпочитает погружение в цифровую действительность [15, с. 206]. Тем не менее она готова к просоциальной активности – волонтерству [16, с. 835]. Можно заключить, что содержание практик медиаволонтерства во многом удовлетворяет интересы и соответствует приоритетам российской молодёжи.

Возникновение медиаволонтерства является очередной вехой в общественном развитии [17, с. 175]. Оно отличается от традиционных форм волонтерства лишь инструментами его реализации. Однако чтобы оно действительно стало частью жизненного мира молодёжи, необходимо создание благоприятных для этого условий [18]. В этом плане управляемость медиаволонтерства напрямую связана с формированием субъектности молодёжи, которую характеризует приобретение качеств, необходимых как для личностного развития молодых людей и девушек, так и для общественного развития. В добровольчестве она может проявляться тогда, когда усилия молодого поколения направлены на решение социальных проблем локальных сообществ или на оказание посильной помощи публичной власти. В этом случае важна актуализация самой проблемы в сознании каждого молодого человека, а также его готовность к преодолению существующих сложностей [19].

В научной литературе выявляются три фактора, которые могут оказать воздействие эффективной реализации волонтерских практик в Интернете: обеспечение доступности, наличие ресурсов различных типов и сети партнёрских отношений. В данном случае доступность – осведомлённость общественности о возможностях участия. Не менее важны и ресурсы (финансовые, материально-технические, человеческие) для налаживания процессов поиска и отбора добровольцев, управления волонтерским потенциалом. Сети партнёрских отношений, в свою очередь, включают в себя реальные и потенциальные организации для рекрутинга и обучения медиаволонтеров [20].

Медиаволонтерству присуще активное использование различных информационных ресурсов открытого доступа. Онлайн-идентичность, в том числе визуальная, и репутация общественных учреждений как организаторов волонтерских проектов и мероприятий не связаны со степенью поддержки их инициатив населением. Важны содержание и ценности, транслирующиеся в информационной среде [21, с. 11]. Детерминантами вовлечения молодых в цифровое добровольчество могут выступать как их стремление к саморазвитию, так и альтруизм. Практики волонтерства в онлайн-пространстве могут стать частью социальной реальности только тогда, когда они в полной мере будут отражать интересы молодёжи [22, с. 91].

Для молодёжи важна полнота раскрытия той ценности, которую помощь волонтера в Интернете принесёт не только для него самого, но и для благополучателей практики [23, с. 87]. Существенным ограничением медиаволонтерства является отсутствие непосредственного «живого» контакта того, кто безвозмездно оказывает помощь с теми, кто в этой помощи нуждается, или с организаторами [23, с. 86]. Таким образом, не только создаваемая ценность, но и выбранный канал связи с потенциальными медиаволонтерами играет ключевую роль в определении наиболее эффективных стратегий для организации добровольческой

деятельности [4, с. 173]. В этом контексте особенно значимы платформы, позволяющие освещать ту или иную активность в сети, ориентировать молодых людей и девушек на участие, поддерживать начинающих волонтеров в их труде и оказывать влияние на личное восприятие индивидуального опыта [24]. Следуя этой логике, к перспективным каналам связи можно отнести и социальные сети, в которых формируются волонтерские сообщества [25; 26].

Установлено, что молодые волонтеры охотнее вовлекаются в просоциальные проекты и программы при условии их сопровождения и персонального курирования [27, с. 1331]. Обучение и поддержка представляются критически необходимыми в условиях ограниченного личного контакта волонтеров и организаторов добровольческой деятельности, присущих медиаволонтерству. Во многих международных исследованиях подчеркивается важность качественной подготовки волонтеров к автономной деятельности в Интернете [21]. В России такая подготовка медиадобровольцев осуществляется в том числе на онлайн-платформе Добро.РФ с помощью образовательных курсов, разработанных экспертами и представителями некоммерческого сектора. Отдельно можно выделить сервисное медиаволонтерство, отличающееся эпизодичностью участия в определенных добровольческих практиках. Несмотря на то, что по определению эпизодические волонтеры выполняют простые задания, для них важно понимать смысл выполняемой работы и свою роль в общем деле [28, с. 400].

Таким образом, управляемость медиаволонтерства сопряжена с формированием у молодых людей определенных социальных качеств, которые определяли бы их активность как медиаволонтеров, способствуя самореализации каждого из них в реализации социальных проектов и инициатив общественного сектора. Управляемость медиаволонтерством можно трактовать как создание условий для формирования субъектности молодежи, трактуемой нами как вовлеченность в различные практики медиаволонтерства, в которых развиваются сами волонтеры и решаются различные общественные проблемы.

Цель повышения управляемости медиаволонтерства, на наш взгляд, заключается в разрешении социального противоречия между ограниченной распространённостью медиаволонтерства в молодежной среде и представлениями об интересах молодежи как цифрового поколения при широкомасштабных условиях для цифровой гражданской активности, которые сегодня создаются в нашей стране. Для достижения этой цели важно понимать мотивацию в отношении медиаволонтерства как одну из важнейших характеристик субъектности молодежи [30, с. 100]. Управление молодежным медиаволонтерством комбинирует процессы самоорганизации и механизмы организационного (управленческого) воздействия [31]. Соответственно необходимо конкретизировать условия, при которых получают развитие определенные социальные качества молодых людей и девушек как медиаволонтеров. По аналогии с занятостью молодежи этот процесс можно оценивать в двух измерениях: ценностно-мотивационном (ценностно-мотивационные основания добровольчества) и структурном (институционально-организационные предпосылки осуществления волонтерства) [29].

Характеристика эмпирического исследования. Эмпирическим базисом статьи стали результаты социологического исследования молодежи Свердловской области в возрасте от 14 до 35 лет, реализованного в период с 01.08.2023 г. по 10.11.2023 г. на кафедре социологии и технологий ГМУ УрФУ при участии авторов данной статьи. Целью исследования, выполненного методом анкетирования

по стандартизированному бланку опроса, являлся анализ волонёрской (добровольческой) деятельности молодёжи Среднего Урала. Анкета включала соответствующие исследовательским задачам пять блоков закрытых, альтернативных и поливариантных вопросов. Она была создана в Яндекс-формах, распространялась через официальную рассылку по образовательным учреждениям, муниципальным детско-юношеским и молодёжным организациям, региональным учреждениям сферы культуры, крупным предприятиям различных муниципальных образований Свердловской области. Дополнительно анкета распространялась через тематические молодёжные группы Свердловской области, а также через официальные группы социальных сетей общественных и молодёжных объединений, социально ориентированных некоммерческих организаций, работающих с молодёжью. В результате было собрано 6005 анкет. На втором этапе были проведены процедуры случайного отбора и взвешивания для приведения структуры выборки по заданным параметрам в соответствие со структурой генеральной совокупности. Расчёт выборочной совокупности был произведён в соответствии с данными официальной статистики ($N=3000$, выборка квотная, ошибка с дов. вероят. 0,95 менее 4%). Выдержаны квоты по полу, возрасту, основному виду занятости, месту проживания⁹. В выборочной совокупности 51% девушек и 49% юношей. 17% респондентов – старшеклассники, 13% – студенты колледжей и техникумов, 13% – учащиеся университетов, 57% – работающая молодёжь Среднего Урала. В структуре выборки 35% – молодёжь региональной столицы; 17% – жители больших городов с населением от 100 тыс. до 1 млн человек; 11% – респонденты из средних городов с численностью населения от 50 до 100 тыс. человек; 37% – молодые жители малых населённых пунктов с населением менее 50 тыс. человек.

Оценка опыта и мотивационные характеристики медиаволонёрства молодёжи. В статье мы сфокусировались на одной из исследовательских задач опроса, которая касалась изучения опыта медиаволонёрства молодых уральцев, оценки мотивации их добровольческой активности в Интернете, определения содержания интересных для молодого поколения практик такой деятельности на безвозмездной основе.

Для определения уровня вовлеченности в волонёрство, молодёжи Среднего Урала было предложено ответить на вопрос: «Приходилось ли Вам заниматься какой-либо добровольческой деятельностью за последний год?». Ответы респондентов в группах с разным типом занятости представлены в таблице 1.

В целом 66% опрошенных молодых уральцев в 2023 году принимали участие в волонёрстве, в том числе 58% студентов колледжей, среди работающей молодёжи – 69%. В 2023 году 30% из числа региональной молодёжи оказывали безвозмездную помощь кому-то в Интернете. Слабая статистически значимая связь опыта медиаволонёрства проявилась только с возрастом респондентов (см. табл. 2).

В течение 2023 года молодёжь Свердловской области в возрасте от 19 до 25 лет чаще других возрастных групп принимала участие в добровольческих проектах и мероприятиях онлайн (38%). Менее всего в медиаволонёрство была вовлечена работающая молодёжь региона – только каждый четвёртый респондент (24%) данной группы делал что-то безвозмездно для других.

⁹ Население // Свердловскстат. URL: <https://66.rosstat.gov.ru/folder/29698> (дата обращения: 10.05.2024).

Таблица 1

Наличие волонтерского опыта у молодежи Свердловской области
(% от опрошенных по группе)

Тип занятости	Да, приходилось	Нет, не приходилось	Всего
Старшеклассники	63	37	100
Студенты колледжей, техникумов	58	42	100
Студенты учреждений высшего образования	64	36	100
Работающая молодежь	69	31	100

Таблица 2

Наличие опыта медиаволонтерства в разных возрастных группах молодежи Свердловской области

(% от опрошенных по группе, коэфф. Крамера – 0,120; p-value 0,000)

Возрастные когорты молодежи	Имеют опыт	Не имеют опыт	Всего
26-35 лет	24	76	100
19-25 лет	38	62	100
14-18 лет	30	70	100

Выявленные различия могут быть обусловлены двумя группами факторов. В первую очередь, формирование опыта возможно при наличии технических и организационных возможностей. Наличие инструментов (социальных сетей, мессенджеров, графических и иных редакторов, необходимых для производства и распространения контента) и заинтересованных в такого рода деятельности организаций (общественных учреждений, колледжей и техникумов, учреждений высшего образования). Их можно идентифицировать в качестве средовых факторов расширения опыта медиаволонтерства в молодежной среде. Вторая группа факторов связана с субъектом активности. Студенчество – это время активного формирования социальных связей, выходящих за границы учебного коллектива, время активного профессионального роста. Следовательно, молодежь в возрасте 19–25 лет более открыта для участия в медиаволонтерстве. Медиаволонтерство по своему содержанию, как правило, является организованным видом добровольчества, когда инициатором соответствующей практики в сети выступают общественные учреждения, чаще некоммерческие организации (НКО) [27]. С целью определения мотивационных аспектов в отношении помощи региональным НКО в анкете был сформулирован поливариантный вопрос: «Что из перечисленного может повлиять на то, что вы решите помогать НКО в формате онлайн?». Анализ ответов выявил мотивы, которые определяют намерения молодых уральцев в отношении их помощи региональным НКО (см. табл. 3).

Ведущими мотивами участия в практиках медиаволонтерства в оценках всех опрошенных молодых людей и девушек являются: получение новых умений и навыков (36%), соответствие проекта и/или деятельности интересам респондента (32%)

Таблица 3

**Мотивация разных возрастных групп молодежи Свердловской области
в отношении помощи НКО в формате онлайн (% от ответивших по группе)¹⁰**

Мотивы	Возраст		
	14-18 лет	19-25 лет	26-35 лет
Если меня научат чему-то конкретному в требуемом направлении	36	37	35
Если эту практику поддержит моя школа, учебное заведение, работодатель	20	20	20
Если это будут делать вместе со мной мои друзья	27	21	13
Если меня будут консультировать в процессе работы настоящие профессионалы	22	29	24
Если это будет соответствовать моим интересам	33	36	29
Если это будет действительно приносить пользу людям, обществу	23	33	34
<i>Всего</i>	<i>161</i>	<i>176</i>	<i>155</i>

и общественная значимость проекта (30%). Среди 14–18-летних уральцев наиболее важно получение новых знаний (36%), соответствие проекта интересам (33%) и участие в проектах совместно с друзьями (27%). В группе 19–25 летних сохраняют ведущую роль первые два мотива старшеклассников (37% и 36% соответственно), а на третьем месте оказывается общественная значимость проекта (33%). Среди респондентов 26–35 лет выявлен самый высокий уровень самостоятельности в выборе проекта. Мотив группового участия (вместе с друзьями) выбрали всего 13%.

Результаты исследования подтверждают, что мотивация медиаволонтерства как один из аспектов субъектности молодежи тесно связана с двумя типами факторов: средовыми и личностными. Опыт медиаволонтерства у молодежи может быть детерминирован реальными возможностями в практиках медиаволонтерства, молодым уральцам важно взаимодействовать с профессионалами и экспертами в какой-либо интересной для них области. Особую роль играют и возможности освоения новых компетенций, а также осознание молодыми людьми и девушками соответствия выполняемой деятельности в сети Интернет их собственным интересам. Для старшеклассников не менее важным условием включения в социально значимую практику, организованную онлайн, является участие в ней их друзей и знакомых.

Готовность молодежи к медиаволонтерству. Проанализируем готовность молодежи к добровольческой деятельности в Интернете применительно к социальной сфере и благотворительности. Респондентам был задан вопрос: «Готовы ли Вы участвовать в социальных проектах, помогать их организовывать онлайн?» (см. табл. 4).

В целом среди молодежи Свердловской области доля готовых помогать региональным НКО онлайн достигает 34%. Среди работающей молодежи это число выше (37%). Среди студентов вузов к такой активности готов каждый третий респондент (33%), среди студентов колледжей и техникумов – только каждый четвертый (24%).

¹⁰ Сумма ответов >100%, так как респонденты могли выбрать нескольких альтернатив.

Таблица 4

Готовность молодёжи Свердловской области к участию в социальных проектах онлайн в разрезе типов занятости (% от опрошенных по группе)

Тип занятости	Готовы	Не готовы	Всего
Старшеклассники	30	70	100
Студенты колледжей и техникумов	24	76	100
Студенты высших учебных заведений	33	67	100
Работающая молодёжь	37	63	100

Тем респондентам, кто готов включиться в социальные проекты онлайн был задан дополнительный вопрос о том, что именно они готовы предпринять для помощи социально ориентированным некоммерческим организациям, политических объединениям и ассоциациям, публичным учреждениям в социальной сфере. Перечень выделенных практик можно представить в виде трёх крупных блоков (данные представлены в таблице 5).

Таблица 5

Приоритеты молодёжи Свердловской области в выборе практик медиаволонтерства (% от числа ответивших)¹¹

Приоритеты	%
Помогать вести сайт организации (наполнять его новостями, модерировать и т.д.)	40
Помогать организовывать или вести онлайн-консультации	28
Создавать новые компоненты сайта (чат-бот и подобные)	14
Вести группы организаций в социальных сетях, собирая информационный контент	31
Готовить видеозаписи с социально-значимых мероприятий, монтировать ролики	20
Вести трансляции, стримы с социально-значимых мероприятий, проектов, акций	15
Готовить качественные фотоматериалы с социально-значимых мероприятий, акций, проектов	22
Собирать и передавать информацию о правонарушениях (распространение наркотиков через Интернет, организация стихийных свалок и т.д.)	16
Писать посты об организации, её проектах, мероприятиях, акциях на своих личных страницах	26
Делать репосты записей в социальных сетях об организации, её проектах, мероприятиях, акциях на своих личных страницах	32
Проводить онлайн благотворительные мероприятия для конкретных людей и НКО в социальных сетях	10
Делать персонализированную рассылку с личного аккаунта в социальных сетях о мероприятиях, акциях, сервисах и социальных ресурсах	16
<i>Всего</i>	270

- Первый блок – практики формальной деятельности с использованием информационных ресурсов организации, – оказался наиболее привлекательным для уральской молодёжи, каждый респондент, готовый к медиаволонтерству в будущем, выбрал как минимум один вариант ответа по

¹¹ Сумма ответов >100%, так как респонденты могли выбрать нескольких альтернатив.

данному блоку. В процентном соотношении ко всем ответам респондентов на поливариантный вопрос доля этой группы практик составила 42%. Помогать вести сайт организации готовы 40% респондентов, почти треть отметили готовность к контент-наполнению и модерированию групп в социальных сетях. Организовать или вести онлайн-консультаций готовы 28%, ещё 14% респондентов выбрали помощь в создании новых компонентов для сайта организации. Все эти практики создают дистанцию между благополучателями и добровольцами, они не оказывают прямого воздействия на имидж добровольца в социальных сетях. Как правило, такая активность после её прекращения не оставит цифровой след конкретного человека.

- Второй блок практик медиаволонтерства ориентирован на индивидуальную активность, связывающую добровольческую деятельность респондента и его персональный имидж в цифровом пространстве, социальных сетях. На этот блок приходится 31% ответов участвующих респондентов. Треть респондентов готовы делать репосты записей об организации, её проектах, мероприятиях, акциях. Писать посты самостоятельно согласны 26%, делать персонализированную рассылку с личного аккаунта и самостоятельно проводить благотворительные мероприятия онлайн могут 16% и 10% респондентов соответственно.
- Третий блок практик медиаволонтерства – универсальные практики, связанные с подготовкой информационных материалов. Всего 27% участвовавших в опросе респондентов относят себя к практикам из этого блока. Каждый четвёртый респондент может и хотел бы готовить фотоматериалы, каждый пятый – видеозаписи социально-значимых мероприятий, акций, проектов. Вести трансляции, стримы, а также передавать информацию о правонарушениях согласны 15% и 16% соответственно.

Важной характеристикой определения готовности молодёжи к медиаволонтерству является информированность и включенность в работу государственных цифровых порталов. Заинтересованные в онлайн-участии должны иметь возможность найти проект, соответствующий их интересам и возможностям. Платформа Добро.РФ – центральное звено цифровой инфраструктуры, созданной для развития добровольчества в России. Один из значимых показателей нашего исследования – знание и использование молодёжью информации этого портала. В 2023 году практически каждый четвёртый (24%) респондент отметил, что зарегистрирован на портале. Ещё 13% – знают о портале, посещали его, но не зарегистрированы. Слышали о нем, но не посещали – 17%. Ничего не знают о портале – 46%.

Важную роль в развитии медиаволонтерства играет и государственный цифровой портал «Госуслуги». Связанное с ним гражданское онлайн-участие наиболее распространено среди работающей молодёжи Свердловской области. В рамках исследования был предложен вопрос с перечнем основных сервисов портала «Госуслуги», где респондент мог отметить сервисы, которые он использовал за последний год. Каждый третий респондент в возрасте от 26 до 35 лет использовал сервис «Решаем вместе, голосование». Анализ структуры группы респондентов, использовавших сервис «Решаем вместе, голосования» выявил, что эти люди также достаточно хорошо информированы о платформе Добро.РФ. Из них 37% зарегистрированы на нем, ещё 19% посещали, 19% слышали о нем. Для сравнения, среди респондентов, не принимавших участие в голосовании на портале «Госуслуги», половина не информирована о платформе Добро.

РФ, а зарегистрирован на нем только 21% респондентов данной группы. Отметим, что между уровнем информированности о платформе Добро.РФ и использованием сервиса «Решаем вместе, голосование» на портале «Госуслуги» выявлена слабая, но статистически значимая связь (см. табл. 6).

Таблица 6

Опыт использования сервиса «Решаем вместе» и платформы Добро.РФ
(% от опрошенных по группе, коэфф. Крамера 0,197, p-value 0,000)

Уровень ознакомленности	Использовал сервис «Решаем вместе, голосование»	Не использовал сервис «Решаем вместе, голосование»
Зарегистрирован на Добро.РФ	37	21
Посещал Добро.РФ	19	12
Знает, но не посещал Добро.РФ	19	17
Не знает о Добро.РФ	25	50
<i>Всего</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

В результате анализа эмпирических данных было установлено, что готовность заниматься медиаволонтерством у молодых уральцев невысока. Для тех опрошенных, кто всё же готов заниматься медиаволонтерством, приоритетными оказались связанные с использованием предлагаемых информационных ресурсов практики, сохраняющие социальную дистанцию между волонтерами и благополучателями социальных проектов. Молодёжь также заинтересована в активностях с использованием персональных цифровых ресурсов, оказывающих влияние на формирование личного имиджа в онлайн-среде. Важно отметить, что лишь немногие оказались готовы к организации мероприятий онлайн или персонализированному участию в рассылке информации. Наименьшую заинтересованность респонденты проявили к универсальным практикам медиаволонтерства, требующим больших усилий и времени (подготовка фото- и видеоматериалов, трансляции и пр.).

Итак, среди молодых уральцев широкий отклик находят практики медиаволонтерства с использованием сайтов и аккаунтов в социальных сетях (как созданных социально ориентированными организациями, так и личных). Ведущим средовым фактором, создающим благоприятные условия для повышения управляемости медиаволонтерства, является активное использование молодым поколением публичных цифровых ресурсов, ориентированных на проявление их гражданской активности. Информированность и регулярное использование таких ресурсов как в повседневной жизни, так и в рамках образовательной или трудовой деятельности могут оказать положительное влияние на популяризацию медиаволонтерства в молодёжной среде.

Заключение. Медиаволонтерство является просоциальной активностью, связанной с реализацией молодёжью её потенциала в процессе выстраивания индивидуальных жизненных стратегий. По своему содержанию медиаволонтерство близко к традиционному добровольчеству. С аксиологической точки зрения медиаволонтерство вписывается в повседневную жизнь российской молодёжи, в то время как сами молодые люди и девушки обладают способностью к самоорганизации и склонностью к альтруизму, благодаря которым проявляется

их субъектность. Субъектность молодежи представляет собой индивидуальные качества, необходимые для личного и общественного развития, а в контексте медиаволонтерства – для реализации социальных проектов, инициатив, предлагаемых некоммерческими организациями и объединениями. В данном случае стратегическое значение играет управляемость медиаволонтерством, рассматриваемая нами как создание условий для формирования субъектности молодежи через вовлеченность в цифровые практики волонтерства, в которых развиваются и сами волонтеры, и решаются социальные проблемы. В данной статье была проанализирована распространенность опыта медиаволонтерства среди молодых уральцев, охарактеризована мотивация молодежи в отношении этого вида добровольческой деятельности.

В 2023 году 30% уральской молодежи были задействованы в медиаволонтерстве, оказывали помощь региональным социально ориентированным некоммерческим организациям или конкретным людям. Практически каждый третий (34%) сегодня готов присоединиться к практикам медиаволонтерства. Медиаволонтерство не всегда требует от добровольцев владения специальными умениями, для многих цифровых добровольческих практик достаточно базовых цифровых навыков. Тем не менее, по результатам исследования, волонтеров чаще мотивирует к участию в добровольческих практиках в Интернете именно возможность получения новых знаний, умений, а также совмещение полезной для общества деятельности с личными интересами. Важной для расширения медиаволонтерства в молодежной среде является возможность взаимодействия медиаволонтеров с профессионалами в области медиакоммуникации, дизайна, журналистики, маркетинга и SMM, цифровых специальностей. Для привлечения к медиаволонтерству старшеклассников нужны условия, которые бы позволяли им заниматься социально полезной деятельностью в компании своих друзей. Студенты и работающая молодежь выше ценят личностное понимание значимости реализуемой деятельности. Молодые уральцы 19–35 лет в качестве одного из значимых мотивов выделяют важность создания общественного блага, реальной пользы от своей деятельности. В этой связи следует подчеркнуть необходимость создания таких организационных условий, в которых результаты работы молодых медиаволонтеров станут носить публичный характер и будут понятными для самих добровольцев.

Молодежь готова включаться как в формально организованные виды деятельности в рамках медиаволонтерства (вести сайты и группы в социальных сетях НКО), так и неформальные (репостить сообщения, писать посты в социальных сетях, формировать контент для публичных сообществ). Все виды такой активности объединяет один значимый факт – использование цифровых ресурсов. Важным условием для управляемости данного вида добровольчества является организация дружественной цифровой среды.

Помимо дальнейшего развития технологической инфраструктуры волонтерства, которая в нашей стране формируется благодаря федеральным цифровым платформам, необходимо дальнейшее продвижение (в т.ч. информационное) данных ресурсов, а также создание новых возможностей для гражданского участия молодежи в онлайн-формате. Молодые россияне достаточно хорошо знакомы и с платформой «Добро.РФ», и с порталом «Решаем вместе, голосование»: трое из четырех опрошенных молодых уральцев (75%), использующих сервис «Госуслуги» для реализации своей гражданской активности, осведомле-

ны о возможностях федеральной волонтерской площадки. При этом в сфере медиаволонтерства оказались особенно субъектны те молодые люди и девушки, кто находится на начальном этапе развития своей профессиональной карьеры. Однако именно эта группа молодежи реже всего вовлечена в медиаволонтерство, она является потенциальным социальным капиталом для развития данного вида добровольчества. Для этого требуется организация адресной информационной работы, направленной на привлечение работающей молодежи в сферу медиаволонтерства.

Библиографический список

1. *Рогачев С. В., Горлов К. Н.* Социальная консолидация в современном городе в условиях развития цифровых коммуникаций // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 75–84. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.6). EDN [QJTZJA](https://www.edn.ru/entry/1019181nko20222846).
2. *Молчанов С. В., Алмазова О. В., Поскребышева Н. Н.* Представления о волонтерской деятельности у современной молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 4(40). С. 125–136. DOI [10.11621/npj.2020.0410](https://doi.org/10.11621/npj.2020.0410). EDN [JWLLTR](https://www.edn.ru/entry/1011621npj20200410).
3. *Мерсиянова И. В., Брюхно А. С.* Цифровые волонтерские платформы: готовность россиян и потенциал применения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6(160). С. 357–375. DOI [10.14515/monitoring.2020.6.1732](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1732). EDN [GHDPB](https://www.edn.ru/entry/1014515monitoring202061732).
4. *Hustinx L., Lammertyn F.* Collective and reflexive styles of volunteering: A sociological modernization perspective // *Voluntas*. 2003. Vol. 14, No. 2. P. 167–187. DOI [10.1023/A:1023948027200](https://doi.org/10.1023/A:1023948027200). EDN [EQNOEB](https://www.edn.ru/entry/101023A1023948027200).
5. *Seddighi H., Salmani I.* Online volunteering, a way to reduce health inequalities: a review study // *Journal of Community Health Research*. 2018. Vol. 7, No. 4. P. 256–264. DOI [10.18502/jchr.v7i4.273](https://doi.org/10.18502/jchr.v7i4.273).
6. *Ackermann K., Manatschal A.* Online volunteering as a means to overcome unequal participation? The profiles of online and offline volunteers compared // *New Media & Society*. 2018. Vol. 20, No. 12. P. 4453–4472. DOI [10.1177/1461444818775698](https://doi.org/10.1177/1461444818775698).
7. *Башева О. А., Ермолаева П. О.* Цифровизация деятельности российских волонтеров в чрезвычайных ситуациях: влияние пандемии или самостоятельный тренд развития? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6(160). С. 376–402. DOI [10.14515/monitoring.2020.6.1746](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1746). EDN [SGOVRT](https://www.edn.ru/entry/1014515monitoring202061746).
8. Социальное участие молодежи в развитии городов: методологические идеи, методические подходы и опыт исследования конструктивных практик / М. В. Певная, Е. А. Шуклина, Т. Ю. Быстрова [и др.]. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2020. 244 с. ISBN 978-5-7996-3170-3. EDN [CSSKGD](https://www.edn.ru/entry/10178531994563920216153184).
9. *Dunas D. V., Vartanov S. A.* Emerging digital media culture in Russia: modeling the media consumption of Generation Z // *Journal of Multicultural Discourses*. 2020. Vol. 15, No. 2. P. 186–203. DOI [10.1080/17447143.2020.1751648](https://doi.org/10.1080/17447143.2020.1751648). EDN [TTOZMA](https://www.edn.ru/entry/1010801744714320201751648).
10. *Зеер Э. Ф., Церковникова Н. Г., Третьякова В. С.* Цифровое поколение в контексте прогнозирования профессионального будущего // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 6. С. 153–184. DOI [10.17853/1994-5639-2021-6-153-184](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-6-153-184). EDN [NDPSAT](https://www.edn.ru/entry/10178531994563920216153184).
11. *Дядык Н. Г.* Смыслжизненные ориентиры студенческой молодежи цифрового поколения // Социум и власть. 2022. № 4(94). С. 26–35. DOI [10.22394/1996-0522-2022-4-26-35](https://doi.org/10.22394/1996-0522-2022-4-26-35). EDN [BHKVRZ](https://www.edn.ru/entry/102239419960522202242635).
12. *Аношкин И. В., Сычев О. А.* Связь семейных ценностей молодежи с гедонизмом и эвдемонией // Образование и наука. 2019. Т. 21, № 8. С. 90–111. DOI [10.17853/1994-5639-2019-8-90-111](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-90-111). EDN [MDGLQZ](https://www.edn.ru/entry/1017853199456392019890111).
13. *Apdillah D., Panjaitan Kh., Stefanny N. T. P. [et al.].* The global competition in the digital society 5.0 era: The challenges of the younger generation // *Journal of Humanities, Social Sciences and Business*. 2022. Vol. 1, No. 3. P. 75–80. DOI [10.55047/jhssb.v1i3.151](https://doi.org/10.55047/jhssb.v1i3.151). EDN [IQSPAW](https://www.edn.ru/entry/1055047jhssbv1i3151).
14. *Зинурова Р. И., Никитина Т. Н., Фатхуллина Л. З.* Социальные практики и социально-психологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 146–158. DOI [10.17223/15617793/476/16](https://doi.org/10.17223/15617793/476/16). EDN [WNOHVA](https://www.edn.ru/entry/10172231561779347616).

15. Усов В. Н., Бурицев С. А., Миронов А. С. Социальные последствия изменения досуговых предпочтений современной молодежи: от активных форм отдыха к онлайн-развлечениям // Социология. 2023. № 4. С. 204–211. EDN [WDIKON](#).
16. Беллева Л. А., Зеленев И. А., Прохода В. А. Добровольчество в России: история развития и современные установки молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21, № 4. С. 825–838. DOI [10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838](#). EDN [WBYMHU](#).
17. Кульминская А. В. Добровольчество в сети Интернет: проблемы идентификации // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 5(62). С. 169–178. DOI [10.26105/SSPU.2019.62.5.016](#). EDN [FZFYSW](#).
18. Boulianne S., Theocharis Y. Young people, digital media, and engagement: A meta-analysis of research // Social Science Computer Review. 2020. Vol. 38, No. 2. P. 111–127. DOI [10.1177/0894439318814190](#).
19. Мерзляков А. А. Концептуальные основания исследования субъектности населения // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 33–47. DOI [10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-3](#). EDN [AFSHKS](#).
20. Alony I., Haski-Leventhal D., Lockstone-Binney L. [et al.]. Online volunteering at DigiVol: an innovative crowd-sourcing approach for heritage tourism artefacts preservation // Journal of Heritage Tourism. 2020. Vol. 15, No. 1. P. 14–26. DOI [10.1080/1743873X.2018.1557665](#).
21. Saura J. R., Palos-Sanchez P., Velicia-Martin F. What drives volunteers to accept a digital platform that supports NGO projects? // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11, Art. 429. DOI [10.3389/fpsyg.2020.00429](#).
22. Зубок Ю. А., Березутский Ю. В. Социальная активность молодежи: мировоззренческие основания саморегуляции // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2. С. 89–105. DOI [10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105](#). EDN [UOMSPG](#).
23. Молчанов С. В., Алмазова О. В., Поскребышева Н. Н. Отношение к цифровому волонтерству российской молодежи // International Journal of Open Information Technologies. 2021. Т. 9, № 12. С. 83–89. EDN [SWKOJP](#).
24. Trautwein S., Liberatore F., Lindenmeier J. [et al.]. Satisfaction with informal volunteering during the COVID-19 crisis: An empirical study considering a Swiss online volunteering platform // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. 2020. Vol. 49, No. 6. P. 1142–1151. DOI [10.1177/0899764020964595](#).
25. Carlsen H. B., Toubøl J., Brincker B. On solidarity and volunteering during the COVID-19 crisis in Denmark: the impact of social networks and social media groups on the distribution of support // European Societies. 2021. Vol. 23, Sup. 1. P. S122–S140. DOI [10.1080/14616696.2020.1818270](#).
26. Смирнов В. А. Онлайн-сообщества российских волонтеров (на примере социальной сети ВКонтакте) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. Т. 25, № 3. С. 71–93. DOI [10.24290/1029-3736-2019-25-3-90-111](#). EDN [PMXDEJ](#).
27. Naqshbandi K. Z., Liu C., Taylor S. [et al.]. «I am most grateful.» Using gratitude to improve the sense of relatedness and motivation for online volunteerism // International Journal of Human–Computer Interaction. 2020. Vol. 36, No. 14. P. 1325–1341. DOI [10.1080/10447318.2020.1746061](#).
28. Краснополская И. И., Гусева П. Д., Мейс Л. [и др.]. Факторы удовлетворенности эпизодических волонтеров // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2(168). С. 384–408. DOI [10.14515/monitoring.2022.2.2113](#). EDN [RCYDOR](#).
29. Занятость молодежи в мотивационном и структурном измерении / И. В. Батыков, А. В. Батыкова, А. В. Быков [и др.] // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2017. № 2. С. 1–129. DOI [10.19181/inab.2017.2](#). EDN [YIJOXV](#).
30. Мерзляков А. А. Проблема субъектности в социологии управления // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6, № 4(24). С. 95–104. DOI [10.19181/snsp.2018.6.4.6087](#). EDN [YQJUNZ](#).
31. Социология управления: стратегии, процедуры и результаты исследований / А. В. Тихонов, В. А. Шилова, Е. М. Акимкин [и др.]. М.: Канон+, 2010. 607 с. ISBN 978-5-89697-166-5. EDN [RVXDRD](#).

Поступила: 10.05.2024. Принята: 27.05.2024.

Сведения об авторах:

Певная Мария Владимировна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Екатеринбург, Россия. m.v.pevnaya@urfu.ru
Author ID РИНЦ: 594823; ORCID: 0000-0003-3591-1181

Минченко Дарья Вячеславовна, ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия.

minchenkodarya@yandex.ru
Author ID РИНЦ: 1160222

Початкова Екатерина Ивановна, магистрант Института экономики и управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Екатеринбург, Россия. pochatkova.ekaterina@gmail.com
Author ID РИНЦ: 1215536

M. V. Pevnaya¹, D. V. Minchenko¹, E. I. Pochatkova¹
¹ Ural Federal University. Ekaterinburg, Russia

MANAGEABILITY OF YOUTH MEDIA VOLUNTEERING: CHARACTERISTICS OF ACTIVITY AND ORGANIZATIONAL CONDITIONS

Abstract. The article is devoted to the study of the experience of young Russians in media volunteering, with the objective of identifying the potential of this type of prosocial activity and determining the conditions for its expansion among youth. The analysis of scientific literature and the results of a sociological survey of youth in the Sverdlovsk region aged 14 to 35 years enabled us to identify the factors and characteristics that facilitate the activation of the subjectivity of the youth in media volunteer initiatives. It was found that in order to increase the manageability of digital volunteering among youth, potential media volunteers must understand the value of their activities in the media. It is necessary to expand interaction not only between the organizers of volunteer activities and volunteers, but also between volunteers and beneficiaries. This condition is also connected with the need to broadcast in the public space both the initiatives themselves and the qualitative changes in the lives of beneficiaries that have occurred thanks to the help of media volunteers. The next important element is the choice of communication channel with potential volunteers. Social networks and online platforms are the most convenient and easy to use for both the organizers and the volunteers themselves. It has been demonstrated that if modern youth possess fundamental digital literacy skills, the primary motivation for participation in media volunteer initiatives among young Ural residents is the prospect of acquiring new knowledge and skills for their professional development. The study indicated that for the effective management of this type of volunteering, a supportive digital environment, which is currently being established in our country through the implementation of federal digital platforms, is crucial. Young Russians are well acquainted with both the “Dobro.RF” online platform and the online portal “We decide to”. The results obtained can be used by organizers of social projects in the non-profit sector to improve the efficiency of recruiting young volunteers and expand their functionality.

Keywords: manageability, media volunteering, youth, volunteering, organizational conditions, subjectivity of youth

For citation: Pevnaya M. V., Minchenko D. V., Pochatkova E. I. Manageability of youth media volunteering: characteristics of activity and organizational conditions. *Science. Culture. Society*. 2024;30(2):99–115. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.7>

References

1. Rogachev S. V., Gorlov K. N. Social consolidation in the modern city in the development of digital communications. *Science. Culture. Society*. 2022;28(4):75–84. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.4.6](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.6).
2. Molchanov S. V., Almazova O. V., Poskrebysheva N. N. Ideas about volunteering among modern youth. *National Psychological Journal*. 2020;(4):125–136. (In Russ.). DOI [10.11621/npj.2020.0410](https://doi.org/10.11621/npj.2020.0410).
3. Mersianova I. V., Briukhno A. S. Digital volunteer platforms: Russians' willingness to use them and application potential. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(6):357–375. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.6.1732](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1732).
4. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and reflexive styles of volunteering: A sociological modernization perspective. *Voluntas*. 2003;14(2):167–187. DOI [10.1023/A:1023948027200](https://doi.org/10.1023/A:1023948027200).
5. Seddighi H., Salmani I. Online volunteering, a way to reduce health inequalities: a review study. *Journal of Community Health Research*. 2018;7(4):256–264. DOI [10.18502/jchr.v7i4.273](https://doi.org/10.18502/jchr.v7i4.273).
6. Ackermann K., Manatschal A. Online volunteering as a means to overcome unequal participation? The profiles of online and offline volunteers compared. *New Media & Society*. 2018;20(12):4453–4472. DOI [10.1177/1461444818775698](https://doi.org/10.1177/1461444818775698).
7. Basheva O. A., Ermolaeva P. O. Digitalization of the Russian emergency volunteers' activities: a pandemic impact or an independent development trend? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(6):376–402. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2020.6.1746](https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1746).
8. Pevnaya M. V., Shuklina E. A., Bystrova T. Yu. [et al.]. Social participation of youth in urban development: methodological ideas, methodological approaches and experience in researching constructive practices. Ekaterinburg: Ural University Press; 2020. (In Russ.). ISBN 978-5-7996-3170-3.
9. Dunas D. V., Vartanov S. A. Emerging digital media culture in Russia: modeling the media consumption of Generation Z. *Journal of Multicultural Discourses*. 2020;15(2):186–203. DOI [10.1080/17447143.2020.1751648](https://doi.org/10.1080/17447143.2020.1751648).
10. Zeer E. F., Tserkovnikova N. G., Tretyakova V. S. Digital generation in the context of predicting the professional future. *The Education and Science Journal*. 2021;23(6):153–184. (In Russ.). DOI [10.17853/1994-5639-2021-6-153-184](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-6-153-184).
11. Dyadyk N. G. Meaningful life guidelines for college kids of the digital generation. *Society and Power*. 2022;(4):26–35. (In Russ.). DOI [10.22394/1996-0522-2022-4-26-35](https://doi.org/10.22394/1996-0522-2022-4-26-35).
12. Anoshkin I. V., Sychev O. A. The relationship of youth family values with hedonism and eudemonia. *The Education and Science Journal*. 2019;21(8):90–111. (In Russ.). DOI [10.17853/1994-5639-2019-8-90-111](https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-8-90-111).
13. Apdillah D., Panjaitan Kh., Stefanny N. T. P. [et al.]. The global competition in the digital society 5.0 era: The challenges of the younger generation. *Journal of Humanities, Social Sciences and Business*. 2022;1(3):75–80. DOI [10.55047/jhssb.v1i3.151](https://doi.org/10.55047/jhssb.v1i3.151).
14. Zinurova R. I., Nikitina T. N., Fatkhullina L. Z. Social practices and socio-psychological characteristics of generation Z (based on the results of focus group research). *Tomsk State University Journal*. 2022;(476):146–158. (In Russ.). DOI [10.17223/15617793/476/16](https://doi.org/10.17223/15617793/476/16).
15. Usov V. N., Burtsev S. A., Mironov A. S. Social consequences of changing leisure preferences of modern youth: from active forms of recreation to online entertainment. *Sociology*. 2023;(4):204–211. (In Russ.).
16. Belyaeva L. A., Zelenev I. A., Prokhoda V. A. Volunteering in Russia: history and attitudes of the contemporary youth. *RUDN Journal of Sociology*. 2021;21(4):825–838. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-4-825-838).
17. Kulminskaya A. V. Volunteering in the Internet: identification problems. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2019;(5):169–178. (In Russ.). DOI [10.26105/SSPU.2019.62.5.016](https://doi.org/10.26105/SSPU.2019.62.5.016).
18. Boulianne S., Theocharis Y. Young people, digital media, and engagement: A meta-analysis of research. *Social Science Computer Review*. 2020;38(2):111–127. DOI [10.1177/0894439318814190](https://doi.org/10.1177/0894439318814190).
19. Merzlyakov A. A. Conceptual foundations for the study of the population subjectivity. Research result. *Sociology and Management*. 2021;7(4):33–47. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-3).

20. Alony I., Haski-Leventhal D., Lockstone-Binney L. [et al.]. Online volunteering at DigiVol: an innovative crowd-sourcing approach for heritage tourism artefacts preservation. *Journal of Heritage Tourism*. 2020;15(1):14–26. DOI [10.1080/1743873X.2018.1557665](https://doi.org/10.1080/1743873X.2018.1557665).
21. Saura J. R., Palos-Sanchez P., Velicia-Martin F. What drives volunteers to accept a digital platform that supports NGO projects? *Frontiers in Psychology*. 2020;11:429. DOI [10.3389/fpsyg.2020.00429](https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00429).
22. Zubok Yu. A., Berezutskiy Yu. V. Social activity of youth: ideological foundations of self-regulations. *Power and administration in the East of Russia*. 2020;(2):89–105. (In Russ.). DOI [10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105](https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-91-2-89-105).
23. Molchanov S. V., Almazova O. V., Poskrebysheva N. N. Digital volunteering attitude in adolescence and youth. *International Journal of Open Information Technologies*. 2021;9(12):83–89. (In Russ.).
24. Trautwein S., Liberatore F., Lindenmeier J. [et al.]. Satisfaction with informal volunteering during the COVID-19 crisis: An empirical study considering a Swiss online volunteering platform. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2020;49(6):1142–1151. DOI [10.1177/0899764020964595](https://doi.org/10.1177/0899764020964595).
25. Carlsen H. B., Toubøl J., Brincker B. On solidarity and volunteering during the COVID-19 crisis in Denmark: the impact of social networks and social media groups on the distribution of support. *European Societies*. 2021;23(Sup. 1):S122–S140. DOI [10.1080/14616696.2020.1818270](https://doi.org/10.1080/14616696.2020.1818270).
26. Smirnov V. A. Online community of Russian volunteers (on the example of social network VKontakte). *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2019;25(3):71–93. (In Russ.). DOI [10.24290/1029-3736-2019-25-3-90-111](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2019-25-3-90-111).
27. Naqshbandi K. Z., Liu C., Taylor S. [et al.]. «I am most grateful.» Using gratitude to improve the sense of relatedness and motivation for online volunteerism. *International Journal of Human–Computer Interaction*. 2020;36(14):1325–1341. DOI [10.1080/10447318.2020.1746061](https://doi.org/10.1080/10447318.2020.1746061).
28. Krasnopolskaya I. I., Guseva P. D., Meijs L. [et al.]. Determinants of the Episodic Volunteer Satisfaction. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2022;(2):384–408. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2022.2.2113](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.2113).
29. Batykov I. V., Batykova A. V., Bykov A. V. [et al.]. Youth employment in the motivational and structural dimensions. *Information and Analytical Bulletin of the Institute of Sociology FCTAS RAS*. 2017;(2):1–129. (In Russ.). DOI [10.19181/inab.2017.2](https://doi.org/10.19181/inab.2017.2).
30. Merzlykov A. A. The problem of subjectivity in the sociology of management. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2018;6(4):95–104. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2018.6.4.6087](https://doi.org/10.19181/snsp.2018.6.4.6087).
31. Tikhonov A. V., Shilova V. A., Akimkin E. M. [et al.]. Sociology of management: strategies, procedures and research findings. Moscow: Kanon+; 2010. ISBN 978-5-89697-166-5.

Received: 10.05.2024. Accepted: 27.05.2024.

Information about the authors:

Maria V. Pevnaya, Doctor of Sociological Science, Head of the Department of Sociology and Public and Municipal Administration, Ural Federal University. Ekaterinburg, Russia.

m.v.pevnaya@urfu.ru

ORCID: [0000-0003-3591-1181](https://orcid.org/0000-0003-3591-1181)

Darya V. Minchenko, Assistant of the Department of Sociology and Public and Municipal Administration, Ural Federal University. Ekaterinburg, Russia. minchenkodarya@yandex.ru

Ekaterina I. Pochatkova, Student of the Graduate School of Economics and Management, Ural Federal University. Ekaterinburg, Russia. pochatkova.ekaterina@gmail.com

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.8)
EDN [IPRGSW](https://edn.iprgsw.ru/)
УДК 316.334.52:316.77

В. А. Шилова¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ СТИЛЬ КАК ИНДИКАТОР ХАРАКТЕРА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. В статье представлен анализ восприятия респондентами стиля регионального управления как индикатора, оценивающего характер взаимодействия региональных органов власти и населения. Для этого были выделены и проанализированы шесть стилей управления: авторитарный, коллегиальный, демократический, либеральный, клановый и неопределённый (смешанный). На основе вторичной концептуализации эмпирических данных, полученных в 2019–2020 гг. в 12 регионах РФ методом массового опроса, автором было проведено исследование по определению связи оценки стиля управления с обеспокоенностью недостатками региональной управленческой системы и оценками работы вертикали власти от федерального до локального уровней. Выявлен ряд закономерностей, на основе которых сделаны выводы о том, что при демократическом и коллегиальном стиле управления в регионах выстраивается более гармоничная система взаимодействия «органы власти – население», что влечёт за собой ряд положительных моментов, связанных с понижением степени обеспокоенности населения недостатками системы управления и повышением оценок результата деятельности властно-управленческой вертикали. При авторитарном и клановом стиле, наоборот, в системе взаимодействия «органы власти – население» возникают деструктивные факторы, которые приводят к повышению обеспокоенности, как в целом, так и по отдельным недостаткам управления, а также снижают оценки населением результата работы таких органов власти, как Правительство РФ, администрация территориального поселения, органы местного самоуправления.

Ключевые слова: управленческий стиль, региональная система управления, взаимодействие органов управления и населения, недостатки управления, оценка работы органов управления

Для цитирования: Шилова В. А. Управленческий стиль как индикатор характера взаимодействия региональных органов власти и населения // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 2. С. 116–132. DOI [10.19181/nko.2024.30.2.8](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.8). EDN [IPRGSW](https://edn.iprgsw.ru/).

Благодарность: Статья выполнена в рамках реализации государственного задания ИС ФНИСЦ РАН на тему «Унификация и разнообразие в пространственном развитии России (социально-экономические и социокультурные процессы)».

Введение. Актуальность проблемы. Размышляя о социоэкономических и социокультурных региональных неравенствах в русле антропосоциетального подхода, В. И. Демьяненко [1] обращает внимание на значимый вклад, вносимый автором подхода Н. И. Лапиным [2], его коллегами и последователями в исследования территориальных дифференциаций, с чем мы полностью согласны. В. И. Демьяненко делает акцент на том, что в процессе выравнивания межрегиональных неравенств отдельные природные, экономические, инфраструктурные, социокультурные отличия регионов могут выступать в качестве как стратегически значимых преимуществ, так и барьеров их развития. Мы ранее

также приходили к аналогичному заключению при рассмотрении неравенства региональных территорий и необходимости выделения классификационных оснований, факторов, детерминирующих это неравенство. На базе принципов экоантропоцентрической парадигмы (человекосредового подхода, предложенного Т. М. Дридзе) нами делался вывод о важности «факторов, которые тем или иным образом влияют на современное состояние ключевых характеристик комфортности среды обитания человека и возможностей реализовывать ими свои потребности (от базовых до потребностей самовыражения)» [3].

В данной статье мы предпринимаем попытку рассмотреть управленческий стиль региональных органов власти как потенциальный драйвер и как преграду в развитии региона.

Ж. Т. Тощенко отмечает, с одной стороны, глубокую проработанность понятия «стиль руководства» в теоретических работах исследователей управления и в то же время указывает на недостаточную валидность и разработанность верифицированных критериев его оценки [4].

Изначально стиль управления трактовался как индивидуальная, уникальная манера поведения, направленная на регулирование и воздействие на других людей. В зависимости от того, как рассматривался характер этого взаимодействия, на каких факторах, детерминирующих этот процесс, фокусировалось исследовательское внимание, мы можем выделить следующие ключевые концепции, в которых по-разному интерпретируется управленческая деятельность и стили управления. Прежде всего, это теория рационализации Ф. Тейлора, в которой акцент делался на научных принципах управления, а деятельность руководителя переставала носить только технический характер, но требовала вмешательства в социальные процессы [5]; и административная теория А. Файоля, выделившего пять функций руководителя (планирование, организация, координация, командование, контроль) и четырнадцать принципов, которыми должен руководствоваться управленец [6].

Необходимо отметить теорию «человеческих отношений» и концепцию М. Фоллетт, которая выступила против осуществления руководства с позиции силы, и предложила выработку «совместной власти» («непринуждающей власти») [7]. Своими работами Э. Мэйо и М. Фоллетт заложили переход от бюрократической формы управления к внедрению метода обращения с работником как «социально-психологическим» существом, в результате чего произошёл сдвиг в управленческом стиле от принципов жёсткой иерархической подчинённости к принципам коллегиальности [8]. Внесли свой вклад в развитие представлений об управленческих стилях иерархическая теория потребностей А. Маслоу и двухфакторная теория мотивации Ф. Герцберга.

Важным моментом в дискурсе об управленческих стилях стало появление теории стилей Д. Макгрегора и «шкалы руководства» Р. Танненбаума и У. Шмидта. В своих работах Д. Макгрегор описал авторитарный и демократический стили управления, обосновывал два типа менеджмента, связав их с двумя теориями Х и Y. Теория Х предполагает, что в массе своей люди не любят трудиться и избегают работы, поэтому руководитель, чтобы организовать их, должен прибегать к жёстким мерам управления; теория Y утверждает, что, наоборот, люди включаются в работу легко, подобно отдыху или игре, и соответственно, чтобы им дать раскрыться, необходим такой тип управления, который будет их стимулировать [9].

Р. Танненбаум и У. Шмидт проранжировали все многообразие стилей и получили своего рода «шкалу руководства» – между авторитарным стилем, мак-

симально жёстким, когда лидер принимает решение сам и сообщает о нем, и демократическим, максимально мягким, где лидер только определяет условия, по которым его подчинённые могут принимать решения, они расположили ещё пять вариантов различных стилей, которые характеризуются тем, что лидер убеждает подчинённых принять решение; выдвигает решения и предлагает обсудить; изучает предложения подчинённых и на основе их принимает решение; определяет условия и предлагает принять под его руководством групповое решение. Авторами также были выделены три ключевых фактора, определяющих стиль управления: 1) индивидуальные характеристики руководителя, ценностные ориентиры, степень доверия сотрудникам, индивидуальные предпочтения в области руководства; 2) поведенческие характеристики подчинённых, уровень их независимости и готовности принимать решения, степень ответственности и заинтересованности, понимание ключевых целей организации, профессиональные навыки, опыт участия в принятии решений; 3) ситуационные факторы: тип организации, особенности организационной культуры, жизненный цикл, эффективность рабочей группы, характер проблемы и ограниченность во времени [10].

К. Левин (бихевиористский подход) выделял три основных стиля руководства – авторитарный, демократический и пассивный (либеральный). Он связывал авторитарный стиль с удержанием власти в одних руках, с абсолютным правом руководителя устанавливать цели и выбирать средства, и направленностью коммуникативных потоков сверху вниз. Демократический стиль он описал, как делегирование полномочий и удержание только ключевых позиций, разделение принятия управленческих решений на разные уровни, в зависимости от степени участия, двухстороннюю коммуникацию. По К. Левину, для пассивного (либерального) стиля свойственно снятие лидером с себя ответственности в пользу группы, представление возможности самоуправления в желаемом группой объёме, развитие горизонтальных коммуникативных связей [11].

Р. Лайкерт выделил и описал четыре стиля руководства: эксплуататорско-авторитарный, патерналистски-авторитарный, консультативный и демократический. Важным аспектом в определении стиля Р. Лайкертом, помимо ранее применяемых критериев, стал характер основного стимула, который использует руководитель для продвижения управленческого решения. В эксплуататорско-авторитарном стиле – это наказание и случайные вознаграждения, в патерналистски-авторитарном – вознаграждения и потенциальное наказание, в консультативном для мотивации используется включение работников в принятие управленческих решений, а демократический стиль отличается частичным делегированием управленческих функций [12]. Похожая классификация использована П. Херси и К. Бланшаром в модели ситуационного лидерства, в которой авторы выделяют директивный, убеждающий, участвующий и делегирующий стили [13].

Необходимо отметить, что мы заострили внимание только на ключевых теориях, раскрытие которых позволяет проследить, как, в зависимости от интерпретации управленческой деятельности, менялась концептуализация понятия «стиль руководителя».

В данной статье мы делаем попытку рассмотреть управленческий стиль как составляющую организационной культуры органов государственной и муниципальной власти, с одной стороны, и как одну из значимых характеристик коммуникативной системы регионального управления – с другой.

Под организационной культурой органов государственной и муниципальной власти мы, вслед за Е. А. Минковой, будем понимать «совокупность формаль-

ных и неформальных правил и норм поведения, установок и ценностей, обычаев и традиций государственных и муниципальных служащих, стиля руководства, показателей удовлетворённости государственных и муниципальных служащих условиями труда, уровня их взаимного сотрудничества и совместимости в рамках реализации полномочий и перспектив развития государственных и муниципальных органов» [14, с. 66].

Под коммуникативными системами управления мы понимаем совокупность коммуникативных практик, которые воспроизводятся благодаря совокупности норм и правил, регламентирующих их, и направленных на воспроизводство самой системы управления. Коммуникативная система управления существует и развивается благодаря воспроизводству обменных процессов передачи и интерпретации информации и воплощается в определённых структурах, элементами которых могут выступать: субъекты коммуникации – коммуникаторы и коммуниканты; передаваемая информация – текстовые сообщения; коммуникативные средства, при помощи которых создаётся контент; каналы связи, при помощи которых передаётся информация; статусные иерархии; коммуникативные роли, управленческие стили, коммуникативные стратегии и т.д.

Вслед за А. В. Тихоновым, который обозначал стиль управления как субкультурное понятие, характеризующее «микросреду персонифицированной управленческой деятельности, результат лично окрашенного сочетания методов и приёмов, реально применяемых руководителем в процессе подготовки, принятия и реализации решений» [15], под региональным стилем управления мы понимаем практическое воплощение разнообразных качеств руководителя, связанных с ними ценностей, действий, интересов, а также его мотивов, которые являются составной частью интенции [16].

То, что коммуникативная система управления как целое и стиль управления как её частная характеристика могут выступать основанием социально-пространственной дифференциации, не вызывает сомнения у исследователей данной области [17; 18]. Более того, ранее уже аргументировалась необходимость в качестве основных факторов, детерминирующих социальное территориальное неравенство, рассматривать в том числе и особенности взаимодействия институциональных акторов на территории региона с населением.

Цель нашей работы – установление связи между восприятием управленческого стиля, который используют органы власти, и характером отношения населения к ней.

Методология, методы и гипотеза исследования. Полученные нами результаты базируются на вторичной концептуализации данных, собранных в ходе репрезентативного массового анкетного опроса методом самозаполнения, проведённого в рамках проекта РНФ № 19-18-003345 под рук. проф. А. В. Тихонова в 2019–2020 годах в 12 субъектах Российской Федерации, отобранных на основе представительности регионов с разными уровнями модернизации (по адаптированной Н. И. Лапиным методике отбора [19]), с группировкой по четырём уровням модернизации: низкий уровень (Брянская и Смоленская области, Республика Калмыкия), ниже среднего (Амурская, Белгородская, Вологодская области), средний (Республика Саха (Якутия), Республика Башкортостан, Омская область), высокий уровень (Московская, Нижегородская, Свердловская области) [20]. Массив данных составил 6021 полевой документ,

в каждом регионе было собрано не менее 500 анкет. Для каждого региона была рассчитана специальная квотная выборка на основе данных Росстата за 2019 год, кроме того учитывался административно-территориальный тип расселения: анкетирование проводилось в региональном центре, средних и малых городах [21].

Работая со вторичной концептуализацией данных, мы предположили, что группы респондентов, по-разному характеризующие стиль регионального управления, должны по-разному оценивать деятельность органов власти. Для проверки данного предположения нами сформулированы следующие гипотезы:

- Степень согласия респондентов со стилем управления в регионе связана с определением ими характера этого стиля.
- Определение респондентом характера стиля управления в регионе связано в той или иной степени с его обеспокоенностью недостатками системы регионального управления.
- Оценка конечных результатов работы органов власти (от федерального до локального), связана с тем, как респондент характеризует управленческий стиль региональных органов власти.

Для проверки наших гипотез мы использовали метод сравнения средних значений, процедуру ANOVA, расчёт мультиномиальной логистической регрессии при помощи статистического пакета IBM SPSS.

Научные результаты и дискуссия. В ходе массового опроса был задан вопрос, сформулированный следующим образом: «Как Вы могли бы охарактеризовать стиль руководства органов власти в Вашем регионе? (отметьте только один ответ)». Респондентам было предложено выбрать один из шести стилей руководства с краткой расшифровкой каждого стиля: 1) авторитарный (преимущественно силовой, единоличный, требующий безусловного подчинения); 2) коллегиальный (все вопросы свободно обсуждаются, а решение принимается единолично); 3) демократический (решения принимаются в итоге свободных обсуждений на основе мнения большинства); 4) либеральный (попустительский, когда признается право личности на любое самовыражение, а итог – как получится); 5) «клановый» (власть находится в руках ограниченного круга лиц, связанных между собой родственными или дружественными отношениями); 6) неопределённый (по-разному, бывает трудно определить). Чаще всего респонденты из представленных выше вариантов выбирали клановый и авторитарный стили (по 21%), на втором месте по частоте упоминаний оказался неопределённый стиль (18%), меньше доля у демократического и коллегиального стилей (по 16%), реже всего респонденты характеризовали стиль управления в регионе как либеральный 7%.

Степень согласия и несогласия респондентов со стилем руководства органов власти и управления в регионе демонстрирует связь с тем, как респонденты характеризуют этот стиль (см. рис. 1). Среди респондентов, охарактеризовавших стиль управления в регионе как демократический, наибольшее число согласных – 40% и 28% – частично согласных с данным подходом к региональному управлению, не согласных 9%; с коллегиальным стилем управления готовы согласиться четверть опрошенных и 32% выражают частичное согласие. С авторитарным стилем согласны всего 12%, частично согласны 31%, не согласны 27%. С клановым стилем регионального управления не согласны более половины респондентов из тех, кто характеризовал его таким образом.

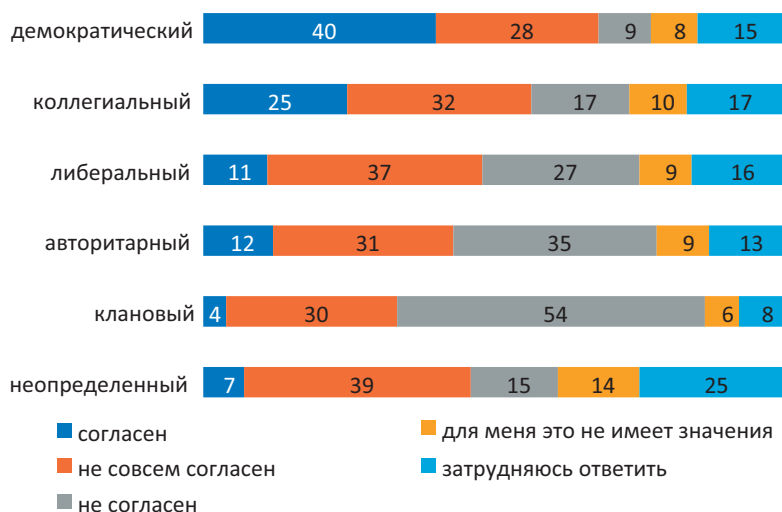

Рисунок 1. Степень согласия со сложившимся в регионе стилем руководства органов власти и управления в зависимости от характеристики стиля, %

Из данных, представленных на рисунке 1, следует, что при интерпретации респондентами стиля регионального управления как демократического или коллегиального степень их согласия со стилем руководства будет выше, нежели если они интерпретируют стиль управления как авторитарный, либеральный, клановый, неопределённый. В последнем случае степень их согласия ниже.

Перейдём к анализу поставленных респондентами оценок в отношении обеспокоенности недостатками, присутствующими в системе управления регионом. Для этого мы рассчитали средний балл по каждому из 15 недостатков, которые было предложено оценить респондентам. Оценки выставлялись по пятибалльной шкале: от высокой степени обеспокоенности (5 баллов) до полного отсутствия обеспокоенности (1 балл). Полученные результаты были наложены на выделенные нами выше шесть стилей управления в регионе. Для этого мы воспользовались сконструированной нами группировкой недостатков системы управления в регионах в зависимости от стиля управления. Такая группировка недостатков системы управления была раскрыта и обоснована в наших более ранних публикациях [22]. Здесь мы будем её использовать для содержательного анализа степени обеспокоенности респондентов и интерпретации полученных результатов. Для сравнения средних значений обеспокоенности в группах респондентов, по-разному характеризующих стиль управления регионом, мы использовали процедуру ANOVA¹ статистического пакета IBM SPSS.

В целом респонденты чаще всего выражали обеспокоенность состоянием коррупции в органах власти, обманом (манипуляцией) со стороны власти с целью сформировать более позитивный образ результатов и истинных причин её деятельности и тем самым ввести в заблуждение как вышестоящее руководство, так и население, кумовством и формальным отношением к делу (Табл. 1). Среднюю обеспокоенность вызывала у респондентов непрозрачность, закрытость власти, её низкий уровень профессионализма и компетентности, излишняя бюрократизация и консерватизм в принятии решений. Менее всего респонденты обеспокоены

¹ Процедура дисперсионного анализа (ANOVA) позволяет определить, являются ли различия средних значений между группами случайными или значимыми.

Таблица 1

Обеспокоенность недостатками системы управления по группам респондентов с разной характеристикой стиля руководства в регионе, средний балл

№	Классификационное основание	Недостатки системы управления	Характеристики стиля управления регионом					
			АВ ²	КЛ	ДЕМ	КОЛ	ЛИБ	Н
1	Коррупция	Случаи использования ресурсов региона в групповых и личных интересах	3,9* ³	3,98	3,47*	3,62*	3,53*	3,51*
		Изобретение схем, позволяющих чиновнику получать дополнительный доход (ренту)	3,94*	3,88	3,56*	3,57*	3,54*	3,58*
2	Обман (манипуляция)	Несоответствие действий руководителей их публичным выступлениям	3,81*	3,96*	3,52*	3,64*	3,56*	3,64*
		Ориентация руководства не на прорывные проекты, а на имитацию активности	3,78*	3,91	3,52*	3,61*	3,44*	3,6*
3	Клановость (кумовство)	Подбор руководящих кадров не по деловым качествам, а по личной преданности	3,81*	3,91	3,54*	3,62*	3,55*	3,58*
		Склонность к превращению органов власти в «междусобойчик»	3,7*	3,9*	3,35*	3,46*	3,44*	3,5*
4	Формализм	Ориентация не на проблемы, а на отчётность	3,74*	3,91*	3,44*	3,55*	3,57	3,66
5	Непрозрачность (закрытость)	Всяческое уклонение администрации от контроля со стороны населения	3,68*	3,79	3,41*	3,45*	3,45*	3,41*
		Отсутствие понятных населению стратегических целей и конкретных задач	3,54*	3,68	3,28*	3,35*	3,3*	3,37*
6	Низкий профессионализм	Неполное соответствие компетенций руководителей решению «прорывного» типа задач	3,63*	3,65	3,32*	3,36*	3,44	3,33*
7	Излишняя бюрократия, консерватизм	Наличие лишних управленческих звеньев	3,51*	3,67*	3,24*	3,29*	3,3	3,4
		Удручающий консерватизм, уклонение от принятия новаторских решений	3,53*	3,55	3,22*	3,35*	3,27*	3,3*
8	Управленческий стиль	Неприятие руководством каких-либо конструктивных инициатив снизу	3,47*	3,57	3,3*	3,28*	3,39	3,32*
		Силовое администрирование в ущерб творческой самоорганизации коллективов	3,46*	3,51	3,28*	3,23*	3,36	3,22*
		Увлечение органов власти западным опытом менеджмента	3,35*	3,32	3,17*	3,07*	3,12	3*

Примечание: * – средние статистически значимо различаются (ANOVA, критерии Тамхена⁴, $p < 0,05^5$).

² В таблице использованы следующие сокращения: АВ – авторитарный, КЛ – клановый, ДЕМ – демократический, КОЛ – коллегияльный, ЛИБ – либеральный, Н – неопределённый стили управления.

³ Для удобства восприятия данных, оранжевым цветом выделены более высокие значения показателей обеспокоенности недостатками системы управления, синим – средние, зелёным – более низкие.

⁴ Используются для проверки гипотез о статистически значимой разнице средних значений в различных группах.

⁵ Если уровень значимости меньше 0,05, то различия статистически значимы, если больше – средние статистически значимо не различаются.

особенностями управленческого стиля (Табл. 1), который может выражаться в излишнем силовом администрировании, высокой степени увлечённости западным опытом (слепом копировании международных стандартов менеджмента без учёта национальных особенностей), игнорировании инициатив снизу.

Из таблицы 1 следует, что среди респондентов, определивших для себя стиль управления в регионе, в котором он проживает, как авторитарный или клановый, уровень обеспокоенности недостатками региональной системы управления выше, чем среди тех респондентов, которые определяли такой стиль управления как демократический, коллегиальный, либеральный или неопределённый.

Приведём несколько примеров. Беспокойство по поводу случаев использования ресурсов региона в групповых и личных интересах и изобретения схем, позволяющих чиновнику получать дополнительный доход (ренту), выше оценивалось (3,9 и 3,94) респондентами, определившими стиль управления, как авторитарный, и ниже, если стиль управления определялся как демократический (3,47 и 3,56), коллегиальный (3,62 и 3,57), либеральный (3,53 и 3,54) и неопределённый (3,51 и 3,58) (Табл. 1). Аналогичная ситуация с беспокойством, вызываемым уклонением администрации от контроля со стороны населения, отсутствием понятных населению стратегических целей и конкретных задач и удручающим консерватизмом, уклонением от принятия новаторских решений.

Беспокойство по поводу несоответствия действий руководителей их публичным выступлениям и склонности к превращению органов власти в «междусобойчик» выше оценивалось респондентами в тех случаях, когда они характеризовали стиль управления как клановый (3,96 и 3,9) или авторитарный (3,81 и 3,7), и ниже, когда приписывали оставшиеся стили управления – демократический (3,52 и 3,35), коллегиальный (3,64 и 3,46), либеральный (3,56 и 3,44), неопределённый (3,64 и 3,5). Обеспокоенность ориентацией системы управления не на проблемы, а на отчётность выше у респондентов, определивших стиль управления как клановый (3,91) и авторитарный (3,74), ниже, когда стиль характеризовали как коллегиальный (3,55) и демократический (3,44). Аналогичная ситуация с беспокойством по поводу наличия лишних управленческих звеньев (Табл. 1).

Таким образом, респонденты, характеризующие стиль управления в регионе как клановый или авторитарный, чаще выражали своё несогласие с ним и в более высокой степени были обеспокоены управленческими недостатками, предложенными для оценки.

На следующем этапе мы проанализировали оценки, выставленные респондентами в отношении работы органов власти (от федерального до местного уровня).

Из таблицы 2 следует, что работа аппарата Президента России оценивалась респондентами выше, чем работа других органов власти и управления. Респондентами, которые охарактеризовали региональный стиль управления как авторитарный, результат работы аппарата Президента РФ и Правительства РФ оценивался ниже, чем респондентами, которые характеризовали региональный стиль управления как демократический или неопределённый. Аналогичная ситуация в этой группе с оценками аппарата губернатора, администрации территориального поселения, руководящего органа местного самоуправления, они ниже, чем в остальных группах, исключая группу, характеризующую стиль управления как клановый. Таким образом, мы можем сделать вывод, что респонденты, интерпретирующие стиль управления как авторитарный, оценивают ниже не только результат работы региональных и местных органов власти, но и органов власти федерального уровня.

Таблица 2

Оценка конечных результатов работы органов управления по группам респондентов с разной характеристикой стиля руководства в регионе, средний балл

Работа органов управления	АВ ⁶	КЛ	ДЕМ	КОЛ	ЛИБ	Н
Аппарата Президента РФ	3,51* ⁷	3,44	3,90*	3,69	3,79	4,01*
Правительства РФ	2,95*	2,74	3,45*	3,30*	3,09	3,10*
Аппарата губернатора	2,96*	2,73	3,54*	3,33*	3,10	3,18*
Администрации территориального поселения	2,91*	2,63	3,46*	3,31*	2,91	3,10*
Руководящего органа местного самоуправления	2,93*	2,63	3,50*	3,30*	2,95	3,10*

Примечание: * – средние статистически значимо различаются (ANOVA, критерии Тамхена, $p < 0,05$).

На заключительном этапе анализа для проверки гипотез о наличии связи 1) между интерпретацией респондентами управленческих стилей и обеспокоенностью управленческими недостатками, и 2) между интерпретацией респондентами управленческих стилей и оценкой конечного результата деятельности органов власти разных уровней (от федерального до локального) мы используем процедуру мультиномиальной логистической регрессии [23].

Мы выбрали метод регрессионного анализа, так как он позволяет осуществлять поиск связей между одной или несколькими переменными (независимыми) с одной стороны, и зависимой переменной – с другой, что требовалось для проверки выдвинутых нами гипотез. В основе данного метода лежит принцип использования в регрессионной модели неинтервальных переменных (в нашем случае это переменная – интерпретация управленческих стилей). Мультиномиальная регрессия является разновидностью бинарной логистической регрессии, основное её отличие заключается в том, что отношение шансов логарифмируется. При расчёте мультиномиальной логистической регрессии [23] мы исключили из анализа либеральный стиль из-за низкой доли респондентов, характеризующих стиль регионального управления таким образом, и неопределённый стиль – по причине неоднозначности и размытости самого понятия.

Были разработаны две модели. С помощью первой модели мультиномиальной логистической регрессии (см. табл. 3) мы проверяем наличие связи между характеристикой регионального управленческого стиля и обеспокоенностью недостатками региональной системы управления. В качестве зависимой переменной уравнения регрессии выступила переменная «характеристика регионального стиля управления», принимающая одно из четырёх значений: авторитарный, коллегиальный, демократический, клановый. В качестве независимых переменных использованы 15 показателей обеспокоенности различными недостатками системы управления из таблицы 2.

Из-за большой размерности полученных таблиц мы приводим только статистически значимые результаты (см. табл. 3).

⁶ В таблице использованы следующие сокращения: АВ – авторитарный, КЛ – клановый, ДЕМ – демократический, КОЛ – коллегиальный, ЛИБ – либеральный, Н – неопределённый стили управления.

⁷ Для удобства восприятия данных, оранжевым цветом выделены более высокие значения показателей обеспокоенности недостатками системы управления, синим – средние, зелёным – более низкие.

Таблица 3

**Результаты мультиномиальной логистической регрессии, модель 1,
Бета-коэффициенты, значимость и отношение шансов**

Стили	Свободный член	Бета	Значимость	Exp(B) ⁸
Авторитарный	удручающий консерватизм, уклонение от принятия новаторских решений	,175	,021	1,191
	изобретение схем, позволяющих чиновнику получать дополнительный доход (ренту)	,252	,001	1,287
	склонность к превращению органов власти в «междусобойчик»	-,171	,022	,843
Коллегиальный	удручающий консерватизм, уклонение от принятия новаторских решений	,239	,004	1,270
Демократический	склонность к превращению органов власти в «междусобойчик»	-,254	,002	,776
Опорная категория – клановый стиль				

Результаты построения модели показали, что с увеличением обеспокоенности респондента консерватизмом и уклонением органов власти от принятия новаторских решений, а также использованием чиновником теневых схем, позволяющих получать дополнительный доход (ренту), растёт вероятность определения участниками опроса регионального стиля управления как авторитарного. Вместе с тем при акцентировании внимания респондентов на консерватизме и уклонении от принятия новаторских решений растёт вероятность определения стиля управления как коллегиального (в последнем случае Бета-коэффициент даже выше). С увеличением обеспокоенности склонностью к превращению органов власти в «междусобойчик» растёт вероятность характеристики регионального стиля управления как кланового. Этот же показатель обеспокоенности обратной зависимостью связан с вероятностью характеристики стиля руководства как демократического.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что вероятность интерпретации респондентами управленческого стиля как авторитарного связана с их повышенной обеспокоенностью коррумпированностью и излишней бюрократизацией власти. У респондентов, интерпретирующих стиль как коллегиальный, повышена чувствительность к консерватизму и отсутствию новаторских решений, а у интерпретирующих стиль как клановый – повышена чувствительность к закрытости власти.

Вторая модель мультиномиальной логистической регрессии (Табл. 4) проверяет наличие связи характеристик регионального управленческого стиля с оценками результатов работы системы управления (от федерального до местного самоуправления). Зависимой переменной второй модели также выступает характеристика регионального стиля управления, принимающая одно из четырёх значений: авторитарный, коллегиальный, демократический, клановый. В

⁸ В логистической регрессии отношение шансов – это статистический показатель, используемый для количественной оценки силы и направления связи между переменной-предиктором и переменной результата.

качестве независимых переменных во второй модели нами использованы показатели-оценки конечного результата работы двенадцати политических и иных институтов от федерального уровня управления до местного самоуправления (аппарат Президента РФ; Правительство РФ; Государственная Дума; Совет Федерации; судебная система (суд, прокуратура); центральные СМИ (ТВ, радио, печать); отраслевое министерство, с которым связана деятельность респондента; аппарат губернатора региона, где проживает респондент; региональные средства массовой информации; администрация города, посёлка, села, где проживает респондент; руководство органа местного самоуправления в регионе проживания; органы внутренних дел, полиции) с пятибалльной шкалой.

Из-за большой размерности полученных таблиц приведены только статистически значимые результаты (см. табл. 4).

Данные таблицы 4 указывают на то, что при более высоких оценках респондентом результата работы аппарата Президента РФ и работы отраслевого министерства, с которым связана его деятельность, увеличивается вероятность характеристики регионального стиля управления как кланового. Поставленные респондентом более высокие оценки результатов работы Правительства РФ, работы администрации города, посёлка, села, где он проживает, работы руководства органов местного самоуправления повышают вероятность того, что он характеризует региональный стиль управления как коллегиальный или демократический.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в случае интерпретации регионального управленческого стиля как демократического или коллегиального возрастает вероятность того, что респондент выше оценивает конечный результат работы Правительства РФ, Администрации населённого пункта, органов местного самоуправления. Если стиль интерпретируется как клановый, то респонденту свойственно повышение оценки работы аппарата Президента РФ и отраслевых министерств.

В финале нашей работы мы использовали характеристику регионального управленческого стиля как индикатора для оценки региональных рисков роста обеспокоенности недостатками системы управления и негативных оценок работы органов власти и управления с целью проверки эвристического потенциала применения результатов нашего исследования.

Таблица 4

Результаты мультиномиальной логистической регрессии, модель 2,
Бета-коэффициенты, значимость и отношение шансов

Стили	Свободный член	Бета	Значимость	Exp(B)
Коллегиальный	работа аппарата Президента РФ	-,104	,012	,902
	работа Правительства РФ	,133	,008	1,142
	работа администрации города, посёлка, села, где Вы живете	,223	,000	1,250
Демократический	работа Правительства РФ	,142	,006	1,152
	работа отраслевого министерства, с которым связана Ваша деятельность	-,097	,000	,908
	работа администрации города, посёлка, села, где Вы живете	,167	,000	1,182
	руководства органа местного самоуправления в Вашем регионе	,109	,005	1,116
Опорная категория – клановый стиль				

Таблица 5

Регионы, сгруппированные по уровню социокультурной модернизации, в разрезе групп, характеризующих региональный стиль управления, %⁹

Регион	Уровень социокультурной модернизации*	АВ	КЛ	ДЕМ	КОЛ	ЛИБ	Н
Московская область	высокий	21	18	17 ⁹	16	13	16
Нижегородская область	высокий	15	26	15	15	6	23
Свердловская область	высокий	25	11	29	16	6	13
Омская область	средний	38	12	13	14	11	13
Республика Башкортостан	средний	31	16	13	17	4	18
Республика Саха (Якутия)	средний	20	20	10	26	5	20
Амурская область	ниже среднего	13	18	18	26	7	18
Белгородская область	ниже среднего	24	30	14	11	7	15
Вологодская область	ниже среднего	16	17	27	13	7	20
Брянская область	низкий	13	18	17	23	6	22
Республика Калмыкия	низкий	22	50	8	7	2	11
Смоленская область	низкий	13	19	15	13	10	30
<i>По массиву в целом</i>		21	21	16	16	7	18

Примечание: * – уровни социокультурной модернизации по Н. И. Лапину [19].

В таблице 5 приведено распределение интерпретации управленческих стилей в 12 регионах РФ. Мы можем наблюдать, что только в четырёх регионах характер распределения ответов респондентов позволяет нам выделить доминирующий стиль – это Республика Калмыкия и Нижегородская область с клановым стилем управления, Вологодская область с демократическим стилем управления, Республика Саха (Якутия) с коллегиальным стилем управления. В остальных регионах, как правило, таких доминант две. Например, в Амурской и Брянской областях респонденты чаще определяют управленческий стиль как коллегиальный и как демократический, в Белгородской области – как клановый и как авторитарный, в Московской области, – как демократический и как либеральный. В Свердловской области респонденты чаще определяли стиль управления как демократический и как авторитарный, в Омской области – как авторитарный и как либеральный, в Республике Башкортостан – как авторитарный и как коллегиальный, и так далее (см. табл. 5). В Смоленской области доминанты отсутствуют, так как значительная часть респондентов оценивает стиль управления в своём регионе как неопределённый.

Далее мы выделили регионы, в которых чаще, чем в общей выборочной совокупности, респондентами отмечался тот или иной стиль.

Респонденты из Омской, Свердловской, Белгородской областей и Республики Башкортостан чаще, чем в других обследованных регионах, оценивали реги-

⁹ Для удобства интерпретации данных красным цветом выделены показатели, характеризующие выбор респондентом авторитарного и кланового управленческих стилей в региональном разрезе выше среднего показателя по выборочной совокупности в целом, зелёным – показатели выбора демократического и коллегиального стиля в региональном разрезе выше среднего показателя. Соответственно, синим цветом выделены группы, выбравшие либеральный стиль управления с показателями выше среднего, а жёлтым – группы, отметившие неопределённость стиля также с показателями выше, чем по массиву в целом.

ональный управленческий стиль как авторитарный. В Нижегородской и Белгородской областях, а также Республики Калмыкия, чаще можно было встретить в ответах респондентов клановый стиль управления. В Свердловской, Вологодской, Амурской, Московской и Брянской областях оказалась более высокой доля тех, кто охарактеризовал текущий стиль управления как демократический. Управленческий стиль Республики Саха (Якутия), Амурской и Брянской областей и Республики Башкортостан чаще определяли как коллегиальный. Управление Московской, Омской, Смоленской областями чаще называли либеральным. Неопределённый стиль управления чаще приписывался респондентами в Смоленской, Нижегородской, Брянской, Вологодской областям и Республике Саха (Якутия).

Установленная нами связь о характере обеспокоенности респондентов недостатками системы управления и занижением оценок результатов деятельности местных органов власти в связи с интерпретируемыми отдельными стилями, позволяет нам сделать вывод, что регионы, где преобладают демократический, коллегиальный стили управления оказались более благополучными с точки зрения реализации коммуникативной стратегии взаимодействия с населением, по сравнению с теми регионами, где преобладают авторитарный и клановый стили.

Таким образом, Амурская, Брянская, Вологодская, Московская области, Республика Саха (Якутия) – более успешные регионы в нашей логике рассуждения. К менее благополучным мы можем отнести Смоленскую и Нижегородскую области. К регионам, которым требуется уделить особое внимание и скорректировать стиль управления, мы отнесём Белгородскую, Свердловскую, Омскую области, Республики Калмыкию и Башкортостан.

При этом в ходе анализа связи между уровнем социокультурной модернизации региона и характером управленческого стиля нами установлено не было.

Выводы. Сравнительный анализ показателей обеспокоенности недостатками системы управления в разрезе групп респондентов, по-разному интерпретирующих региональный стиль управления, показал, что авторитарный или клановый стили управления связаны с более высоким уровнем обеспокоенности недостатками управления. В случаях, когда стиль управления интерпретируется как демократический и коллегиальный, обеспокоенность респондентов по ряду недостатков снижается. Таким образом, мы можем утверждать, что в тех регионах, где стиль управления характеризуется жителями как авторитарный и клановый, взаимодействие органов власти и управления с населением будет осложнено более высоким уровнем обеспокоенности недостатками системы управления.

Сравнительный анализ средних показателей оценки конечного результата деятельности органов власти разных уровней (от федерального до локального) показал, что в случае, если респонденты интерпретируют стиль управления как клановый, возрастает вероятность того, что они будут ниже оценивать результаты деятельности органов власти на всех уровнях.

Сформулированные нами гипотезы о том, что 1) обеспокоенность респондента недостатками системы регионального управления и 2) оценка работы конечных результатов органов власти (от федерального до локального) связана с тем, как респондент характеризует управленческий стиль региональных органов власти, подтвердились.

Соответственно, выдвинутое нами предположение, о том, что группы ре-

спондентов, по-разному характеризующие стиль регионального управления, должны по-разному относиться к органам власти, оказалось верным. В результате нашего исследования был установлен факт наличия статистически значимой связи между оценкой респондентами работы региональных органов власти и их интерпретацией управленческого стиля в регионе. При этом связи между уровнем социокультурной модернизации региона и характером управленческого стиля органов власти нами не было выявлено.

Таким образом, опираясь на полученные в ходе исследования результаты и выявленные закономерности, мы можем обоснованно выдвинуть предположение методологического характера – вопрос об управленческом стиле региона может выступать индикатором оценки положения дел в регионе. Это положение требует дальнейшей методологической апробации.

Библиографический список

1. Демьяненко В. И. Управление социально-экономическими и социокультурными параметрами региональных неравенств в антропосоциетальной концепции // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 6. С. 142–160. DOI [10.17213/2075-2067-2022-6-142-160](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-6-142-160). EDN [NJT7TXV](https://www.edn.ru/entry/NJT7TXV).
2. Лапин Н. И. Антропосоциетальный подход // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Т. 9, № 3. С. 25–42. EDN [MUKHJV](https://www.edn.ru/entry/MUKHJV).
3. Шилова В. А. Ключевые подходы к выявлению и применению критериев оценки территориальных и социально-территориальных неравенств в региональном разрезе // Социологическая наука и социальная практика. 2022. Т. 10, № 4(40). С. 96–112. DOI [10.19181/snsp.2022.10.4.9285](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9285). EDN [TUPBBS](https://www.edn.ru/entry/TUPBBS).
4. Тощенко Ж. Т. Социология управления : учебник для студентов высших учебных заведений. М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. 298 с. ISBN 978-5-98201-041-4. EDN [QOMWWD](https://www.edn.ru/entry/QOMWWD).
5. Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента / Пер. с англ. А. И. Зак. М. : Контроллинг, 1991. 104 с. ISBN 5-86005-010-0.
6. Файоль А. Общее и промышленное управление / Пер. с фр. Б. В. Бабин-Корень. М. : Контроллинг, 1992. 111 с. ISBN 5-86005-013-5.
7. Tonn J. C., Mary P. Follett: Creating Democracy, Transforming Management. New Haven, CT : Yale University Press, 2003. 640 p. ISBN 0-300-09621-6.
8. Бурганова Л. А., Савкина Е. Г. Теория управления Элтона Мэйо. Казань: КГТУ, 2007. 159 с. ISBN 978-5-7882-0389-8. EDN [QONVJH](https://www.edn.ru/entry/QONVJH).
9. Макгрегор Д. Человеческий фактор и производство // Психология управления: хрестоматия / Ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара : Бахрах-М, 2006. С. 3–13. ISBN 5-94648-042-1.
10. Tannenbaum R., Schmidt W. H. How to choose a leadership // Harvard Business Review. 1973. Vol. 51. P. 162–180.
11. Левин К. Разрешение социальных конфликтов / Пер. с англ. И. Ю. Авидон. СПб : Речь, 2000. 407 с. ISBN 5-9268-0008-0.
12. Hall J. W. A comparison of Halpin and Croft's organizational climates and Likert and Likert's organizational systems // Administrative Science Quarterly. 1972. Vol. 17(4). P. 586–590. DOI [10.2307/2393835](https://doi.org/10.2307/2393835).
13. Management of organizational behavior: Utilizing human resources / P. Hersey, K. H. Blanchard, D. E. Johnson. New Jersey : Prentice Hall, 1996. 627 p. ISBN 978-0132617697.
14. Минькова Е. А. Понятие организационной культуры в органах государственного и муниципального управления // Организация и правовое обеспечение деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в современных условиях : Матер. межвузовской науч.-практич. конф. (Рязань, 08 февраля 2023). Рязань, 2023. С. 62–67. EDN [BVPRKQ](https://www.edn.ru/entry/BVPRKQ).
15. Социология управления : Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А. В. Тихонов. М. : Красанд, 2015. 480 с. ISBN 978-5-396-00644-7. EDN [UJTTVV](https://www.edn.ru/entry/UJTTVV).
16. Шилова В. А., Быков К. В. Методологические подходы, методы и аспекты исследования

- интенциональности в социологии управления // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 4. С. 48–74. DOI [10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4). EDN [LVHDDWH](https://www.edn.ru/EDN_LVHDDWH).
17. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / М. К. Горшков, А. Г. Гусейнов, А. В. Дмитриев [и др.]. М. : Новый хронограф, 2015. 624 с. ISBN 978-5-94881-290-8. EDN [UCNWME](https://www.edn.ru/EDN_UCNWME).
 18. Регулирование межрегионального неравенства: от диагностики к моделированию / А. А. Мерзляков, В. С. Богданов, К. В. Быков [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 272 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-423-9.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-423-9.2023). EDN [TYHBS](https://www.edn.ru/EDN_TYHBS).
 19. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / Н. И. Лапин, Л. А. Беляева, И. И. Бойко [и др.]. М. : Изд-во «Весь Мир», 2016. 360 с. ISBN 978-5-7777-0664-5. EDN [YRJCJX](https://www.edn.ru/EDN_YRJCJX).
 20. Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов / А. В. Тихонов, Е. М. Акимкин, В. С. Богданов [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с. ISBN 978-5-89697-298-3. EDN [YNBRPS](https://www.edn.ru/EDN_YNBRPS).
 21. Реформирование властно-управленческой вертикали в условиях реализации национальных проектов и активизации процессов спонтанного группообразования / А. В. Тихонов, В. С. Богданов, А. А. Гречаная [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 455 с. ISBN 978-5-89697-380-5. EDN [YNARHI](https://www.edn.ru/EDN_YNARHI).
 22. Шилова В. А., Гусейнова К. Э. Включенность населения в социальное пространство управления регионов как фактор территориального неравенства // Вопросы управления. 2023. № 6(85). С. 84–98. DOI [10.22394/2304-3369-2023-6-84-98](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-6-84-98). EDN [XWRNRQ](https://www.edn.ru/EDN_XWRNRQ).
 23. Воронина Н. С. Практикум по анализу данных в социологии в программе SPSS : Учебное пособие. М. : ИД «Городец», 2024. 332 с. ISBN 978-5-907762-48-0.

Поступила: 13.05.2024. Принята: 03.06.2024.

Сведения об авторе:

Шилова Валентина Александровна, кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник, руководитель Лаборатории,
Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

vshilova@yandex.ru

Author ID РИНЦ: 76397; ORCID: 0000-0002-8899-2707

V. A. Shilova¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia

MANAGERIAL STYLE AS AN INDICATOR OF THE NATURE OF INTERACTION BETWEEN REGIONAL AUTHORITIES AND THE POPULATION

Abstract. The article presents an analysis of respondents' perception of the regional management style as a factor characterizing the managerial communication system. Based on the secondary conceptualization of empirical data (6021 field documents) obtained in 2019–2020 in 12 regions of the Russian Federation during a self-filling questionnaire based on a quota sample calculated for each region according to Rosstat, the author conducted a study of the relationship between respondents' characteristics of the regional management style with agreement with it, concern about the shortcomings of the regional management system and assessments the work of the vertical of power from the federal to the local levels. The author identified a number of patterns, based on which it was concluded that groups of respondents who define the regional management style differently agree with it to varying degrees, demonstrate concern about the shortcomings of the characterized management system in different ways and evaluate the final result of the activities of the power and management vertical. Respondents who define the management style as authoritarian

and clan-based tend to be more concerned about the shortcomings of the management system for the most part than respondents who characterize the management style as democratic, collegial, liberal or vague. Respondents who define the management style as authoritarian tend to evaluate the final result of the work of authorities at all levels lower than respondents who believe that the management style is democratic, collegial or uncertain.

Keywords: management style, regional management system, interaction of management bodies and the population, management shortcomings, evaluation of the work of management bodies

For citation: Shilova V. A. Managerial style as an indicator of the nature of interaction between regional authorities and the population. *Science. Culture. Society*. 2024;30(2):116–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.8>

Acknowledgements: The article was carried out within the framework of the implementation of the state task of the Institute of Sociology of FCTAS RAS “Unification and diversity in the spatial development of Russia (socio-economic and socio-cultural processes)”.

References

1. Demyanenko V. I. Management of socio-economic and socio-cultural parameters of regional inequalities in the anthroposocietal concept. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. 2022;15(6):142–160. (In Russ.). DOI [10.17213/2075-2067-2022-6-142-160](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-6-142-160).
2. Lapin N. I. The anthroposocietal approach. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2006;9(3):25–42. (In Russ.).
3. Shilova V. A. Key approaches to identifying and applying criteria for assessing territorial and socio-territorial inequalities in the regional context. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2022;10(4):96–112. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2022.10.4.9285](https://doi.org/10.19181/snsp.2022.10.4.9285).
4. Toshchenko Jh. T. *Sociology of governance and administration*. Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing; 2011. (In Russ.). ISBN 978-598201-041-4.
5. Taylor F. W. *The principles of scientific management*. Moscow: Controlling; 1991. (In Russ.). ISBN 5-86005-010-0.
6. Fayol H. *Administration industrielle et générale*. Moscow: Controlling; 1992. (In Russ.). ISBN 5-86005-013-5.
7. Tonn J. C., Mary P. Follett: *Creating Democracy, Transforming Management*. New Haven, CT: Yale University Press; 2003. ISBN 0-300-09621-6.
8. Burganova L. A., Savkina E. G. *Elton Mayo management theory*. Kazan: KSTU; 2007. (In Russ.). ISBN 978-5-7882-0389-8.
9. McGregor D. The human factor and production. In: D. Ya. Raigorodsky (ed). *Psychology of management: textbook*. Samara: Bakhrakh-M; 2006. P. 3–13. (In Russ.). ISBN 5-94648-042-1.
10. Tannenbaum R., Schmidt W. H. How to choose a leadership. *Harvard Business Review*. 1973;51:162–180.
11. Lewin K. *Resolving social conflicts*. St. Petersburg: Speech; 2000. (In Russ.). ISBN 5-9268-0008-0.
12. Hall J. W. A comparison of Halpin and Croft's organizational climates and Likert and Likert's organizational systems. *Administrative Science Quarterly*. 1972;17(4):586–590. DOI [10.2307/2393835](https://doi.org/10.2307/2393835).
13. Hersey P., Blanchard K. H., Johnson D. E. *Management of organizational behavior: Utilizing human resources*. New Jersey: Prentice Hall; 1996. ISBN 978-0132617697.
14. Minkova E. A. The concept of organizational culture in state and municipal government bodies. In: *Organization and legal support of the activities of bodies and institutions of the penal enforcement system in modern conditions: Mater. of the interuniversity sci. and pract. conf.* (Ryazan, February 08, 2023). Ryazan; 2023. P. 62–67. (In Russ.).
15. Tikhonov A. V. (ed). *Sociology of Management. Theoretical-applied explanatory dictionary*. Moscow: Krasand; 2015. (In Russ.). ISBN 978-5-396-00644-7.
16. Shilova V. A., Bykov K. V. Methodological approaches, methods, and aspects of intentionality research in sociology of management. *Research Result. Sociology and management*. 2021;7(4):48–74. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-4-0-4).
17. Gorshkov M. K., Huseynov A. G., Dmitriev A. V. [et al.]. *Regional sociology: Problems of consolidation of Russia's social space*. Moscow: New Chronograph; 2015. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-290-8.

18. Merzlyakov A. A., Bogdanov V. S., Bykov K. V. [et al.] Regulation of interregional inequality: from diagnosis to modeling. Moscow: FCTAS RAS; 2023. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-423-9.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-423-9.2023).
19. Lapin N. I., Belyaeva L. A., Boyko I. I. [et al.]. Atlas of modernization of Russia and its regions: Socio-economic and socio-cultural trends and issues. Moscow: "Ves' Mir" Publ.; 2016. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0664-5.
20. Tikhonov A. V., Akimkin E. M., Bogdanov V. S. [et al.] Russia: reforming of the power-management vertical in the context of problems of sociocultural modernization of the regions. Moscow: FCTAS RAS; 2017. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-298-3.
21. Tikhonov A. V., Bogdanov V. S., Grechanaya A. A. [et al.]. Reforming the power-management vertical in the context of the implementation of national projects and the activation of spontaneous group formation processes. Moscow: FCTAS RAS; 2021. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-380-5.
22. Shilova V. A., Guseynova K. E. Population involvement in the social space of regional governance as a factor of territorial inequality. *Management Issues*. 2023;(6):84–98. (In Russ.). DOI [10.22394/2304-3369-2023-6-84-98](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-6-84-98).
23. Voronina N. S. Workshop on data analysis in sociology in the SPSS program: textbook. Moscow: "Gorodets" Publ.; 2024. (In Russ.). ISBN 978-5-907762-48-0.

Received: 13.05.2024. Accepted: 03.06.2024.

Information about the author:

Valentina A. Shilova, Candidate of Sociology, Leading researcher, Head of the Laboratory, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

vshilova@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-8899-2707](https://orcid.org/0000-0002-8899-2707)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.2.9](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.9)
EDN [VSNOLI](https://vsnoli.org)
УДК 316.77

И. С. Шаповалова¹

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет.
Белгород, Россия

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМЕРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация. В статье предложены методологические и методические основы проведения человекомерной экспертизы инновационных проектов для агропромышленного комплекса. Сформулировано понятие человекомерной экспертизы как междисциплинарной оценки значимости и прогнозирования перспектив использования, социально-экономической эффективности, рисков, угроз и последствий реализации межотраслевой инновации для качества жизни человека, территориального поселения, общества. В статье представлена пошаговая технология проведения человекомерной экспертизы. Проанализированы результаты апробации такой технологии на примере одного из проектов Научно-образовательного центра «Инновационные решения в АПК» (Белгородская область) по теме «Создание и внедрение технологии – инновационный аналитический инструмент для оценки и формирования кадрового потенциала агропромышленного комплекса Белгородской области», в котором принимал непосредственное участие автор статьи. В рамках демонстрации результатов проекта показаны оценки основных и отраслевых показателей, выделены положительные и отрицательные человекомерные эффекты, обосновано заключение об условиях и ограничениях при внедрении инновации в АПК. Предложено рассматривать предлагаемую инновацию для двух уровней реализации: административно-регионального и индивидуально-локального. Высокая концентрация выявленных рисков и негативных вероятностей позволила выдвинуть предложение о необходимости доработки технологии перед её окончательным использованием. Это будет способствовать снижению появления потенциальных рисков для отрасли и региона.

Ключевые слова: агро-промышленный комплекс, инновации, кадровый потенциал, человекомерная экспертиза, междисциплинарность, социальные риски

Для цитирования: Шаповалова И. С. Опыт проведения человекомерной экспертизы инновационных проектов // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 2. С. 133–145. DOI [10.19181/nko.2024.30.2.9](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.9). EDN [VSNOLI](https://vsnoli.org).

Введение. Понятие инноваций плотно вошло в нашу жизнь, затрагивая все сферы и представляя различный масштаб её преобразований. Ошибочное, «плоское» и монодисциплинарное восприятие инноваций приводит к ограничению поля прогнозируемого риска и, как следствие, к нежелательным последствиям и даже угрозам. Экспертное сообщество, концентрируясь на непосредственной сфере изменений, зачастую не рассматривает не только футурологические социальные риски, но и риски смежных сфер «быстрого реагирования». Безусловно, к системному анализу, междисциплинарной и даже трансдисциплинарной экспертизе вызывают многие учёные, её методологические основы мы, как правило, находим в трудах философов-синергетиков, например, у В. Г. Буданова [1], Е. Г. Гребенщиковой [2], А. А. Мамченко и Е. Н. Дзятковской [3], М. С. Семерник [4]. Но, чаще всего, востребованность такой экспертизы, основанной на системном восприятии рисков, 3D-анализе, обосновывается исходя из по-

требности трансформации и анализа рисков для конкретной отрасли или сферы (например, [5; 6; 7; 8; 9]).

Отдельного внимания заслуживают работы, посвящённые предложениям системной экспертизы для территориальных субъектов – сложность такой задачи, трудности её организации и возможные эффекты требуют, конечно, значительных усилий не только с позиции методолога, но и с позиции исследователя и реализатора [10; 11].

И всё чаще, когда вопрос касается принятия важного решения, оценки возможных рисков и эффектов, учёные выходят за рамки понятия междисциплинарности и даже конвергентности, говоря уже о человекомерности, вводя понятие «челомерные системы», которые позволяют описывать «сверхсложные объекты, включающие человека и его деятельность в качестве компонента» [12], и подчёркивая важность новых исследовательских парадигм, так как «исследование... системных, самоорганизующихся челомерных объектов требует новых стратегий изучения и деятельности» [13]. В этой связи мы приходим к пониманию необходимости введения новых понятий, новых социальных технологий, связанных с проведением челомерной экспертизы вводимых инноваций.

Цель исследования, представленного в статье, связана с апробацией методических основ челомерной экспертизы на примере инновационного проекта. Задачами проведённого исследования были обозначены:

- междисциплинарная экспертиза проекта на предмет его актуальности, инновационности, реализуемости и практической значимости;
- экспертное подтверждение его регионального и отраслевого значения;
- определение отраслевых и системных рисков внедрения проекта, выявление барьеров его реализации.

Условия, материалы и методы. В условиях мировой конкуренции перед российским сообществом стоят задачи максимального развития всех отраслей народного хозяйства, что безусловно сопряжено с научным прогрессом и коммерциализацией достижений. В рамках стратегии развития нашей страны в наиболее прогрессивных регионах были созданы и успешно функционируют НОЦ (научно-образовательные центры) мирового уровня, на площадках которых активно продуцируются и внедряются инновации, создаются условия для активного межсекторального партнёрства. Каждый НОЦ имеет свою специфику, так, в Белгородской области успешно функционирует НОЦ «Инновационные решения в АПК», ежегодно продуцирующий и поддерживающий инновационные проекты в этой сфере. В рамках реализации одного из проектов НОЦ «Создание и внедрение технологии – инновационный аналитический инструмент для оценки и формирования кадрового потенциала агропромышленного комплекса Белгородской области» в 2020 году (при непосредственном участии автора), был создан прецедент проведения челомерной экспертизы социально-технической инновации. К работе над экспертизой были привлечены учёные таких научных отраслей как экономика, социология, социальная работа, медицина, юриспруденция, IT-технологии.

Методологической основой предлагаемого метода стало введение новых понятий и методических процедур: впервые введено понятие челомерной экспертизы и челомерных эффектов, предложена технология челомерной экспертизы. *Челомерная экспертиза* – это междисциплинарная оценка зна-

чимости и прогнозирование перспектив использования, социально-экономической эффективности, рисков, угроз и последствий реализации межотраслевой инновации для качества жизни человека, территориального населения, общества.

Проведение человекомерной экспертизы целесообразно, если предлагаемая инновация имеет следующий ряд характеристик (или определённый набор нижеперечисленного):

- межотраслевой периметр (междисциплинарная конфигурация);
- изменение в функционировании социально-экономических систем;
- масштабируемость реализации и воздействия на социум;
- перспективная мультипликативность (в сферах, территориях, предмете реализации);
- спорная социально-экономическая эффективность;
- конфронтация к существующим социальным нормам;
- культурная трансформация или прогнозируемый социальный конфликт;
- воспроизводство неравенства;
- видимые или предполагаемые социальные риски.

Человекомерная экспертиза инновации должна определить её *человекомерные эффекты* – прогнозируемые положительные и отрицательные изменения качества жизни человека, как последствия внедрения инновации.

Технология человекомерной экспертизы предполагает ряд шагов, складывающихся в чёткий алгоритм действий. В расширенном варианте такая экспертиза представляет собой 9-тактную последовательность:

Первый шаг: определение междисциплинарной структуры экспертизы – предполагает создание конфигурации целесообразной оценки сторон межотраслевой ориентации инновационного проекта;

Второй шаг: разработка структуры показателей и индикаторов оценки – структура включает основные показатели, отраслевые показатели, открытые показатели (показатели, которые могут быть предложены к оценке после ознакомления с деталями инновации);

Третий шаг: определение компетентностных требований и иных критериев к участникам экспертизы и выбор соответственно установленным критериям персоналий междисциплинарного коллектива экспертизы;

Четвёртый шаг: предварительный ознакомительный брифинг, индивидуальные беседы, рассмотрение ознакомительных материалов – шаг, предполагающий ознакомление экспертов с инновацией, проектом, проектной идеей или решением, документами, материалами, отчётностью;

Пятый шаг: экспертная бинарная дискуссия с участием представителей коллектива, продуцирующего инновацию – предполагает глубокое погружение экспертов в проект, разрешение возникших вопросов, тестирование прогнозов, рисков сценариев;

Шестой шаг: экспертная оценка общих (междисциплинарных) и отраслевых показателей, предложение новых показателей оценки; прогнозирование перспектив использования, социально-экономической эффективности, рисков, угроз и последствий реализации межотраслевой инновации для качества жизни человека, территориального населения, общества; определение прогнозных сценариев внедрения инновации;

Седьмой шаг: экспертная оценка вероятности наступления выявленных рисков и прогнозов, уточнение человекомерных эффектов от внедрения иннова-

ции;

Восьмой шаг: экспертное обсуждение оценки и прогнозных сценариев, подготовка междисциплинарного заключения;

Девятый шаг: экспертный брифинг с участием представителей коллектива, продуцирующего инновацию и курирующих внедрение инновации структур, обозначение экспертно-установленных перспектив использования, социально-экономической эффективности, рисков, угроз и последствий реализации межотраслевой инновации для качества жизни человека, территориального населения, общества; определение прогнозных сценариев внедрения инновации. Обоснование итогового заключения с расширенным обозначением периметра и требований к использованию. В случае положительного решения по итогам человекомерной экспертизы, определение для рабочего коллектива и административных структур задач защиты от выявленных рисков и угроз, обязательных условий внедрения для исключения негативных сценариев и прогнозов.

Результаты и обсуждение. Предлагаемая методика была апробирована на конкретном проекте. Цель предлагаемого к оценке проекта: создание и внедрение технологии (инновационный аналитический инструмент) для оценки и формирования кадрового потенциала агропромышленного комплекса Белгородской области. Основные задачи проекта: оцифровать физический ресурс человека и создать инструменты для его качественного планирования, распределения и точного прогнозирования. Инструмент поможет набору исходных данных для расчёта физического потенциала работника, что позволит дать точный анализ человеческого капитала и потенциала отрасли (АПК) на региональном уровне, сформировать высокоэффективный штат на локальном уровне (конкретный субъект деятельности АПК), подобрать должность максимально соответствующую физическим показателям исполнителя, а также определить его индивидуальную нагрузку (индивидуальный уровень конкретного работника АПК).

Эти задачи реализуются посредством расчёта и моделирования «индекса здоровья» – комплексного показателя для трудовых ресурсов АПК региона на основе цифровых следов медицинского учёта информации о здоровье населения области. При формировании такого индекса учитываются показатели физического здоровья респондента за всю его жизнь. На базе нейронных алгоритмов и больших данных в привязке к Белгородской области строится несколько наиболее вероятных сценариев развития состояния такого здоровья. Индекс является дополнительным инструментом, который в комплексе с другими данными помогает дать объективную оценку сотруднику, а при разноуровневой агрегации данных – оценить соответствующие показатели для локальных и отраслевых кадровых ресурсов в АПК.

Проект заключается в создании информационной системы анализа больших данных информации о состоянии здоровья населения Белгородской области на базе мощнейшего сервера. В итоговом варианте данная система должна рассчитывать не только индекс здоровья конкретного человека, но и векторы его изменения, риски, связанные с конкретной ситуацией (медицинскими показателями), а также показатели динамики и другие аналитические показатели. Такой расчёт может быть в последствии доступен через сайт госуслуг каждому пользователю для выстраивания адекватных моделей самосохранительного поведения.

Для проведения экспертизы была сформирована её междисциплинарная структура: конфигурация целесообразной оценки сторон межотраслевой ориентации проекта предполагает включение в междисциплинарный экспертный коллектив учёных в области экономики, социологии, социальной работы, медицины, юриспруденции, IT-технологий, которым были поставлены задачи в отраслевой оценке проекта:

- эксперты медицинской сферы были призваны оценить возможность и перспективность реализации с позиции медицины, врачебной этики, самосохранительных эффектов;
- эксперты экономической сферы оценивали целесообразность инновации, экономический эффект от повсеместного внедрения такой системы, возможность использования её в сфере управления и кадровых решений;
- эксперты юридической сферы оценивали риски, связанные с гражданскими правами, правом на конфиденциальность информации, правомерность использования данных в рекрутинге кадров;
- эксперты информационной сферы оценивали риски предлагаемых механизмов расчёта, адекватность моделей и индексов, мультипликативные эффекты и перспективы наращивания мощностей и аналитических возможностей системы;
- эксперты общественно-социальной сферы, с одной стороны, оценивали риски предлагаемых механизмов расчёта, адекватность моделей и индексов, с другой стороны, рассматривали потенциал и риски повсеместного использования системы в практике социального прогнозирования, планирования и социальной политике региона.

Для реализации экспертной оценки была разработана система общих и специальных показателей, предложена 10-балльная оценка их выраженности для проекта (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Уровневая оценка экспертами общих показателей (%)

№	Показатели к оценке	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
1	Актуальность проекта	12	25	63
2	Инновационность проекта	8	42	50
3	Масштабность проекта	25	0	75
4	Соответствие проекта мировому уровню (международная конкурентоспособность проекта)	16	42	42
5	Региональная значимость проекта	16	42	42
6	Отраслевая значимость проекта (для агропромышленного комплекса)	63	12	25
7	Мультипликативность проекта (возможности реализации в другой отрасли и другом регионе)	0	25	75

Источник: Данные проекта Научно-образовательного центра «Инновационные решения в АПК» (Белгородская область) «Создание и внедрение технологии – инновационный аналитический инструмент для оценки и формирования кадрового потенциала агропромышленного комплекса Белгородской области».

Распределяя оценки по каждому показателю по уровням (низкий, средний, высокий), можно сделать заключение: актуальность проекта достаточно высока, это отмечают большинство экспертов. По высокому уровню (и далее мы приводим такой же вариант квалиметрии) актуальность оценивается в 63%; инновационность проекта скорее имеет высокий показатель, по высокому уровню составляет 50%; масштабность проекта также оценена достаточно высоко – порядка 75%; соответствие проекта мировому уровню имеет пороговый показатель между средним и высоким, так по высокому показателю конкурентоспособность составляет 42%; региональная значимость также оценена неоднозначно – по 42% представлены оценки среднего уровня значимости и высокого уровня; а вот отраслевая значимость имеет скорее небольшое значение в рамках этого проекта, несмотря на две высокие оценки, большая часть из них расположилась в нижнем регистре, тем самым, эксперты, с одной стороны, подчеркнули отсутствие явно выраженных эффектов от проекта для отрасли АПК (25%), с другой – указали на его отраслевую мультипликацию и системное использование в дальнейшем (75%).

Оценка специальных дисциплинарно-отраслевых показателей продемонстрировала его комплексный характер. Эксперты работали над предложенными показателями и продуцировали новые – позволяющие дать более системную оценку проекта (см. табл. 2). Так, со стороны экспертов экономической отрасли по отношению к экономической эффективности проекта, возможности его использования при оценке и формировании кадрового потенциала, экономической целесообразности затрат на инновацию, прогнозируемой востребованности оценки индекса здоровья со стороны АПК, получены средние оценки, что демонстрирует колебания экспертов, их сомнения в экономической эффективности и целесообразности проекта. Экспертами также предложен новый показатель, который также оценён на 5 баллов – это срок окупаемости проекта.

Со стороны экспертов юридической сферы даны весьма высокие оценки правомерности использования личных данных в формировании базы и механизма оценки индекса здоровья, а также правомерности использования данных аналитического инструмента в оценке и рекрутинге кадров. Риски в этих направлениях были неоднократно указаны в открытых ответах экспертов. Со стороны юристов в качестве обязательного действия отмечена необходимость получения личного согласия на использование данных рекрутируемых кадров.

Со стороны экспертов медицинской сферы определены низкие значения перспективности использования в медицинской сфере; правомерности использования с позиции медицинской этики, в том числе и в рекрутинге кадров; значимости проекта для формирования самосохранительного поведения. Такая оценка (с учётом обозначенных рисков относительно адекватности учёта медицинских показателей) предполагает необходимость дополнительного анализа методики и, самое главное, медицинской этики.

Со стороны экспертов информационной сферы возникло больше всего вопросов, получив ответы на которые, они смогли на высоком уровне оценить адекватность (возможность) предлагаемых механизмов расчёта индекса здоровья и прогностических показателей; возможность безошибочного расчёта с учётом имеющихся данных; возможность расширения потенциала аналитического инструмента. Экспертами также был предложен новый показатель для оценки проекта – это возможность импорта данных из электронной истории болезни, учёт специфики АПК. Данная оценка имеет невысокий балл и может быть отнесена в риски репрезентативности результата.

Таблица 2

Экспертная оценка специальных показателей (баллы)

№	Показатели к оценке	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Экономическая сфера											
1	Экономическая эффективность использования при оценке и формировании кадрового потенциала						+				
2	Экономическая целесообразность затрат на инновацию						+				
3	Прогнозируемая востребованность оценки индекса здоровья со стороны АПК						+				
4	Дополнительный показатель, введённый экспертами: Окупаемость проекта					+					
Юридическая сфера											
5	Правомерность использования личных данных в формировании базы и механизма оценка индекса здоровья										+
6	Правомерность использования данных аналитического инструмента в оценке и рекрутинге кадров										+
Медицинская сфера											
7	Перспективность использования в медицинской сфере		+								
8	Этичность использования с позиции медицинской этики, в том числе и в рекрутинге кадров		+								
9	Значимость проекта для формирования самосохранительного поведения		+								
Информационная сфера											
10	Адекватность (возможность) предлагаемых механизмов расчёта индекса здоровья и прогностических показателей										+
11	Возможность безошибочного расчёта с учётом имеющихся данных									+	
12	Возможность расширения возможностей аналитического инструмента										+
13	Дополнительный показатель, введённый экспертами: Учёт специфики АПК				+						
Социальная сфера											
14	Адекватность предлагаемых моделей расчёта и прогнозирования рисков			+							
15	Потенциал использования аналитического инструмента в практике социального прогнозирования и планирования социальной политики									+	
16	Прогнозируемая востребованность оценки индекса здоровья со стороны населения региона					+					
17	Дополнительный показатель, введённый экспертами: Этичность использования данных с позиции прав человека и международных конвенций о правах инвалидов и пр., в том числе в рекрутинге кадров АПК		+								

Источник: Данные проекта Научно-образовательного центра «Инновационные решения в АПК» (Белгородская область) «Создание и внедрение технологии – инновационный аналитический инструмент для оценки и формирования кадрового потенциала агропромышленного комплекса Белгородской области».

Эксперты социальной сферы дали весьма низкую оценку адекватности предлагаемых моделей расчёта и прогнозирования рисков, высоко при этом оценив потенциал использования аналитического инструмента в практике социального прогнозирования и планирования социальной политики. Прогнозируемая востребованность оценки индекса здоровья со стороны населения региона не имеет высокой оценки, что обозначает риск имитации проекта. Экспертами социальной сферы предложен дополнительный показатель – этичность использования данных с позиции прав человека и соблюдения международных конвенций, в том числе в рекрутинге кадров, который получил очень низкую оценку.

Таким образом, экспертная оценка показала, что положительной оценки проект заслуживает с юридической и информационной сферы, недостаточно проработанным его можно считать с позиции экономики и медицины, и однозначно рисковым его стоит определить с позиции социальной сферы.

В ответах на открытые вопросы экспертизы междисциплинарный коллектив дополнительно определил перспективы и риски использования проекта. Так, к **положительным человекомерным эффектам** отнесено (предложено цитирование экспертов):

- *приращение инновационного потенциала*: «Полагаю, что проект весьма актуален, представляет несомненную теоретическую и практическую значимость. Формирование инновационного потенциала для развития кадровой политики агропромышленного комплекса Белгородской области – это важнейшая задача, решение которой необходимо для дальнейшего поступательного развития региональной экономики» (эксперты экономической сферы); «Применение нейронных сетей для решения подобных задач говорит о высокой вероятности реализации задуманного при верно выстроенном методологическом подходе. Если авторы действительно систематизировали данную задачу и выстроили систему их обработки с возможностью расширения функционала, то перспективность проекта высокая» (эксперт информационной сферы).
- *возможность прогнозирования в области здравоохранения*: «Проект направлен на учёт многочисленных (по заявлениям разработчиков) параметров здоровья и отслеживания их динамики, что позволяет оценить как текущее состояние здоровья, так и по аналогии с хорошо изученными случаями учесть прогноз состояния здоровья» (эксперт медицинской сферы);
- *регулирование человеческого капитала и кадрового потенциала*: «Положительной характеристикой проекта является поставленная авторами цель проекта – разработать интегральный показатель индивидуального здоровья (индекс здоровья), который следует учитывать в комплексной оценке кадрового потенциала и в том числе кадрового потенциала агропромышленного комплекса» (эксперты экономической сферы);
- *цифровизация и стандартизация обработки медицинской информации*: «Проект будет способствовать внедрению единых стандартов оформления и цифрового фиксирования медицинских обследований и показателей, что поможет уменьшить физические потери данных, создаст их преемственность, быстроту доступа, выстраивание стратегий самосохранения на разных уровнях, в том числе и на уровне субъекта» (эксперт медицинской сферы);
- *межотраслевая востребованность*: «Возможность использования инструментария предиктивной аналитики и получения персонализированных рекомендаций относительно состояния здоровья может быть востребо-

вана людьми, медицинскими организациями, органами государственной власти» (эксперты социальной сферы).

Критические замечания и риски проекта, которые обозначили эксперты, позволили говорить об **отрицательных человекомерных эффектах**:

- *риск правовых нарушений при использовании на уровне принятия решений в локальной, кадровой ситуации*: «При использовании личных данных в контексте формирования базы необходимо учитывать личное согласие каждого потенциального работника»; «возможна утечка персональных данных»; «нарушение прав лиц с ограниченными возможностями здоровья при трудоустройстве»; «сегрегация по признакам возраста и здоровья» (все эксперты);
- *риск технической необоснованности*: «Задача сложно формализуема. Вся разработка строится на данных, выложенных в свободном доступе. Это годится для начального обучения моделей. Однако авторы не раскрыли вопрос, как они предполагают бороться с данными, содержащими значительные пробелы. Какие механизмы заложены для компенсации пробелов в данных. Для оценки индекса здоровья, как я понял, рассчитываются отдельные показатели, которые, судя по всему, далее линейно сворачиваются в один. То есть, по мнению авторов, все они равнозначны, что вызывает сомнения. Требуется покупка высокопроизводительного оборудования, однако аргументация необходимости свелась к выгодной цене и тому, что будут обучаться нейронные сети. Да, нейронные сети требовательны к вычислительным ресурсам, но необходимость подобного оборудования вызывает сомнения» (эксперты информационной сферы);
- *риск отраслевой ригидности*: «Заявленная тема проекта не соответствует его фактическому содержанию, специфика АПК не учтена. Несмотря на известные механизмы реализации, не понятно, как конкретно будут реализованы предлагаемые методики по рискам здоровья, как будет учтён ввод разнородных данных по состоянию конкретных людей из разных источников в условиях фактического отсутствия электронных данных во многих лечебных учреждениях, особенно на селе и в районных центрах, при этом исследования по вопросу внедрения «ГОСТ Р 52636-2006 Электронная история болезни» не проведены разработчиками» (эксперт медицинской сферы);
- *риск нерепрезентативности данных, отраслевой (медицинской) адекватности*: «Авторы при формировании индекса здоровья планируют учитывать показатели физического здоровья респондента за всю его жизнь. Какие это конкретно показатели, и с учётом каких критериев они отобраны авторами, в представленных материалах проекта не указывается. Это вызывает серьёзные вопросы по репрезентативности отобранных показателей для расчёта индивидуального индекса здоровья и, соответственно, в корректности получаемых на основе этих показателей оценок индивидуального индекса здоровья. Ещё одним вопросом по данной части проекта является вопрос – учитываются ли авторами половые особенности показателей физического здоровья респондента за всю его жизнь» (эксперт медицинской сферы); «Из материалов проекта не понятно на каких выборках проходила апробация разработанного авторами индекса здоровья и какие результаты получены при этом? Так как без верификации эффективности «работы» индивидуального индекса здоровья на определённых выборках

- населения сложно говорить о необходимости его дальнейшего использования» (эксперт информационной сферы);
- *риск воспроизводства социального неравенства*: «Возможность дискриминации сотрудников со стороны работодателя по состоянию здоровья»; «возможна дискриминация на рынке труда по показателям здоровья при принятии решений о найме/увольнении/сокращении» (эксперты социальной сферы);
 - *риск невостребованности результата (имитация результата)*: «Индекс здоровья предлагается использовать для оценки трудового потенциала работников АПК, занимающихся физическим трудом, но рынок труда именно этого сегмента является трудодефицитным, выбирать работодателю сотрудников не приходится, тогда зачем использование данного инструмента?» (все эксперты);
 - *риск неадекватности результата*: «Поскольку информация о состоянии здоровья не может быть сообщена работодателю без согласия потенциального работника, в случае отсутствия этого согласия возникает неверный рыночный сигнал (условного «здорового» будут считать условным «больным», т.к. он отказался сообщать информацию о своём здоровье). Это искажает и без того асимметричную информацию на рынке труда и приводит к потерям как со стороны работников, так и со стороны работодателей (квалифицированные и «скрытые» проигрывают в конкуренции менее квалифицированным и «открытым»). Особенно актуально это в условиях выхода на рынок труда представителей поколения Z, довольно чувствительных к вопросам защиты персональных данных и информационной безопасности» (все эксперты);
 - *риск недостаточной обоснованности экономической неэффективности*: «По экономической эффективности инвестиций в инновацию и маркетинговой составляющей необходим минимальный инвестиционный план и направления коммерциализации (конкретные заказчики), иначе ничего не понятно» (эксперты экономической сферы).

Выводы. Подводя итог проведённой экспертизе, можно сделать следующее заключение. Проект предполагает двухуровневую реализацию. Первый уровень связан с созданием системы сбора данных и расчёта показателей индекса здоровья, а также всех возможных вариантов прогноза для разного уровня агрегации: от федерального до локально-территориального, от системного до отраслевого (АПК). Второй уровень предполагает уже операционализацию предлагаемого решения на уровне пользователей, в кадровых решениях, в том числе и рекрутинге. Большая часть рисков, указанных экспертами, развёрнута как раз на втором уровне, который по сути своей не является основным для данного проекта, служит лишь направлением для его возможной пролонгации. При реализации второго уровня в проекте актуализируются риски в плане нарушения социальных норм, медицинской этики, создания конфликтных прецедентов по использованию личных данных, нарушения этических границ конвенций и трудового права, усугубления ситуации региональной дискриминации и продуцирования социального неравенства в ресурсе здоровья. Это даёт основание для дополнительной проработки этих рисков, установления ограничений на использование, разработку барьерных механизмов для исключения манипуляции данными на уровне пользователей. В этом случае (при принятии решения о переходе

на второй уровень реализации данного проекта) рекомендуется увеличить срок испытаний и верификаций моделей с прогнозированием и имитацией крайних ситуаций, способных вызвать социальные риски. Рекомендована дополнительная юридическая экспертиза и консультация на предмет нарушения прав и свобод, а также действующего законодательства перед внедрением данного проекта в систему кадрового управления, рекрутинга, предоставления доступа к данным.

Первый уровень позволяет использовать результаты проекта при принятии административных решений в территориальном и отраслевом управлении. На этом уровне эксперты подчёркивают то, что предлагаемый проект обладает высокой инновационностью, актуальностью и потенциалом использования в области цифровой экономики, в сфере здравоохранения и кадровой политики; позволяет выстроить и формализовать цифровизацию данных в системе здравоохранения, заложить основы её систематизации для бесконтактной медицины, телемедицины и других современных форматов медицинского сопровождения; проект обладает высокой мультипликативностью, может быть развернут для иной отрасли и территории (чем предусмотрено проектом); проект имеет потенциал достраивания операционного арсенала, уточнения и дополнительной верификации данных.

Конкретизируя выводы, полученные в результате человекомерной экспертизы, можно сказать: проект интересен и полезен в плане цифровизации социально-экономических отраслей, информационно-аналитического обеспечения администрирования агропромышленного комплекса (в аспекте управления человеческими ресурсами), но имеет ряд ограничений в доступе к информации и в возможности её использования.

Проведённая человекомерная экспертиза позволила сформулировать замечания, обозначить риски, как основу для дальнейшей работы над проектом, учёта их в реализации проекта, более детального рассмотрения с привлечением уже предметных специалистов. Одновременно предлагаемая методика зарекомендовала себя как важная и необходимая часть принятия решений в подобного рода проектах АПК, как новый шаг взвешенного, системного подхода к внедрению инноваций.

Библиографический список

1. Буданов В. Г. Синергетическая методология стратегического проектирования и прогнозирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2012. № 1. С. 22–36. EDN [OOFQJV](#).
2. Гребенщикова Е. Г. Философско-методологическое обоснование трансдисциплинарной парадигмы в биоэтике : автореф. дис... канд. филос. наук : 09.00.08 / Гребенщикова Елена Георгиевна. Москва, 2012. 42 с. EDN [QHXRDX](#).
3. Мамченко А. А., Дзятковская Е. Н. Трансдисциплинарность как преодоление границ // Ценности и смыслы. 2016. № 3(43). С. 143–154. EDN [TYRWXM](#).
4. Семерник С. З. Социокультурные риски экономоцентричного общества : автореф. дис... доктора филос. наук : 09.00.11 / Семерник Снежана Здиславовна. СПб, 2016. 22 с. EDN [ZQAYFJ](#).
5. Социогуманитарное обеспечение проектов персонализированной медицины: философский аспект / Р. Р. Белялетдинов, Е. Г. Гребенщикова, Л. П. Киященко [и др.] // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 12–26. EDN [TDUXXB](#).
6. Лобанов В. В. Человекомерная экспертиза современного образования // Педагогика. 2016. № 2. С. 81–88. EDN [TPBAYT](#).
7. Шаповалова И. С. Анализ социокультурных угроз среды обитания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Т. 2, № 11. С. 127–134. EDN [VHYBER](#).

8. Шаповалова И. С. Техносфера России: проблемы развития и риски // Вестник Института социологии. 2016. № 3(18). С. 112–137. DOI [10.19181/vis.2016.18.3.416](https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3.416). EDN [WXVKVR](https://www.edn.ru/EDN/WXVKVR).
9. Шелекета В. О., Дмитриева И. С., Ивахиов В. Ю. Проблема концептуального основания гуманитарной экспертизы технологических проектов (на примере систем искусственного интеллекта) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8, № 4(29). С. 293–300. EDN [YVOBBR](https://www.edn.ru/EDN/YVOBBR).
10. Толстогузов О. В. Междисциплинарная экспертиза обоснованности стратегий развития региона // Экономика и управление. 2012. № 1(75). С. 31–35. EDN [OWNAMD](https://www.edn.ru/EDN/OWNAMD).
11. Фишман Б. Е. О человекомерном моделировании регионального развития: учет миграционных процессов и качества жизни населения // Современные проблемы регионального развития : Матер. VII Всероссийской науч. конф. (Биробиджан, 09–11 октября 2018). Биробиджан : ИКАРП ДВО РАН, 2018. С. 391–395. DOI [10.31433/978-5-904121-22-8-2018-391-395](https://doi.org/10.31433/978-5-904121-22-8-2018-391-395). EDN [YMNEWD](https://www.edn.ru/EDN/YMNEWD).
12. Капитонова Т. А. К вопросу о человекомерности современных информационных технологий // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры : Матер. Междунар. науч. конф. к 80-летию Института философии НАН Беларуси (Минск, 14-15 апреля 2011). Минск : Право и экономика, 2011. С. 186–188.
13. Гончарова О., Ершова-Бабенко И. Нечеловекомерные составляющие поля человекомерности // Філософія освіти. 2015. № 2(17). С. 243–259.

Поступила: 19.04.2024. Принята: 13.05.2024.

Сведения об авторе:

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и работы с молодёжью, Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Белгород, Россия.

shapovalova@bsu.edu.ru

Author ID РИНЦ: [477716](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=477716)

I. S. Shapovalova¹

¹ Belgorod State University. Belgorod, Russia

EXPERIENCE IN CONDUCTING HUMAN-DIMENSIONAL EXAMINATION OF INNOVATIVE PROJECTS

Abstract. The article proposes methodological and methodological foundations for conducting a human-dimensional examination of innovative projects for the agro-industrial complex. The concept of human-dimensional expertise is proposed as an interdisciplinary assessment of the significance and forecasting of the prospects for use, socio-economic efficiency, risks, threats and consequences of the implementation of intersectoral innovation for the quality of life of a person, territorial population, and society. The article provides a step-by-step technology for conducting a human-dimensional examination. An example of such an examination is presented on the example of one of the projects of the Scientific and Educational Center “Innovative Solutions in Agroindustrial Complex” (Belgorod Region) on the topic “Creation and implementation of technology - an innovative analytical tool for assessing and shaping human resources in the agro-industrial complex of the Belgorod Region”. As part of the demonstration, estimates of the main and industry indicators are presented, the positive and negative human-dimensional effects are highlighted, the conclusion on the conditions and restrictions on the implementation of innovations in the agro-industrial complex is justified. It is proposed to consider the proposed innovation for two levels of implementation: administrative-regional and individually-locally. The concentration of risks and negative probabilities identified by experts at the second level made it possible to put forward a proposal to refine the innovation before its final use, which made it possible to prevent possible social risks for the industry and the region.

Keywords: agro-industrial complex, innovation, human resources, human-dimensional examination, interdisciplinarity, social risks

For citation: Shapovalova I. S. Experience in conducting human-dimensional examination of innovative projects. *Science. Culture. Society*. 2024;30(2):133–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.9>

References

1. Budanov V. G. Synergetic methodology of strategical projection and prognostication. *RUDN Journal of Philosophy*. 2012;(1):22–36. (In Russ.).
2. Grebenshchikova E. G. Philosophical and methodological substantiation of the transdisciplinary paradigm in bioethics. Abstract of Candidate Degree Thesis. Moscow; 2012. (In Russ.).
3. Mamchenko A. A., Dzyatkovskaya E. N. Transdisciplinarity as overcoming boundaries. *Tsenosti I Smy Sly*. 2016;(3):143–154. (In Russ.).
4. Semernik S. Z. Sociocultural risks of an economicallycentric society. Abstract of Doctor Degree Thesis. St. Petersburg; 2016. (In Russ.).
5. Belyaletdinov R. R., Grebenshchikova E. G., Kiyashchenko L. P. [et al.]. Socio-humanitarian support for projects in personalized medicine: the philosophical aspect. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2014;(4):12–26. (In Russ.).
6. Lobanov V. V. Human measuring examination of modern education. *Pedagogika*. 2016;(2):81–88. (In Russ.).
7. Shapovalova I. S. Analysis of socio-cultural threats to the environment. *Humanities, social-economic and social sciences*. 2015;2(11):127–134. (In Russ.).
8. Shapovalova I. S. Technosphere of Russia: problems and risks of development. *Vestnik instituta sotziologii*. 2016;(3):112–137. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2016.18.3.416](https://doi.org/10.19181/vis.2016.18.3.416).
9. Sheleketa V. O., Dmitrieva I. S., Ivakhnov V. Yu. Problem of the basis of conceptual expertise of technological projects (on the example of artificial intelligence systems). *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management*. 2018;8(4):293–300. (In Russ.).
10. Tolstoguzov O. V. Interdisciplinary expertise of region development strategies feasibility. *Economics and Management*. 2012;(1):31–35. (In Russ.).
11. Fishman B. E. About regional development` humandimensional modeling: accounting of migration processes and quality of population life. In: Present problems of regional development. Mater. of the VII All-Russian Scientific Conf. (Birobidzhan, 09–11 October 2018). Birobidzhan: ICARP FEB RAS; 2018. P. 391–395. (In Russ.). DOI [10.31433/978-5-904121-22-8-2018-391-395](https://doi.org/10.31433/978-5-904121-22-8-2018-391-395).
12. Kapitonova T. A. On the issue of human dimension of modern information technologies. In: Philosophy in Belarus and the prospects of world intellectual culture. Mater. International scientific conf. (Minsk, 14-15 April 2011). Minsk: Pravo i ekonomika; 2011. P. 186–188. (In Russ.).
13. Goncharova O., Ershova-Babenko I. Nonhuman-dimensional components of human-dimensionality. *Filosofia osviti*. 2015;(2):243–259. (In Russ.).

Received: 19.04.2024. Accepted: 13.05.2024.

Information about the author:

Inna S. Shapovalova, Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Sociology and Youth Work, Belgorod State University. Belgorod, Russia.

shapovalova@bsu.edu.ru

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2024.30.2.10](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.10)
EDN [YEOZEJ](https://edn.yeozej.ru)
УДК 316.77

В. И. Демьяненко¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

К ВОПРОСУ О ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ ОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ УПРАВЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНОГО ЯВЛЕНИЯ

Аннотация. Социальные и цифровые технологии обнажают влияние управления на общество. Оно выступает тем фактором, который одновременно решает проблемы и несёт угрозы всему человечеству в результате ошибок, личных интересов, непредвиденных последствий. С ростом влияния управления на общественные процессы встают вопросы не только о том, как устроено управление, но и какое место оно занимает в обществе. Возникает необходимость переосмысления самого феномена управления. Несмотря на распространённость в отечественной науке термина «управление» понимание его далеко неоднозначно. Дополнительная сложность связана с отсутствием в зарубежной научной литературе тождественного ему аналога. В статье предлагается под управлением понимать социальное явление, проявляющееся в деятельности индивидуальных и групповых субъектов, которая направлена на вмешательство в естественный ход событий для приведения их в соответствие с субъективными представлениями. В такой трактовке управление выступает основанием для появления искусственной составляющей. Чтобы понять то место, которое отводится управлению в социологии, в статье анализируются основные социологические парадигмы с опорой на типологии К. Дюбара, Р. Коллинза, Дж. Ритцера. Автор приходит к выводу, что в привычном дуализме объективизм–субъективизм, структура–агент, общество–личность, макросоциология–микросоциология и стремлении преодолеть их управлению отведена второстепенная, вспомогательная роль, а дисциплинам, непосредственно изучающим управление (социология управления, социология организаций), в настоящее время отводится место отраслевых наук. Каждая из социологических парадигм является ответом на вызовы своего времени. Для современного мира характерен рост созданной человеком искусственной реальности с одновременным усилением фактора неопределённости. Ответы на данные вызовы автор предлагает искать в проблемном поле управления, расширяя его до общей социологической теории. С этой целью описывается пространство социального, как пересечение осей «естественное–искусственное» и «детерминированное–неопределённое». Автор видит важное отличие социологии управления от других дисциплин в изучении не только того, что следует «знать, чтобы предвидеть, и предвидеть, чтобы мочь», но и как это «мочь» может быть реализовано. Изучение управления охватывает теорию и практику социального и, поднимаясь до абстрактных уровней, не утрачивает прагматизма, связанного тем, каким образом накопленные знания применяются социальными индивидами в практической деятельности.

Ключевые слова: управление, социология управления, субъект–объектные отношения, субъект–субъектные отношения, государственное управление

Для цитирования: Демьяненко В. И. К вопросу о переосмыслении концептуальных оснований управления как социального явления // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 2. С. 146–160. DOI [10.19181/nko.2024.30.2.10](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.10). EDN [YEOZEJ](https://edn.yeozej.ru).

Введение. В прошлом веке понятие «технология» как комплекс организационных мер по изготовлению, эксплуатации, ремонту относилось в значительной степени к производственным и сельскохозяйственным процессам. К концу про-

шлого века от операционных карт технологических процессов мы повсеместно перешли к бизнес-процессам, технологизирующим любую совместную деятельность в организации. Да и в обществе в целом знания, полученные социологами, на практике стали превращаться в набор приёмов воздействия на людей, названных социальными технологиями [1]. Наблюдаемый рост цифровизации усиливает и расширяет одновременно способность манипулировать, организовывать, контролировать, а также моделировать и изучать социокультурные явления. Это вывело на новый уровень возможности направлять поведение людей, управлять общественными процессами и в настоящее время превращается в социальную и научную проблему, захватившую массы, создающую общественные движения.

Технология, как практический способ достижения целей, набор приёмов и методов, используемых в процессе планирования, применяется человеком с давних времён. Она является управленческим инструментом, стремящимся уменьшить неопределённость, повысить прогнозируемость и достижимость желаемых результатов. С ростом разделения труда технологии начинают доминировать, стремясь стать ответом на любые вызовы вне зависимости от их целесообразности. Сложно сказать, насколько процессы и результаты от этого становятся более управляемыми, но само управление начинает занимать всё больше пространства в социуме, технологизируя жизнь и распространяясь на самые разные сферы деятельности [2].

Управление является неотъемлемой частью жизни людей и влияет на всё большие аспекты внешнего и внутреннего мира индивидуальных и групповых субъектов. Большинство естественных наук изучает закономерности объектов внешних по отношению к субъекту, что предоставляет знания о возможностях и рисках управления такими объектами, но не раскрывает содержание самого управления. В поведенческих науках деятельность людей, наделённых природой сознательным поведением, является объектом их изучения. Так социология акцентирует внимание на генезисе и функционировании субъекта во взаимодействии с объектами, на том, как люди организуют свою деятельность, используя знания, управляя тем, что они изучили.

С ростом влияния управления на общественные процессы актуализируются вопросы не только о том, как устроено управление, но и какую роль оно занимает в обществе. Собственно, само управление, реализуемое в чьих-то интересах, с возможными ошибками или приводящее к непредвиденным последствиям, выступает одновременно и причиной возникновения масштабных для общества катастроф, и решением, которое может предотвратить или устранить их последствия.

Для того чтобы конкретизировать понимание места управления в обществе, в данной работе рассматриваются следующие вопросы: что понимается под управлением; какое место ему отводится в социологических теориях; в чем специфика (какова роль, основная цель) социологии управления в контексте решения текущих социальных проблем, стоящих перед обществом.

Управление как социальное явление. Несмотря на распространённость в научной литературе термина «управление» трудно не согласиться В. В. Щербиной в том, что его смысл непрозрачен [3; 4]. Понятие «управление» не имеет тождественного перевода, что накладывает дополнительные трудности в его трактовке. Нередко под управлением понимается *operation, conduct, direction*,

government и др. Так, например, фундаментальный труд Н. Винера о кибернетике как науке об общих закономерностях управления в оригинальном названии звучит “Control and Communication in the Animal and the Machine”, а ключевая работа признанного классика управления Ф. Тейлора называется “Scientific Management”. В. В. Щербина обращает внимание на то, что управление связано с регулятивными процессами, но в чем его отличие от других регулятивных практик, не прояснено [4]. Р. Мертон пишет, что его специфика заключается в способности предсказывать, создавая новые ситуации, целенаправленно изменять ход событий и является особенностью человеческого поведения [5]. А. В. Тихонов рассматривает управление как цивилизационное изобретение по мере развития человечества [6].

Согласимся с тем, что управление отличается от присущих в живой и неживой природе процессов регуляции в связи с таким уровнем организации, который позволил вести разумную, сознательную целенаправленную деятельность с учётом текущих и долгосрочных потребностей. Управление не сводится к физическим и психическим характеристикам человека и имеет под собой социальные основания. Способность к управлению формируется в обществе, а её реализация зависит от социокультурного контекста. Н. Н. Моисеев считает, что усложнение стихийных процессов самоорганизации с помощью разума превращает стихийные события в направленные и создаёт искусственный мир, опирающийся на естественные закономерности [7, с. 201]. В таком понимании мы говорим об управлении как деятельности субъекта, направленной на выделение из внешнего и внутреннего мира некой предметной области, в рамках которой прилагаются осознанные усилия для достижения желаемого результата, решения проблемы.

Слово «управление» употребляется в разных смыслах – деятельность, учреждение, институт, функция. Обобщая их, в дальнейших рассуждениях под управлением будем понимать социальное явление, проявляющееся в деятельности индивидуальных и групповых субъектов, направленной на вмешательство в естественный ход событий для приведения их в соответствие со своими субъективными представлениями.

Место управления в социологии. Р. Коллинз отмечает, что в социологии большая специализация и полноценно можно разбираться только в своей узкой дисциплинарной нише, которую учёные пытаются обособить в «автономную сферу исследования» [8, с. 298]. Другими словами, сейчас в социологии идёт тенденция к развитию узкоспециализированных тем, например, в проблемном поле социологии управления особо выделяются государственное управление или цифровые технологии. Этой тенденции углубления можно противопоставить более высокий уровень абстракции, тем самым преодолев недостатки узкой специализации. С ростом значения в обществе процессов и результатов управления такой подход выглядит вполне оправданным. Важно понять, какое место отводится управлению в социологии и насколько оно соответствует современным проблемам, требующим решения. В социологии существуют разные взгляды, теории, школы, которые в чём-то дополняют и противоречат друг другу, но их можно обобщить, опираясь на концепцию научных парадигм Т. Куна. С учётом допустимого размера статьи, кратко посмотрим на основные социологические парадигмы с учётом нашего интереса к управлению. Предлагаю для нашего анализа воспользоваться типологией профессора Версальского университета Сен-Кантен-ан-Ивелин Клода Дюбар [9]. Анализируя историю исполь-

зуемых в социологии терминов для составления классификации основных направлений, он остановился на четырёх (детерминация, действие, конструирование, идентичность), выступающих удобными ярлыками для «объединения» совершенно разных течений, отражающих этапы, оказавшие наибольшее влияние на учёных. Для нас данная типология интересна тем, что она выделяет субъекта, его действие, причины и способы.

Социология социальной детерминации отдаёт предпочтение моделированию поведения социальными структурами. Речь идёт о том, что социальное определяет индивидуальное поведение. Здесь речь идёт о социальных фактах, историческом материализме и других аспектах. Многие современные социологи данного направления не опираются исключительно на механическую детерминированность структур поведения, а исследуют статистические зависимости, учитывая ограничения поля возможных решений, обусловленность, способствующую воспроизводству практик. При этом отмечается, что индивиды не детерминированы пассивно и могут избежать своей наиболее вероятной судьбы (например, класс для себя, а не в себе). Основная тенденция направления декларирует подавление системой индивида, при этом возможности влияния самого индивида на систему ограничены.

Социология действия создаёт социальные структуры в результате агрегирования, координации или регуляции индивидуальных или коллективных действий. Можно выделить два направления исследований: одни изучают рациональный выбор и методологический индивидуализм, другие – общественные отношения, построенные в результате традиционных и эмоциональных действий. В рамках взглядов на ограниченную рациональность социальный актор рассматривается как способный сделать себя (по крайней мере частично) непредсказуемым для других, тем самым обладая властью над ситуацией. В рамках данного направления изучается поведение локализованных групп, объясняющее коллективные действия. Исследования общественных движений, как типичный пример изучения таких групп на сегодняшний день поднимают вопрос о расхождении в процессе поведения групп по критериям рационализации и субъективизации. Важный вклад в социологию действия вносит изучение социального регулирования, рассматривающего сочетание автономного регулирования и контролируемого внешними силами.

Социология социального конструирования настаивает на совместном конструировании социального поведения и структур общества через взаимозависимости внутри социальных конфигураций. Социальное выступает не объективной реальностью самой в себе, не следствием рациональных усилий, а результатом предыдущих действий людей. Идеи учёных позволяют объединить (вероятностные) детерминации и добровольные (адаптированные) действия, социальные отношения классового доминирования (возникающие из предыдущих объективированных действий) и классификационную борьбу (возникающую из интернализированных структур). Так, зная позицию индивида в социальном поле и его габитус, появляется возможность объяснить его поведение. Совместная деятельность может быть описана как конфигурация разных индивидов (ячеек) в пучки отношений (узлы сети). Структурное не рассматривается как внешнее относительно агентов. Согласно Э. Гидденсу, происходит смешение социальных структур и репрезентаций агентов, которые регулярно подкрепляются рутинной и привычками последних, и благодаря рефлексивному контролю их действий конструируется структура.

Социология социальной идентичности отдаёт предпочтение взаимодействию между индивидуальными траекториями и принадлежностью к определённым социальным группам. Рост неопределённости ситуаций требует объяснений. Ответом становится отсутствие адекватного регулирующего механизма. Учёные изучают множество идентичностей разных акторов, отдавая приоритет повествованию индивидов (не заранее установленным концептам вроде интересов или ценностей, а интерпретации конкретных ситуаций). Ситуации состоят из взаимодействий между людьми с их интерпретациями. Изучается проблема построения идентичности, основанная на оценках другими людьми и принятии на себя в соответствии с этими оценками. Путём накопления отчётов, встреч, слушаний, интервью и экспертных файлов конструируется (бумажная) идентичность, которая в конечном итоге описывает человека, формируя личность. Это позволяет изучить связи между социологическими детерминациями и психологическими механизмами, отвечая на вопрос, каким образом социальные субъекты в конкретной ситуации существуют. Изучение такой связи происходит посредством сочетания нескольких логик действия – социальной интеграции, стратегии и субъективации.

Имеются другие типологии основных направлений и парадигм социологии. Например, Рэндал Коллинз выделяет функционализм, конфликтную методологию, микросоциологию, теорию рационального выбора, Джордж Ритцер останавливает своё внимание на социальных фактах, социальных дефинициях, социальном поведении, психологическом и социально-историческом детерминизме.

Обобщая все эти типологии, можно сказать, что в них представлены дуальности объективизм–субъективизм, структура–агент, общество–личность, макросоциология–микросоциология, а также стремление преодолеть их, выходя, например, на мезосоциологический уровень. Клод Дюбар свою типологию строил с учётом исторической ретроспективы, как ответ на современные вызовы. И сегодня таким вызовом становится возрастающая роль управления с его возможностями и угрозами и местом, которое оно играет в развитии социума. Но в перечисленных социологических парадигмах управлению отводится второстепенная роль. С учётом отсутствия в зарубежной научной литературе термина, тождественного «управлению» возникают трудности в конкретизации такой позиции. В этой связи показательным может быть работа В. А. Ядова. Изучая в своих работах общество, он стремился к созданию общей теоретической основы для социологии, которая позволила бы объединить различные подходы и направления в единую научную дисциплину. Он занимался поиском универсальных социальных закономерностей (универсалий), которые могли бы объяснить поведение индивидов и групп в разнообразных социальных контекстах. Универсалии в социологии представляют собой фундаментальные и общие для всех обществ элементы, которые определяют их структуру и функционирование. Эти универсальные аспекты социальной жизни включают в себя объективные условия бытия людей, такие как пространство и территория, саму природу человека с его этнодемографическими и социально-групповыми особенностями, ценности культуры, а также механизмы координации и организации общественной жизни. Последние представляют собой сложный процесс, включающий в себя принятие решений, планирование, координацию и контроль, которые необходимы для достижения общих целей и решения социальных задач. Управление, по В. А. Ядову, включает в себя как формальные аспекты, такие как

законы и политические структуры, так и неформальные, например, социальные нормы и традиции. Управление здесь конкретизировано и представляет собой не просто инструмент или практику, оно поднимается до уровня одного из ключевых понятий. Но в конечном итоге, напоминает функцию в теории Т. Парсонса, необходимую для поддержания социального порядка и обеспечения возможности солидарных действий индивидов и групп в обществе. А. В. Тихонов, непосредственно погруженный в проблематику управления, старался увидеть в работах В. А. Ядова важность антропного принципа в эволюции материального мира, означающего то, что человеческие действия, основанные на знаниях, ценностях и целях, являются определяющими в формировании социальной реальности. Управление, таким образом, становится не только средством достижения практических целей, но и отражением глубокой взаимосвязи между человеком и обществом, между сознанием и материальным миром [10].

Пространство управления как социального явления. Данное выше определение понятию «управление» делает акцент на сочетании естественных и субъективных характеристик. Это большая общефилософская и междисциплинарная научная проблема. Но давайте взглянем на неё в контексте такого социального явления, как управление, направленного на построение искусственной реальности.

Согласно Т. Гоббсу, первоначальное состояние общества, называемое естественным, представляет собой отсутствие социальной организации и структуры, что превращает жизнь в борьбу всех против всех. Стремление к гармонии, выполнение обязательств и отказ от определённых прав, сами по себе не обеспечивают мир и защиту. Необходима внешняя сила. В контексте социальной организации, речь идёт о государственном вмешательстве. Добродетели зарождаются из рационального осмысления того, что способствует или мешает достижению благополучия. Моральные обязательства в своей сути сводятся к обязанностям граждан, происходящим из социального договора [11].

К. Галлер написал работу о теории естественно-общественного состояния и искусственно-буржуазной химере. По его мнению, естественным является то, что происходит без вмешательства человека, и для общества таковыми являются остающиеся неизменными иерархия, авторитет как базовые принципы, организующие функционирование общества. При этом люди могут искусственно создавать идеальные образы, не имеющие отношения к реальности. Относительно общества к таковым он относил идеи равенства и общественного договора [12].

Ф. Теннис в названии своей работы «Общность и общество» определил две формы социальных образований. К естественным он относил неформальные отношения, близкие взаимодействия внутри малых групп, свойственные для традиционных общностей. В отличие от естественных социальных образований, построенных на основе «сущностной воли», современное общество является следствием «избирательной воли», в которой преобладают формализованные, инструментальные взаимодействия, организуемые на рациональных основаниях. Это способствует универсализации и объединению разнообразных общностей в сети безличных групп, теряющих естественное, человеческое состояние социальной жизни [13].

Интересно рассмотреть сочетание естественного и субъективного в контексте предсказуемости событий. Р. Мертон условно разделял последние на две составляющие. Одни события совершаются в соответствии с первоначальным

ходом развития, другие меняют своё направление. В качестве примера приводится ситуация с предсказанием хода кометы, движущейся по заданной траектории, а вот идеи Маркса о растущем неравенстве повлияли на процессы в обществе. Такое изменение относится к ситуациям, связанным с человеческим поведением [5].

П. Штомпка смотрит на общественные процессы и события через призму естественных и социальных обстоятельств. Это хорошо видно на примере временных особенностей. Смена дня и ночи определяют сон, а смена времени года – сельскохозяйственные работы. При этом празднование событий, проведение совещаний является социально сконструированными нормами. У примитивных народов концепция времени носила циклический характер, подстраивающийся под природные ритмы, а в современном мире с его индустриальными темпами превалирует линейная, эволюционная концепция [13].

Э. Бернейс пишет о естественном, иррациональном поведении и стадных инстинктах людей, как следствии неорганизованных и хаотических желаний общества. Человечеству удаётся избежать высвобождения иррациональной враждебности путём невидимого управления, осуществляемого теми, кто обладает навыками и знаниями [14].

В. В. Щербина выделяет два взгляда на социальную реальность – субъективистский и объективистский. Под последним он понимает процессы поддержания социального порядка, как результирующей деятельности институтов, определяющих поведение людей. При этом выделяет и другой взгляд (субъективистский), ориентированный на осмысленный социально-регулятивный подход к изменениям динамичной социальной среды [3].

В. В. Тарасенко считает, что для людей естественно создавать для себя нормы и жить по ним. Такое нормативное состояние является самоорганизацией. А в случае ситуативного поведения индивидуум или социальная группа оказываются в искусственном состоянии, которое есть следствие управленческих усилий [15].

Из сказанного выше мы можем выделить континуум «искусственное–естественное», в котором управление, с одной стороны, предстаёт сочетанием одного и другого, а с другой, основываясь на естественном, создаёт искусственное. Последнее привносится поведением человека. Но не всякое поведение создаёт так называемую «вторую природу» (искусственную, созданную человеком). Авторы склоняются к тому, чтобы осознанные, рациональные действия следует относить к управлению, но встаёт вопрос о том, насколько такое поведение возможно и не является по Веберу «идеальным типом». Р. Мертон обосновывает невозможность отождествлять рациональность с достижением успеха [5]. А разделяя действия на саморегуляцию и ситуативное поведение мы сталкиваемся с тем, что регуляция может быть искусственно созданной (именно этому посвящены работы М. Вебера о бюрократии). А. В. Тихонов считает, что в социуме существуют естественные (спонтанно образованные) и искусственные (преднамеренно установленные) законы. Таким образом социокультурные образования формируются и ведут себя, с одной стороны, опираясь на нормы совместного взаимодействия, а с другой, – благодаря усилиям субъектов [6].

Классическое управление, создающее «вторую природу», направлено на уменьшение неопределённости и повышение предсказуемости событий путём планирования и организации совместной деятельности. Поэтому основные проблемы, стоящими перед учёными, виделись в способах такой организации

совместной деятельности, которая позволяет достигать желаемого состояния будущего должным способом. Р. Мертон перечислил пять ключевых причин непредвиденных последствий целенаправленных действий: недостаток необходимых знаний (вызванный в т.ч. сложностью ситуации); ошибки (например, из-за привычек); удовлетворение текущих интересов в ущерб будущим; базовые ценности, вступающие в противоречие с текущей необходимостью; предсказания, меняющие ситуацию [5].

Р. Ашкеназ, анализируя историю изучения проблем управления изменениями, обращает внимание на процент успешно реализованных стратегических перемен. Несмотря на качественный рост знаний, он остаётся на уровне 30%. Учёный выдвигает гипотезу о том, что причиной такого положения дел является некомпетентность управленцев [16]. Но здесь важно учесть одно обстоятельство, на которое обратил внимание Ф. Энгельс, когда рассуждал о случайных последствиях [17]. Даже в том случае, когда достаточно средств, цели одних людей вступают в конфликт с другими. В контексте управления об этом писал Дж. Гараедаги. Мы способны прогнозировать то, чем не можем управлять (оно подчинено повторяющимся детерминированным закономерностям), а то, чем управляем, имеет высокую степень неопределённости (т.к. другие участники также могут оказывать влияние) [18]. Последнее устанавливает тот факт, что на явление, поддающиеся управлению, может оказывать воздействие множество акторов, делая тем самым изменения такого явления мало предсказуемым.

Таким образом, важно обратить внимание на второй континуум «детерминированность–неопределённость». Сочетание этой оси с описанной выше осью «искусственное–естественное» задаёт пространство, в котором отображена основная проблематика управления как социального явления: как связаны в социальной реальности спонтанные процессы с преднамеренно формируемыми; насколько социальные явления определяются конкретными, заранее установленными факторами, и насколько они поддерживают возможность случайности, вариативности выбора. В рамках такого представления мы получаем общество в четырёх квадрантах:

- Естественное-детерминированное: ситуации, в которых процессы обусловлены закономерностями, имеющими природные основания (в т.ч. социальные, не создаваемые специально). Сюда мы относим социальные факты, исторический материализм и др. Например, социальные институты, создаваемые путём закрепления случайных практик. Знания, позволяющие предсказывать будущее. Мы опираемся на данные закономерности и можем действовать только в рамках предоставляемых ими возможностей, учитываем их для создания «второй природы».
- Искусственное-детерминированное: ситуации, отсутствующие до того, как были созданы людьми, и ставшие после их появления устойчивыми, постоянно повторяющимися. В этом квадранте понятие институализация рассматривается, как процесс формализации и стандартизации отношений. Квадрант приобретает особую актуальность с развитием цифровых технологий, определяющих поведение людей в самых разных областях. Моделирование с помощью больших данных позволяет менять отношение людей, организовывать их в желаемом направлении. Этот квадрант одновременно рассматривается, как позволяющий прогнозировать, так и раскрывающий инструментальный характер относительно целенаправленной деятельности.

- Естественное-неопределённое: с одной стороны, речь идёт о сложных комплексных ситуациях (например, когда наличие большого количества акторов не позволяет оценить происходящее в целом). С другой, сами законы природы оставляют место для вариативности таких действий (например, закономерность о том, что можно управлять только тем, что трудно или невозможно предсказать). События в этом квадранте подталкивают к тому, чтобы действовать итерационно или проявлять смелость в своих поступках, выступая первопроходцем.
- Искусственное-неопределённое: это ситуации, где процессы, структуры, события искусственно создаются или модифицируются, но они имеют высокую степень случайности. В этом квадранте выделяются два основных направления. С одной стороны, это ситуации столкновения интересов разных субъектов, с другой, созданные людьми материальные и нематериальные объекты «начинают жить своей жизнью». Это создаёт общество риска, ведёт к технологическим (в т.ч. социальным) катастрофам, но, в то же время, оставляет место для нововведений, представляет новые, неожиданные возможности.

В таком представлении управление рассматривается не только в контексте того, как организовывается совместная деятельность для решения проблем. Это пространство стремится ответить на вопрос, что и почему происходит в обществе, как управление влияет на социальную реальность, что происходит в процессе взаимопроникновения естественных и искусственных явлений. Например, если изучать цифровизацию в рамках узкоспециализированного взгляда на управление, то речь идёт о том, что есть некий субъект, который заинтересован в использовании такого формализованного инструмента для достижения своих целей. Далее следуют вопросы о том, как должен быть организован данный инструмент, чтобы была достигнута цель. Более широкий взгляд позволит ответить на следующие вопросы: на какие части, элементы, характеристики общества и как повлияет цифровизация, останется ли она только элементом искусственно-детерминированного квадранта, обуславливая процессы и делаю их предсказуемыми, или же повысит неопределённость, создавая неожиданные возможности и угрозы.

Практическая направленность социологии управления. Появление в прошлом веке социально регулятивных дисциплин (таких как социология управления, социология организаций) в среде социологических наук было востребованным, т.к. предметом их исследования выступали механизмы институализации, «делающие саму социальность возможной» [3, с. 2522]. При этом данным дисциплинам приписывались черты отраслевых теорий, что связано с прагматичностью управления, его направленностью на решение практических проблем, стоящих перед людьми. Но, как было показано раньше, управление является социальным цивилизационным изобретением, благодаря которому создаётся «вторая природа». Принято считать, что именно привнесение искусственного с точки зрения процессов регуляции и трансформации отличает человеческое общество от биологических и квазисоциальных систем [4; 19]. И в современном мире социальные последствия процессов управления становятся настолько заметными, что актуализирует проблемы, решение которых возможно только «на уровне социетальных трансформаций современных обществ» [20, с. 351]. Таким образом, рассуждая об управлении, мы остаёмся в тесной близости с реальными

проблемами, но при этом рассматриваем их не только в интересах отдельных заинтересованных сторон, а с учётом влияния на общество в целом.

Социология как наука стремится понять и объяснить социальные явления. И делается это с прагматичными целями. По мнению О. Конта знать необходимо для того, чтобы можно было предвидеть и управлять. Согласно Т. Парсонсу понимание социальных отклонений, позволяет компетентным, обладающим знаниями агентам осуществлять терапию [21]. В проблемное поле социологии управления входит изучение того, как полученные знания об обществе используются на практике. И это вносит коррективы в привычную субъект-объектную схему познания. Б. Латур считает, что модернистский взгляд на социальную реальность задаётся дуализмом между познающим и познаваемым. Таким образом выделяется активное и пассивное начало. Но, по мнению того же Б. Латура, такое разделение неуместно, т.к. субъект существует всегда в отношениях с другими сущностями и в каждом новых обстоятельствах они «создаются вместе заново» [22]. Особенно убедительна идея о том, что сделанное в науке открытие меняет общество. И нам стоит согласиться с этой идеей с учётом высказанной ранее мысли о привнесении неопределённости самим управлением. Изучение таких процессов в рамках субъект-объектной схемы не представляется возможным. Наглядным примером здесь выступает исследование государственного управления. Учёные анализируют какой-то управленческий механизм, предлагают решения и не успевают свою исследовательскую деятельность довести до завершения, как ситуация меняется и поступают новые вводные. Так, мы видим бесконечную череду сменяющих друг друга идей, которые не получают необходимой доказательной базы (ключевые из них: участие граждан в управлении (participatory governance); новое публичное управление (new public management); доказательное государственное управление (evidence-based public management); доброе управление (good governance); управление общественными ценностями (public value management); сетевое управление (network governance); нео-вебериянское государство (neo-Weberian state); совместное управление (collaborative governance); цифровое управление (digital governance); подход «целостное управление» (whole-of-government approach). Решением здесь может стать субъект-субъектная схема, успешно реализованная в советские времена производственными социологами, непосредственно участвовавшими вместе с сотрудниками в научной организации труда [4]. В. Степин относит такой подход к неклассическому типу научной рациональности [23]. Его концепция и сейчас пользуется популярностью среди специалистов социологии управления. И ключевым моментом является её прагматизм: необходимость тех или других теорий привязана к исследовательским задачам, некоторые из них могут быть избыточными, а другие недостаточными. Изучение каких-то проблем для стабильных ситуаций может осуществляться в рамках классической субъект-объектной схемы. Управленческий взгляд, ориентированный на практическое решение конкретных (относящихся к текущей ситуации) проблем с учётом комплексности и динамичности (непредсказуемости) социальных явлений, является ситуационным. Задача не только понять как, но и найти оптимальный способ решить проблему.

Заключение. К. Дюбар обращает внимание на то, что каждая из социологических парадигм отвечает на вызовы своего времени. Сегодня результаты использования социальных и цифровых технологий акцентируют внимание на

всё возрастающей роли управления в процессах общественного развития. С одной стороны, это помогает справляться со многими проблемами, стоящими перед человечеством, но с другой, выступает причиной возникновения серьёзных угроз и катастроф. Мы можем констатировать, что сейчас управление находится в центре современных проблем общества. И это требует пересмотра понятия и феномена управления на теоретическом и методологическом уровне.

Под термином «управление» понимают деятельность, учреждение, институт, функцию, но всегда это понятие связывают с регулятивными процессами. Автор придерживается тех взглядов, которые видят качественные различия между регуляцией в технических, биологических, квазисоциальных системах и социальных. Поэтому управление рассматривается как особенность человеческого поведения и результат цивилизационного развития общества. Под управлением предлагается понимать социальное явление, проявляющееся в деятельности индивидуальных и групповых субъектов, направленной на вмешательство в естественный ход событий для приведения их в соответствие со своими субъективными представлениями. Таким образом, управление рассматривается в качестве причины привнесения искусственной составляющей в реальный мир: всё искусственное, т.е. созданное человеком, является следствием управления.

Анализ основных социологических направлений с опорой на типологии, предложенные К. Дюбаром (социология детерминации, действия, конструирования, идентичности), Р. Коллинзом (функционализм, конфликтная методология, микросоциология, теория рационального выбора) или Дж. Ритцером (социальных фактов, социальных дефиниций, социального поведения, психологического детерминизма, социально-исторического детерминизма) показывает, что привычные дуальности объективизм–субъективизм, структура–агент, общество–личность, макросоциология–микросоциология или стремление преодолеть их отводят управлению вспомогательную, дополняющую роль. Требуется иной угол зрения, акцентирующий внимание на том, что в формировании современной социальной реальности управление начинает приобретать все большее значение, поскольку оно является как порождением новых глобальных проблем, так и их решением.

Раскрывая содержание управления как социального явления, автор предлагает особо обратить внимание на два параметра: преднамеренность и стохастичность. Это открывает возможность исследовать социальное пространство управления в рамках плоскости, сформированной на пересечении осей «естественное–искусственное» и «детерминированное–неопределённое».

В статье сделан обзор существующих взглядов на сочетание естественного и искусственного, показывающий, что разделение на эти категории носит неоднозначный характер, они тесно взаимосвязаны и требуют углублённого изучения. Так, искусственное привносится поведением человека, но не всякое такое поведение создаёт «вторую природу». Отнесение только осознанных, рациональных действий к управлению неоднозначно: непонятно насколько такое социальное действие не является просто идеальным типом, и не всегда последствия рациональности ведут к успешным результатам. Сложности добавляют феномены саморегуляции и ситуативного поведения, которые в определённых обстоятельствах имеют как естественное, так и искусственное проявление. Но в целом признаётся, что существуют и спонтанно образованные и преднамеренно установленные (управляемые) элементы общества.

Вторым параметром социального выступает противоречивость проявления управления. С одной стороны, управление стремится к созданию предсказуемых ситуаций, а с другой, само становится фактором неопределённости. Классические взгляды на управление стремились снизить спонтанное проявление естественного в общественных отношениях, что отражалось в субъект-объектном взаимодействии, которое было направлено на более эффективное проявление власти. Но, как точно заметил Дж. Гараедаги, у нас есть возможность прогнозировать то, чем не можем управлять (оно подчинено повторяющимся детерминированным закономерностям), а то чем управляем, имеет высокую степень неопределённости. Таким образом мы неизбежно сталкиваемся с субъект-субъектными отношениями, имеющими стохастический характер. Стремление «обуздать» стихийность и вывести управление из-под давления власти и собственности опирается на институализацию, технологизацию общественных процессов. Такое решение со временем приводит к тому, что созданное человеком начинает существовать самостоятельно, выступая новым диктатом, стремящимся развиваться путём положительной обратной связи без учёта целесообразности.

Ключевой вклад в изучение управления как социального явления вносит такая отраслевая дисциплина как социология управления. Её важным отличием от других дисциплин является изучение не только того, что следует «знать, чтобы предвидеть, и предвидеть, чтобы мочь», но и как это «мочь» осуществляется, исследуя одновременно закономерности общества и то, как понимание этих закономерностей используются на практике для управления реальностью и объединения усилий разных людей. Изучение управления выступает связующим звеном между теорией и практикой социального и поднимаясь до абстрактных уровней оно не утрачивает прагматизма. Но современные вызовы предъявляют и новые требования к социологии управления. В первую очередь речь идёт о развитии методологии познания, основанной на субъект-субъектной схеме. При решении сложных проблем уровень неопределённости и динамика изменений не позволяют своевременно получать знание будучи не вовлечённым в процессы управления и не привлекая к изучению непосредственных её участников.

Исследуемые вопросы имеют дискуссионный характер и требуют дальнейшего обсуждения.

Библиографический список

1. *Ионин Л. Г.* Технология социальная // Современная западная социология: словарь / Сост. Ю. Н. Давыдов [и др.]. М.: Политиздат, 1990. 432 с. ISBN 5-250-00355-9.
2. *Аксёнова О. В.* Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М.: Институт социологии РАН, 2016. 304 с. ISBN 978-5-89697-260-0. EDN [VYBENB](#).
3. *Щербина В. В.* Социология управления, как специальная социолого-регулятивная теория, сосуществующая с социологией организаций и дополняющая её // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: Сб. докладов VI Всерос. социол. конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020). Тюмень: РОС, 2020. С. 2519–2526. DOI [10.19181/kongress.2020.304](#). EDN [GAOWVM](#).
4. *Щербина В. В.* Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии. М.: Новый хронограф, 2018. 416 с. ISBN 978-5-94881-416-2. EDN [VJMDEY](#).
5. *Мертон Р.* Непреднамеренные последствия преднамеренного социального // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17. EDN [PBDRMV](#).
6. *Тихонов А. В.* От социологии менеджмента к социологии управления как научно-исследовательской программе // Социология власти. 2009. № 7. С. 7–16. EDN [KZCTFX](#).

7. *Мусеев Н. Н.* Расставание с простотой. М. : Аграф, 1998. 472 с. ISBN 5-7784-0050-0.
 8. *Коллинз Р.* Четыре социологические традиции / Пер. В. Россмана. М. : Территория будущего, 2009. 320 с. ISBN 978-5-91129-051-1. EDN QOKNID.
 9. *Dubar C.* Sociologie – Les grands courants // Encyclopedia Universalis. 2009. Available at: <https://www.universalis.fr/encyclopedie/sociologie-les-grands-courants/> (accessed: 05.05.2024).
 10. *Тихонов А. В.* Читая и перечитывая В. А. Ядова: отечественная социология сосредотачивается... // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 3(31). С. 196–204. DOI 10.19181/snsp.2020.8.3.7495. EDN ZNURTA.
 11. *Гоббс Т.* Левиафан / Пер. с англ. А. Гутермана. М. : АСТ, 2021. 800 с. ISBN 978-5-17-134365-1.
 12. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / Пер. с нем. под ред. Л. Г. Ионина. Том III. М. : НИУ ВШЭ, 2018. 336 с. DOI 10.17323/978-5-7598-1515-0. EDN YXWORE.
 13. *Штомпка П.* Социология : Анализ современного общества / Пер. с польск. С. М. Червонной. М. : Логос, 2005. 664 с. ISBN 5-98704-024-8.
 14. Бернейс Э. Пропаганда / Пер. с англ. И. Ющенко. М. : Hippo Publishing, 2010. 176 с. ISBN 978-5-98999-019-1.
 15. *Тарасенко В.* Стратегии государственного управления: концепция 64 стратегем // Экономические стратегии. 2006. Т. 8, № 1(43). С. 92–97. EDN HRUGTF.
 16. Ashkenas K. Innovate with urgency – even when there's no crisis // Harvard Business Review. 2020. Available at: <https://hbr.org/2020/09/innovate-with-urgency-even-when-theres-no-crisis> (accessed: 05.05.2024).
 17. *Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М. : Политиздат, 1985. 128 с.
 18. *Гараедаги Дж.* Системное мышление. Как управлять хаосом и сложными процессами. Платформа для моделирования архитектуры бизнеса. Минск : Гревцов Букс, 2010. 480 с. ISBN 978-985-6926-03-0.
 19. *Тихонов А. В.* Социология управления : Теоретические основы. 2-е изд., доп. и пер. М. : Канон+, 2007. 472 с. ISBN 978-5-88373-153-1. EDN TVIOWP.
 20. Социология управления : теоретико-прикладной толковый словарь. М. : Красанд, 2015. 480 с. ISBN 978-5-396-00644-7. EDN UJTTVV.
 21. *Parsons T.* On building social system theory: a personal history // *Daedalus*. 1970. Vol. 99, No. 4. P. 826–881.
 22. *Блур Д.* Анти-Лагур // Логос. 2017. Т. 27, № 1(116). С. 85–134. EDN YLPVPD.
 23. *Степин В. С.* Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура / Отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб : Мирь, 2009. С. 249–295. EDN VNWETF.
- Поступила: 07.05.2024. Принята: 12.06.2024.

Сведения об авторе:

Демьяненко Василий Иванович, младший научный сотрудник, Институт социологии
ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.

imhocorg@gmail.com

Author ID РИНЦ: 1123230; ORCID: 0000-0002-1838-2081

V. I. Demyanenko¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia

ON THE ISSUE OF RETHINKING THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF MANAGEMENT AS A SOCIAL PHENOMENON

Abstract. Social and digital technologies are exposing the impact of governance on society. It acts as a factor that simultaneously solves problems and poses threats to all of humanity as a result of mistakes, personal interests, and unforeseen consequences. With the growing influence of manage-

ment on social processes, questions arise not only about how management is structured, but also what place it occupies in society. There is a need to rethink the phenomenon of management. Despite the prevalence of the term “management,” its understanding is far from ambiguous. An additional complexity is associated with the absence in foreign scientific literature of a term identical to the Russian word “management”. The article proposes that management is understood as a social phenomenon manifested in the activities of individual and group subjects, which is aimed at interfering in the natural course of events to bring them into line with subjective ideas. In this interpretation, management serves as the basis for the emergence of an artificial component.

To understand the place given to management in sociology, the article analyzes the main sociological paradigms based on the typologies of K. Dubar, R. Collins, J. Ritzer. In the usual dualism, objectivism-subjectivism, structure-agent, society-personality, macrosociology-microsociology and the desire to overcome them, management is given a secondary, auxiliary role, and disciplines studying management (sociology of management, sociology of organizations) are given the place of industrial sciences. Each of the sociological paradigms is a response to the challenges of its time. The modern world is characterized by the growth of man-made artificial reality with a simultaneous increase in uncertainty. This actualizes new challenges, the answers to which the author proposes to look for in the problem field of management, expanding it to a general sociological theory. For this purpose, the social space is described as the intersection of the “natural-artificial” and “determined-uncertain” axes.

The author sees an important difference between the sociology of management and other disciplines in the study of not only what one should “know in order to foresee, and foresee in order to be able,” but also how this “can” can be realized. The study of management covers the theory and practice of social and, rising to abstract levels, it does not lose pragmatism (it takes into account how knowledge is applied by social individuals in practice to solve real social problems).

Keywords: management, sociology of management, subject-object relations, subject-subject relations, public administration

For citation: Demyanenko V. I. On the issue of rethinking the conceptual foundations of management as a social phenomenon. *Science. Culture. Society*. 2024;30(2):146–160. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.2.10>

References

1. Ionin L. G. Social technology. In: Davydov Yu. N. [et al]. Modern Western sociology: dictionary. Moscow: Politizdat; 1990. 432 p. (In Russ.). ISBN 5-250-00355-9.
2. Aksenova O. V. Paradigm of social action: professionals in Russian modernization. Moscow: Institute of Sociology of RAS; 2016. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-260-0.
3. Shcherbina V. V. Sociology of management as a special sociolo-regulatory theory that coexists with the sociology of organizations and complements it. In: Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions: Coll. of reports of the VI All-Russian Sociol. Congress. Tyumen: RSS; 2020. P. 2519–2526. (In Russ.). DOI [10.19181/kongress.2020.304](https://doi.org/10.19181/kongress.2020.304).
4. Shcherbina V. V. Rationalizing diagnostic management social technologies. Moscow: Novyi khronograf; 2018. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-416-2.
5. Merton R. The unanticipated consequences of purposive social action. *Sociological Journal*. 2009;(2):5–17. (In Russ.).
6. Tikhonov A. V. From the sociology of management to sociology of administration as a research program. *Sociologičeskaja nauka i social'naja praktika*. 2009;(7):7–16. (In Russ.).
7. Moiseev N. N. Parting with simplicity. Moscow: Agraf; 1998. (In Russ.). ISBN 5-7784-0050-0.
8. Collins R. Four sociological traditions. Moscow: Territoriya budushchego; 2009. (In Russ.). ISBN 978-5-91129-051-1.
9. Dubar C. Sociologie – Les grands courants. In: Encyclopedia Universalis. 2009. Available at: <https://www.universalis.fr/encyclopedie/sociologie-les-grands-courants/> (accessed: 05.05.2024).
10. Tikhonov A. V. Reading and rereading V. A. Yadov: domestic sociology focuses... *Sociologičeskaja nauka i social'naja praktika*. 2020;8(3):196–204. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2020.8.3.7495](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.3.7495).
11. Hobbes T. Leviathan. Moscow: AST; 2021. (In Russ.). ISBN 978-5-17-134365-1.

12. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*: in 4 vol. Vol. III. Moscow: HSE Publ.; 2018. (In Russ.). DOI [10.17323/978-5-7598-1515-0](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1515-0).
13. Sztompka P. *Sociology. Analysis of society*. Moscow: Logos; 2005. (In Russ.). ISBN 5-98704-024-8.
14. Bernays E. *Propaganda*. Moscow: Hippo Publishing; 2010. (In Russ.). ISBN 978-5-98999-019-1.
15. Tarasenko V. Strategies of public administration: concept of 64 stratagems. *Ekonomicheskie strategii*. 2006;8(1):92–97. (In Russ.).
16. Ashkenas K. Innovate with urgency – even when there's no crisis. *Harvard Business Review*. 2020. Available at: <https://hbr.org/2020/09/innovate-with-urgency-even-when-theres-no-crisis> (accessed: 05.05.2024).
17. Engels F. *Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy*. Moscow: Politizdat; 1985. (In Russ.).
18. Gharajedaghi J. *Systems thinking. Managing chaos and complexity. A platform for designing business architecture*. Minsk: Grevtsov Books; 2010. (In Russ.). ISBN 978-985-6926-03-0.
19. Tikhonov A. V. *Sociology of management. Theoretical basis*. 2nd ed. Moscow: Kanon+; 2007. (In Russ.). ISBN 978-5-88373-153-1.
20. *Sociology of management: theoretical and applied explanatory dictionary*. Moscow: Krasand; 2015. (In Russ.). ISBN 978-5-396-00644-7.
21. Parsons T. On building social system theory: a personal history. *Deadalus*. 1970;99(4):826–881.
22. Bloor D. Anti-Latour. *Logos*. 2017;27(1):85–134. (In Russ.).
23. Stepin V. S. Classics, non-classics, post-non-classics: criteria for differentiation. In: Kiyashchenko L. P., Stepin V. S. (eds) *Post-non-classics: philosophy, science, culture*. St. Petersburg: Mir; 2009. P. 249–295. (In Russ.).

Received: 07.05.2024. Accepted: 12.06.2024.

Information about the author:

Vasilij I. Demyanenko, Junior researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
imhocorg@gmail.com
ORCID: [0000-0002-1838-2081](https://orcid.org/0000-0002-1838-2081)

Материалы конференции
EDN [ZWVSZO](#)

Н. П. Сащенко¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

РИСКИ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ НАУЧНОГО СИМПОЗИУМА)

Аннотация. В материале представлена краткая информация по ключевым докладам и общее направление дискуссии, развернувшейся в ходе научного симпозиума «Риски социальных изменений: политическая проекция», прошедшего 22 мая 2024 года. Докладчиками были представлены результаты исследований социально-политических процессов, в том числе рисков для современных государств и политических систем, а также перспектив устранения глобальных угроз для современной России. В ходе дискуссии были достигнуты основные цели мероприятия: обсуждение и уточнение существующих научных подходов к анализу современных социальных, политических и социокультурных изменений, рассмотрены возможные перспективы, а также кратко- и среднесрочные риски для будущего России.

Ключевые слова: социальные изменения, рискология, симпозиум, политические риски, рискогенный потенциал

Для цитирования: Сащенко Н. П. Риски социальных изменений: политическая проекция (по материалам научного симпозиума) // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 2. С. 161–163. EDN [ZWVSZO](#).

Научный симпозиум «Риски социальных изменений: политическая проекция», подготовленный и проведённый Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН совместно с Президиумом Академии политической науки (АПН) и Исследовательским комитетом по политическому управлению Российской ассоциации политической науки (РАПН), состоялся в Москве 22 мая 2024.

Проведённое участниками (политологами, социологами, экономистами, философами, культурологами, психологами) обобщение полученных за последние 30 лет результатов научных исследований процессов, происходящих в российском обществе, дало основание заключить, что российское общество следует рассматривать как общество переходного периода, все ещё переживающее изменения как в социальной сфере, так и в политической.

Сегодня Россия вошла в период резкого обострения отношений с западным миром. Оно происходит на фоне как глобальных проблем (кризис либерального капитализма, усиление глобальной конкуренции, запредельная антропогенная нагрузка на природу, растущее глобальное неравенство), так и внутренних (риски исчерпания запасов стратегического потенциала безопасности Российской Федерации, посттравматическое стрессовое расстройство в обстановке постпандемии, тревоги по поводу продолжающейся специальной военной операции).

В научной литературе проблематика социальных изменений сводится, как правило, к интерпретации результатов исследований с применением теорий среднего уровня и микроуровня. Отмечается, что социальная структура совре-

© Сащенко Н. П., 2024

менного российского общества является неустойчивой, обозначены доминирующие тенденции в трансформации общества. В ряду таких тенденций отмечается быстро нарастающее имущественное расслоение, цифровизация всех сфер социальной жизни и, как следствие, виртуализация социальных отношений и информационной среды, которые оказывают влияние на представления граждан о реальном мире. В первую очередь это относится к молодёжи, социализация которой всё больше смещается в виртуальное пространство. В ряде докладов было отмечено, что социальные явления и события последнего десятилетия – масштабная, ускоренная цифровизация, пандемия, вынужденная изоляция, военные операции – явились катализатором всех этих процессов, изменив режимы межличностных отношений, взаимодействия личности с семьёй, ближним кругом общения, с государством, с глобальными субъектами. Наметились изменения в системе ценностных ориентаций и иерархий, в работе адаптационных социально-психологических механизмов, в процессе национально-государственной идентификации. При этом истоки исторически сформировавшегося ментального типа нашего общества, обладающего определёнными устойчивыми чертами, глубоко не изучены. Российское общество находится в новой ситуации поиска неотложного решения сложных проблем в выборе приоритетов и реализации адекватной модели цивилизационного развития страны.

В то же время пока недостаточно внимания уделяется проблемам, связанным с влиянием изменений, происходящих в социальной и культурной сферах, на сферу политического, с одной стороны, а с другой, – самим политическим процессам как одному из основных факторов изменения в социальной среде. Именно эта взаимосвязь нашла отражение в теме симпозиума и в докладах его участников.

В докладе открывшего заседание директора ИСПИ ФНИСЦ РАН, доктора социологических наук В. К. Левашова, посвящённом социально-политической устойчивости российского общества в условиях гибридной реальности, была обозначена проблемная ситуация, которая «приняла комплексный характер, завязалась в тугой узел материальных и духовных диспаритетов и противоречий и требует междисциплинарных подходов и методов в исследованиях и управлении». Поддержал тему внешнеполитических факторов социальных изменений профессор кафедры политологии и политического управления ИОН РАНХиГС при Президенте РФ, доктор политических наук, профессор Ю. И. Матвеевко. А философский взгляд на проблему возможности трансформаций, социальных ожиданий и субъектности изменений предложила главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, доктор социологических наук, профессор Л. И. Никовская.

Проблема риска в теме симпозиума не случайна. Можно сказать, что в рамках социальных наук это одна из предметных областей, где идут постоянные, имеющие под собой основание дискуссии (и в политологии, и в политической социологии, и в социальной антропологии, и в психологии). Проблема политических рисков в условиях российской реальности была затронута в выступлении руководителя Центра социальной безопасности и рискологии, доктора экономических наук, профессора ИСПИ ФНИСЦ РАН С. В. Рогачева.

Особый интерес вызвали доклады профессора Факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктора политических наук, профессора О. Ф. Шаброва и главного научного сотрудника Института социологии ФНИСЦ РАН, доктора политических наук И. Л. Недяк. О. Ф. Шабров посвятил свой доклад актуальной проблеме рискогенного потенциала взаимообусловленности социальных и политических изменений, связанного, в частности, с недостаточной представлен-

ностью в высших политических кругах несовпадающих интересов всех значимых социальных групп. Со своей стороны, И. Л. Недяк обозначила неоднозначные перспективы трансформативной политики в России в оптике институциональной политологии. Завершил выступления основных спикеров ведущий научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН, кандидат социологических наук О. В. Сорокин с докладом «Интеграция российской молодёжи в сферу гражданско-политических отношений в изменяющейся реальности: вызовы и способы регуляции».

Ответы докладчиков на многочисленные вопросы, развернувшаяся по итогам выступлений оживлённая дискуссия позволили всем участникам представить своё видение ключевых проблем, изложенных в докладах. В результате работы симпозиума были акцентированы некоторые проблемные моменты, ряд докладов и тематических обсуждений рекомендовано опубликовать в виде научных статей. Благодаря широкому охвату и глубокому рассмотрению проблемного поля, работа симпозиума «Риски социальных изменений: политическая проекция» обозначила наличие множества вопросов, на которые науке ещё предстоит ответить и требующих для этого междисциплинарных подходов.

Поступила: 10.06.2024. Принята: 13.06.2024.

Сведения об авторе:

Сашченко Наталья Петровна, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. nsaschenko@mail.ru
Author ID РИНЦ: 168978; ORCID: 0000-0002-0632-9937

N. P. Sashchenko¹

¹ Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

RISKS OF SOCIAL CHANGE: POLITICAL PROJECTION (BASED ON THE PROCEEDINGS OF A SCIENTIFIC SYMPOSIUM)

Abstract. The material presents a summary of the key presentations and the general direction of the discussion that unfolded during the scientific symposium “Risks of Social Change: Political Projection” held on 22 May 2024. The speakers presented the results of research on socio-political processes, including risks for modern states and political systems, as well as the prospects for eliminating global threats to modern Russia. The discussion achieved the main objectives of the event: discussion and clarification of existing scientific approaches to analysing modern social, political and socio-cultural changes, considered possible prospects, as well as short- and medium-term risks for the future of Russia.

Keywords: social change, riskology, symposium, political risks, riskogenic potential

For citation: Sashchenko N. P. Risks of social change: political projection (based on the proceedings of a scientific symposium). *Science. Culture. Society.* 2024;30(2):161–163. (In Russ.).

Received: 10.06.2024. Accepted: 13.06.2024.

Information about the author:

Natalia P. Sashchenko, Candidate of Psychology, Associate professor, Leading researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

nsaschenko@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0632-9937

ГЕННАДИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ОСИПОВУ — 95 ЛЕТ!

Аннотация. Редакция журнала «Наука. Культура. Общество» и сотрудники Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН от всей души поздравляют академика Российской академии наук, доктора философских наук, профессора Геннадия Васильевича Осипова с 95-м Днём рождения!

Ключевые слова: Геннадий Васильевич Осипов, поздравление, юбилей

Источник: Высшая школа современных социальных наук МГУ, 2022.

27 июня 2024 года мы поздравляем с 95-летием Академика РАН **Геннадия Васильевича Осипова**. Его опыт руководителя, вклад в становление советской и российской социологической науки сформировали непререкаемый авторитет и заслуженное уважение как в Российской Федерации, так и за её пределами. Деятельность Геннадия Васильевича неразрывно связана с институциональным становлением и научным развитием российской социологической науки. Повторим уже неоднократно высказанное мнение коллег, – Ваше имя стало брендом российской социологии во всем мире!

В 1952 году Геннадий Васильевич окончил Московский государственный институт международных отношений МИД СССР по специальности «юрист-международник» и, поступив в аспирантуру Института философии Академии наук СССР, в 1955 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «О “технократических” теориях в современной буржуазной социологии», а в 1964 году – докторскую диссертацию «Марксистская и буржуазная философия о месте и роли техники в современном общественном развитии». Член-корреспондент АН СССР с 1987 года, академик РАН с 1991 года (Отделение общественных наук).

Талантливый организатор, Г. В. Осипов стал инициатором создания академического института, – Института конкретных социологических исследований АН СССР (ИКСИ АН СССР). Под руководством Г. В. Осипова были прове-

дены первые в СССР конкретные социологические исследования. Он стоит у истоков формирования Института социально-политических исследований (ИСПИ РАН), возглавляя его длительное время с самого момента основания в 1991 году. С участием Геннадия Васильевича Институт стал ведущим академическим центром в России, осуществляющим фундаментальные и прикладные исследования в области изучения актуальных социальных и социально-политических процессов и явлений.

И именно Геннадий Васильевич создал при Институте научный журнал «Наука. Культура. Общество» (ранее «Наука. Культура. Предпринимательство», «Социальная политика и предпринимательство»), все эти годы участвуя в его развитии в качестве члена редколлегии.

На сегодняшний день Геннадий Васильевич руководит Объединённым центром социологии и экономики знания Института социологии ФНИСЦ РАН, а также, – совмещая научную деятельность с педагогической, – является директором-организатором Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова. Помимо этого стоит отметить общественную работу во главе Общественной российской академии социальных наук, руководство Центром фундаментальных правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, членство в научном совете при Совете Безопасности Российской Федерации и пр.

Признанный в научном мире специалист в области теории, истории, методологии социологической науки и политологии, Геннадий Васильевич обладает талантом чутко выделять ключевые проблемы и механизмы трансформации российского общества. Неизменно вызывает глубокое уважение способность сочетать государственный масштаб мышления, ответственный подход к делу, видение ситуации шире социально-политических «горизонтов» развития общества и способность все эти таланты реализовывать, ставить на службу науке и Отечеству.

Под редакцией Г. В. Осипова изданы ключевые для становления российской социологии книги: неоднократно переизданный учебник «Рабочая книга социолога», первая хрестоматия по социологии «Социология в СССР», «История социологии в Западной Европе и США», «Энциклопедический социологический словарь», «Российская социологическая энциклопедия», «Социологический энциклопедический словарь» и многие другие. Под его руководством подготовлены переводы на русский язык и издания трудов видных зарубежных социологов; опубликованы монографии по количественным методам в социологии, методике и технике социологических исследований.

Многочисленные полученные награды свидетельствуют о достойной оценке важного вклада Геннадия Васильевича в российскую социологическую науку: Орден Дружбы, Орден Почёта, Орден за заслуги перед Отечеством IV степени, почётная грамота Президента РФ, золотая медаль им М.М. Сперанского за вклад в развитие российской государственности, Орден Даниила Московского II степени, орден Преподобного Сергия Радонежского Русской православной церкви. В 2021 году Геннадий Васильевич Осипов был на высочайшем государственном уровне отмечен за большой вклад в развитие науки и многолетнюю добросовестную работу, Указом Президента Российской Федерации он был награждён орденом Александра Невского.

Коллектив ИСПИ ФНИСЦ РАН и редакция журнала «Наука. Культура. Общество» рады присоединиться к многочисленным поздравлениям коллег, учеников, последователей. От всей души желаем глубокоуважаемому Геннадию Васильевичу крепкого здоровья, успешной реализации научных и творческих проектов, благополучия и гармонии!

**Коллектив Института социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН
Редакционная коллегия журнала «Наука. Культура. Общество»**

GENNADY V. OSIPOV –95!

Abstract. Editorial Board of the journal “Science, Culture, Society” and the staff of the Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS sincerely congratulate Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor Gennady Vasilyevich Osipov on his 95th birthday!

Keywords: Gennady Osipov, congratulations, anniversary

EDN PEXEWR

ВИЛЕНУ НИКОЛАЕВИЧУ ИВАНОВУ – 90 ЛЕТ!

Аннотация. Редакция журнала «Наука. Культура. Общество» и сотрудники Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН сердечно поздравляют дорогого коллегу с Юбилеем. Члену-корреспонденту РАН, доктору философских наук, профессору Вилену Николаевичу Иванову – 90 лет!

Ключевые слова: Вилен Николаевич Иванов, поздравление, юбилей

6 июля 2024 года празднует 90-летний юбилей человек, чья мудрость, жизненный опыт и знания гармонично сочетаются с бесконечной энергией, интересом к жизни и открытым сердцем. Жизненный путь **Вилена Николаевича Иванова** вот уже более тридцати лет тесно связан с Институтом социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. С момента его создания в 1991 году по 2005 год Вилен Николаевич развивал Институт в качестве первого заместителя директора, а в настоящее время продолжает свою работу в должности главного научного сотрудника ИСПИ ФНИСЦ РАН и советника Российской академии наук.

Нельзя представить без Вилена Николаевича и историю существования издаваемого Институтом журнала «Наука. Культура. Общество», чью редакцию он много лет возглавлял и до сих пор принимает участие в его судьбе как заместитель главного редактора.

Воин-защитник, Учёный, Поэт – все эти призвания воплотились в одном человеке.

Путь Офицера: серебряная медаль по окончании Киевского артиллерийского подготовительного училища в 1952 году, Сумское Краснознамённое артиллерийское училище имени М. В. Фрунзе в 1954 году, Военно-политическая академия имени В. И. Ленина с отличием в 1965 году и адъюнктура той же академии в 1968.

Блестящая защита кандидатской диссертации по проблемам военного строительства в 1968 году положила начало выдающимся результатам в военной

и академической науке. В 1974 году Вилен Николаевич защитил докторскую диссертацию, в 1978 году стал профессором, а в 1997 году – членом-корреспондентом Российской академии наук.

Путь Учёного включает в себя огромную работу организатора науки, особенно в период становления отечественной социологии: руководитель отдела социальных проблем пропаганды, затем директор Института социологических исследований АН СССР в очень непростой исторический период – с 1983 по 1988 годы.

Невозможно переоценить вклад в изучение проблем межнациональных отношений в России, проблем федеративного устройства системы власти, идеологических и социокультурных процессов. Под руководством В. Н. Иванова рабочей группой Министерства по делам национальностей разрабатывалась концепция государственной национальной политики. Результаты исследований по заказу Правительства Москвы легли в основу целевой комплексной Программы развития культуры в столице. Широко известны изданные под руководством Вилена Николаевича труды по результатам крупномасштабных исследований «Российский федерализм: становление и развитие», «Федерализм и безопасность государства», выпуски научного сборника «Россия: центр и регионы». Не менее значимы созданные при непосредственном участии Вилена Николаевича как автора, соавтора и редактора двухтомная Социологическая энциклопедия, пятитомник «Россия на старте века», учебное пособие по этносоциологии, книга «Социология в СССР. Записки директора Института». Общее количество публикаций давно перевалило за 500, многие переведены на иностранные языки, найдя своих читателей не только в России, но и за рубежом.

В 2003 г. Вилен Николаевич стал лауреатом Национальной премии за лучшую книгу года (Социологическая энциклопедия в 2-х тт., гл. редактор), в 2004 г. – лауреатом Международного конкурса «ПИЛАР», в 2007 г. – лауреатом Премии президиума РАН им. М.М. Ковалевского за выдающиеся работы в области социологии, а в 2008 г. – награждён Серебряной медалью им. П. Сорокина за вклад в науку.

Прочитанные лекции и спецкурсы в РГСУ, МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО и РУДН по научному управлению, социологии федеративных отношений и социологии СМИ получили широкое признание среди студентов и преподавателей. В качестве научного руководителя Вилен Николаевич подготовил более 30 кандидатов и докторов наук.

Хочется сказать о вкладе в сохранение памяти о Великой Победе: как почётный член Военно-научного общества. Вилен Николаевич является одним из руководителей издательского проекта «Бессмертный полк моей семьи», в рамках которого опубликовано уже 5 томов воспоминаний наших современников об их предках-ветеранах Великой Отечественной войны.

За успехи в научно-исследовательской, научно-организационной, педагогической и гуманитарной деятельности В. Н. Иванов награждён многими государственными и общественными наградами: Орден Дружбы народов, Медаль ордена «За заслуги перед Отечеством II степени», Медаль «За безупречную службу в вооружённых силах СССР» (III, II, I ст.), Золотая медаль Ассамблеи народов России, Медаль «Ветеран Вооружённых Сил», Медаль «200 лет Министерству обороны», Орден Организации Объединённых Наций «Единение» (деяния во благо народов), Орден «За возрождение России».

В марте 2024 года Вилен Николаевич получил Благодарственное письмо Президента Российской Федерации за вклад в развитие отечественной науки, многолетнюю плодотворную деятельность и в связи с 300-летием со дня основания Российской академии наук.

Заслуживает отдельного упоминания ещё одна грань таланта юбиляра – литературная. Путь Офицера и Учёного неразрывно связан с дорогой Поэта: Вилен Николаевич опубликовал уже 11 сборников стихов – лирические, философские, политические, все они дышат любовью к Родине, к Жизни, к Истине. А новых эпиграмм ждут друзья и коллеги! В. Н. Иванов является членом Союза писателей России, действительным членом Академии литературы, входит в общественно-редакционный Совет журнала «Мир литературы» и «Поэтической газеты», избран членом Президиума Московской городской организации Союза писателей России, является Лауреатом IV Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо» и ряда литературных премий. Награждён Золотой есенинской медалью, Памятной медалью «К 100-летию М.А. Шолохова» и др.

Дорогой Вилен Николаевич, для нас огромная радость и честь – поздравлять Вас с 90-летним юбилеем! Своим примером Вы вдохновляете и Учите всех нас главному – отношению к жизни как честному, вдохновенному и многотрудному Служению: Родине, Истине, Музе! Желаем Вам здоровья, сил и вдохновения! Ждём Ваших новых книг!

**Коллектив Института социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН
Редакционная коллегия журнала «Наука. Культура. Общество»**

VILEN N. IVANOV — 90!

Abstract. Editorial Board of the journal “Science, Culture, Society” and the staff of the Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS heartily congratulate their dear colleague on his Anniversary. Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor Vilen Nikolaevich Ivanov – 90!

Keywords: Vilen Ivanov, congratulations, anniversary

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

сетевой научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30 июня 2021 г.

Соучредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Общественная российская академия социальных наук
Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 24/7, стр. 1

Главный редактор:

Виктор Константинович Левашов

Ответственный секретарь:

Оксана Валерьевна Гребняк

Журнал «Наука. Культура. Общество» включён в базу РИНЦ и перечень ВАК.

ISSN 2713-0681

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте
<https://www.journal-scs.ru>

Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал «Наука. Культура. Общество» обязательна.

2024. Том 30. № 2. Дата выхода в свет: 08.07.2024.
Адрес редакции: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
Тел.: +7 499 530-27-32. E-mail: nauka.kultura.obshestvo@yandex.ru